

КИРА МУРОМЦЕВА

ПУТЬ К СЕРДЦУ
МУЖЧИНЫ

Ишь ты! Не нравлюсь я ему! Чести мне моя настырность не делает! Он, можно сказать, счастье своё из рук выпускает и пинок ему под аппетитную пятую точку дает. Счастье ведь разное бывает, даже такое взбалмошное, как я.

Путь к сердцу мужчины
Кира Муромцева

«Темнота друг молодежи»- подумала я, когда последний фонарь на моем пути стал нещадно мигать, как бы предупреждая, что еще немного и меня накроет сплошная непроглядная темнота.

Предупреждению я, конечно, вняла, но легче от этого не стало. Благо до дома оставалось несколько дворов и я надеялась преодолеть их без особых приключений.

— Опа, какая цыпа, — услышала я, через несколько метров, и из-за кустов, вышел один из представителей гоп-культуры нашего района. — Кошелек гони.

— Да, да. Сейчас, — запричитала я, в подобии испуга и стала рыться в сумке в поисках нужного.

Нет, конечно, не кошелек, который так не предусмотрительно требовал грабитель, а пачки сахарной пудры.

Пришлось пожертвовать сладким украшением и, распечатав, швырнуть содержимое пакета прямо в глаза грабителя.

Пудру, безусловно жаль, но кошелек было еще жальче.

— Ты дура, что ли?! — заорал сей индивид и стал с остервенением тереть глаза.

Я посчитала вопрос риторическим и лишь развела руками, хоть и понимала, что парень этого не увидит. Справки не имею, но такой диагноз слышу очень даже часто.

— А ты что думал, я вот прямо сейчас возьму и кошелек тебе отдам? — фыркнула я, скинув густой водопад каштановых волос с плеч и скрестила руки на груди. — Хотя... — задумчиво постукиваю указательным пальцем по подбородку, оглядывая с ног до головы щуплого парня в костюме аля "Адидас" и добавляю: — Могу отдать тебе кое-что другое...

Голос моментально приобретает соблазнительные нотки, а тело поддается чуть вперед, будто бы только и ждет, чтобы прижаться пышной грудью к мужчине.

— Что? — настороженно переспросил неудавшийся грабитель и сделал шагочек назад.

Меня, если честно, вся ситуация ужасно забавляла, поэтому недолго думая, я подошла ближе и провела ноготками по щуплой груди, облаченной в спортивную ветровку.

— Понимаешь, у меня мужика год не было, а ты ничего такой. Симпатичный, — заговорщицки подмигнула я.

— Ты это...не надо, — испуганно заблеял парень, чем еще сильнее развеселил меня.

— Почему не надо, милый? А потом мы с тобой поженимся и нарожаем кучу детишек, — воодушевленно вещала, стараясь своим смехом не провалить весь спектакль.

— Каких детей? Какой поженимся? — взвыл мой «грабитель», растеряв всю свою уверенность и наглость.

После чего с криками: «Чокнутая» и "Маньячка", бросился прочь.

— Ну и мужики пошли, — фыркнула расстроено я.

Им тут, между прочим, всю себя предлагаешь, можно сказать, родное тельце вручаешь на обогрев и заботу, а они трусливо бегут, хвосты поджав. И значит: смелости ограбить бедную несчастную девушку им хватает, а вот для женитьбы на одной никак не наберется...

Постояла еще пару минут, глядя в след давно исчезнувшего грабителя и тяжело вздохнув, поплелась домой. Хорошо, что в мире существуют любовные романы, иначе где бы я еще могла увидеть настоящих мужчин?!

Глава первая

Булочки на противне издавали просто умопомрачительный аромат.

Я нагнулась, над вредными для фигуры вкусностями, вдохнула запах полной грудью, от чего желудок тут же отозвался вполне себе понятным урчанием.

Рот моментально наполнился потоком слюней, однако, я на провокации никогда не поддаюсь, поэтому послав желудок — подстрекатель куда подальше, отвернулась от хлебобулочных изделий и поставила новый противень в духовку, после чего со спокойной душой уселась обратно на стул и подтянула к себе книжку.

Роман был очень интересным, если бы не одно "но": героиня оказалась непроходимой дурой.

Понимаю: ты принцесса, вся такая из себя мамзель, а тут тебя берет и крадет какой-то викинг, мечтающий отомстить твоему отцу.

Обидно, досадно, но не настолько же! Вот как?! Как можно упустить такого мужика?! Не пьет, не курит, не бьет, не дебоширит, с тебя пылинки сдувает, шмотки тебе покупает, мамы под боком не имеет...

Я фыркнула от досады и захлопнула книжечку, в совершенно расстроенных чувствах. Будь на ее месте наша обычная русская девушка, давно бы такого ценного кадра к рукам прибрала. А та лишь ноет, да сопли пузырями пускает. Тьфу!

Может я, конечно, чего-то не понимаю, но нормальные мужики нынче на вес золота. Как поется в той песне: "Потому что на десять девчонок, по статистике девять ребят". Стоит добавить, что из них четверо окажутся голубыми, двое алкоголиками, еще двое наркоманами и один нормальный, но у него, как говорила моя бабка, в загашниках три недостатка. Жена и двое детей.

Хотя, иногда, в моей голове закрадывалась подлая мысль: а что если проблема во мне?! Нет, есть же хоть какая-то причина, что с мужиками мне катастрофически не везло?! Дольше всего, правда, продержался Петенька. Он даже был готов повести меня в святая святых: ЗАГС, но любить я Петьку — не любила, а рожать от него детей было высшим идиотизмом.

Петя, а точнее Петр Иванович Зубило был профессором в местной академии. Преподавал химию и мне все время думалось, что в своей жизни больше нее он любит только свою маму — Розу Львовну. Она отвечала Петеньке с не меньшей страстью, залюбив своего сына до такого состояния, что из Пети мог вить веревки абсолютно любой человек, а он, аки безвольный телок, понунив голову делал все, что от него требуется.

Идеальный муж, но не для меня. Так что по обоюдному согласию Петенька собрал пожитки и, как всеми известный ежик, укатил в туман. Ну, как по обоюдному... Я его выгнала, а он и согласился. Без крика, угроз, вопрошанию: кто в доме хозяин. Просто собрал вещи и ушел, лишь мимоходом заметив, что мама будет в печали. Я ведь ей так нравилась...

Опять вздохнула, вспоминая события годичной давности и заглянула в духовку, наблюдая как заготовки из теста медленно превращаются в чудесные золотистые булочки. Вот так бы засунуть себя в какую-то печь, а вытащить уже красивую, цветущую, стройную...

Мысль была, конечно, соблазнительная, да только ужасно глупая. Себя я любила, несмотря на парочку лишних килограмм. Ладно, килограмм было не парочка, но это ровным счетом ничего не меняло. Фигура у меня была аппетитно округлая, щеки блестели здоровым

румянцем, волосы были длинными, каштановыми, густыми. Некоторые вон кучу денег тратят на всякие новомодные средства, а я никогда не маялась на тот счет. И да простят меня все женщины мира, худеть я тоже никогда не желала.

Повернувшись к холодильнику, глянула на свое отражение в его зеркальной поверхности, поправила ярко-красную косынку, служившую для защиты моих творениям от волос и подмигнула самой себе.

А что?! Вполне себе ничего. Грудь есть, попа на месте, талия тоже присутствует. А то что не модель... Так извините, не всем своими спичками по подиуму суждено шагать, кто-то же должен быть красивым.

— Валентиночка Сергеевна, — Танюша, мой кассир, заглянула на кухню, от чего ее белокурые букли весело подпрыгнули, и воскликнула: — Там из банка звонили. Сказали, что одобрили кредит!

— Наконец, — мельком глянула на еще не готовые булочки в духовке, стянула цветастый передник и добавила: — Пригляди, чтобы не подгорели.

Когда я только открыла кондитерскую, исполнив тем самым свою давнюю мечту, даже не думала, что спустя каких-то несколько лет, решу расширяться. Но клиентура росла, места становилось все меньше и вскоре, решив, что если в личной жизни мне не везет, то в работе все должно быть без сучка и задоринки, я пошла на поклон в банк. Характер у меня пробивной, спасибо бабке, и если чего удумала, всегда в жизнь воплощаю. Так что в этом самом одобрении кредита не сомневалась. Ну почти...

Решительно вытащив из шкафа черное платье, поднесла вешалку к телу, минуту посмотрела на свое отражение, мысленно прикидывая, сойду ли за деловую леди, а затем махнула рукой и полезла за любимым клетчатым сарафаном с открытыми плечами. И плевать, что совсем не подходит под принятые нормы офисного дресс-кода, зато красочно и по-летнему.

Мазнула по губам блеском, распустила волосы и обув босоножки, присела на дорожку, вновь отметив, что весьма удачно купила квартиру, прямо над кондитерской. Ну, что? Улыбнулась, грудь вперед и айда покорять мир?! Главное помнить: пленных не брать!

Вот кто меня за язык то тянул?! Пленных не брать! Тьфу ты! А теперь лежу на холодному полу, по ходу дела, костеря на чем свет стоит архитекторов, которые придумали застелить пол мрамором.

Красиво, конечно, но ужасно холодно. Так не далеко подцепить: мастит, цистит, фарингит...

Лежу молча. Потому что, если рот открою, сто пудов, что-то ляпну. А грабители банка явно отличались от недавно попавшегося на пути гопника. Этих, как не прискорбно, сахарной пудрой не обезвредишь.

Пятеро мужчин, все в масках и с пистолетами.

Голоса грубые, прокуренные и еще до того противные, что зажать бы уши, но шелохнутся страшно. Я, безусловно, девушка не робкого десятка, но это совсем не значит, что глупая. Надеялась только на одно, что все деньги они не утащат и кредит я, все-таки, возьму.

Решив, что еще немного и точно подхвачу на все интересные места простуду, плюнула на предосторожность и стала медленно подниматься, облокотившись спиной об чей-то рабочий стол. Я, конечно, не медик, но, по-моему, цистит лечится легче, чем мастит.

Может меня и не заметят?! Людей вон сколько, авось затеряюсь в толпе одинаковых лиц.

Губу пришлось закатать. Заметили меня сразу. Мало того, главарь, еще недавно подгоняющий своих пешек, тут же переключил все свое драгоценное внимание на мою скромную персону. А я что? Я правда замерзла!

— Холодно, — пояснила я, не дожидаясь его вопроса и постучала ладошкой по полу. — Мрамор, между прочим.

— А..- начал он.

— А мне еще детей рожать и кормить, — перебила я и скрестила руки на груди, всем своим независимым видом показывая, что обратно не лягу.

Мужик похоже совсем был ошарашен такой наглостью и вновь что-то булькнул, взмахнув оружием, но прибить меня не успел.

Стекла на окнах с характерным звоном осыпались красивой кучкой и помещение стали заполнять крупногабаритные мужики. Ой, все прям как в самых крутых боевиках!

— Всем оставаться на своих местах — работает СОБР! — огласил один из мужчин, на чьей спине желтыми буквами была эта же самая аббревиатура. После чего, толпа одинаково облаченных мужиков, ловко положили всех пятерых преступников лицом в пол.

Наверное, любая бы на моем месте тяжело вздыхала, руки заламывала, валялась в истерике от пережитого, а я лишь жадно следила за мужскими фигурами. Какие гены! Какой потенциал!

А ведь гопнику тогда не врала. Мужика у меня действительно не было год. А таких мужиков я только на картинках, да по телевизору видела.

— Лежать, тварь, — заорал один из мужчин на главаря грабителей и впечатал свой ботинок в его морду.

Жестоко, однако. Правда стоило себе напомнить, что жизнь не сериал и сюсюкаться с преступниками никто и подавно не будет. Хорошо если не разукрасят, перед тем, как отдать в руки нашей доблестной полиции.

— Девушка, — перед глазами клацнули мужские пальцы в черной перчатке и я тут же возвела очи на отвлекающий фактор. Сам фактор, приподнял черную маску, закрывающую лицо и галантно протянул мне руку. — С Вами все в порядке? Скорую надо вызвать?

Язык благополучно прилип к небу и отлипнуть никак не хотел. Я глупо хлопала глазами, вглядываясь в красивое лицо мужчины. Красота, в общем, мнение субъективное и у каждого своя. Моя сейчас смотрела на меня выжидающе и уже походу собиралась звать дяденек в белых халатах.

Ну, безусловно даже я растерялась, что бывает очень редко. Мужик был действительно умопомрачительный. Высокий, широкоплечий, с ручищами такими огромными. Цвет волос не видно из-за дурацкой маски, но судя по бровям и смуглой коже, черноволосый, да еще ко всему кареглазый. Нос горбинкой, явно ломаный, губы тонкие, подбородок грубый, выпирающий чуть вперед, к тому же покрыт, как и щеки, небольшой щетиной, что только добавляет мужчине очарования.

Сначала в голове появилась яркая надпись: "Ты как знаешь, а я поехала. Твоя крыша", а затем вторая не менее яркая: "Хочу от него детей!".

Обычно всякого рода глупые мысли в моей голове обрывались на корню, но сегодня у меня все было наперекосяк. Поэтому мужику я могла только посочувствовать. Меня теперь даже танк не остановит.

— А Вы женаты? — первое, что спросила я и вцепившись в его руку, ловко поднялась с пола.

Руку отпускать не хотелось, но спугнуть жертву я тоже не могла. Поэтому посмотрела на свою тоненькую ладошку в его лапище, мысленно горько вздохнула и отпустила ладонь нового знакомого.

— Вижу, с Вами все отлично, — хохотнул он.

— Вы не ответили, — упрямо поджала я губы.

Что я зря попу морозила, дожидаясь пока он меня тут спасет?!

— Нет, — качнул головой, подмигнул и опустив маску, скрывая лицо, зашагал к выходу из здания банка.

В высшей степени бесчеловечный поступок. А вдруг я головой треснулась и у меня сейчас помутнения рассудка? Хотя, помутнения у меня, похоже, случаются и без ударов.

— Даже не думай, — буркнула я себе под нос, вцепившись в первый попавшийся терминал. Дышим, думаем, никуда не бежим. — Стойте...

Мужик моего крика не услышал, либо же сделал вид, что не услышал и продолжал рассекать толпу взволнованных бывших заложников.

— Мужчина, в черной форме... — дура, они тут все в черной форме.

Вот видит Бог, я не хотела за ним идти, но если Магомед не соизволит прийти к горе, гора так уж и быть, забудет про свою женскую гордость, вспомнит про женскую наглость и пойдет сама. Все же двадцать первый век, люди добрые.

Нагнала я его быстро. Может потому, что цель двигалась совсем не спеша, то и дело пропуская вперед себя людей, то ли от того, что мотивация у меня зашкаливала, но вот уже спустя каких-то пару минут, я стучу ладошкой по плечу мужчины.

— Кхе-кхе... — боец СОБР обернулся, взглянул еще раз на меня и кажется возвел очи к потолку. Не вздыхай, касатик, я только начала...

— А Вас как зовут? Меня Валя, — и руку протянула для знакомства. Ну не может же он даме отказать в такой мелочи, как назвать имя ее спасителя. Особенно когда у дамы глубокое декольте и четвертый размер груди.

— Гоша, — все же представился Георгий, несмотря на свое совершенно шокированное состояние. — А теперь извините, мне пора идти.

И развернулся. И ушел. И даже глазом не косил в мой вырез. В пору закупаться валерьянкой или чем-то покрепче.

— Гоша, — решила не отставать я, судорожно придумывая, что же еще ему такое сказать.

Думай, Валентина, думай. Иначе сейчас сядет твой суженый-ряженный в фургончик и укатит в закат, оставив тебе разбитое сердце.

— Георгий! — совсем уже обреченно. — А не хотите ли пригласить меня на ужин?!

Глава вторая

— А он чего? — спросила Елизавета, сестрица моя единокровная и, открыв рот пошире, запихнула в него целую корзинку из песочного теста, наполненную доверху воздушным белковым кремом.

Я мысленно присвистнула, в который раз удивившись такому аппетиту сестры и слегка позавидовала. Самую малость.

В отличие от меня, Лизка была худой, белокурой и голубоглазой красоткой. Этакая ожившая мечта половины мужиков на планете.

И меня бы, наверное, жаба задавила, что у мужчин при виде нее в усиленном режиме начинают работать слюнные железы, но: во-первых, Лиза была давно и прочно замужем, во-вторых, муж у нее был следователь убойного отдела, а в-третьих, — что вполне предсказуемо, — заниженной самооценкой я не страдала, поэтому относилась к этим танцам с бубном вокруг сестрицы, можно сказать, философски. К тому же, ее кавалеры приносили неплохую выручку моей пекарне.

— Чего-чего?! — передразнила я Елизавету, помешивая чайной ложкой сахар в кофе. — Включил режим «морозко». Буркнул что-то про работу, ужасную занятость и прочую лабуду.

— Пффф... — сестрица хрюкнула в чашку от праведного возмущения и нахмурила бровки, тем самым выражая все свое недовольство. — А хочешь, я тебе помогу?

Я возвела свои ясные очи к вывеске над пекарней, на террасе которой и располагался наш столик, после чего отрицательно качнула головой.

Как-то раз я уже воспользовалась помощью сестры, о чем очень пожалела. Нет, конечно, «Плюшки от Валюшки», тоже неплохо, но ведь я хотела совсем другое название!

— Но плюшки же остались, — правильно поняла мою мысль Лиза и пожала плечами. — К тому же, если тебе станет легче, я могу попросить Ромашку пробить только адрес их места дислокации. Цени мою доброту: могла бы просто тихонько по голове скалочкой, — и к тебе на порог.

— Откуда у Вас, Лизаветишна, такие криминальные наклонности? — на сей раз пришла моя очередь хрюкать в чашку, только теперь от сдерживаемого смеха. — Посадит тебя Роман Игнатьевич на пятнадцать суток, доиграешься...

Лизка отмахнулась и потянулась за последней корзинкой на блюде. Запихнув ее в рот, отчего щеки раздулись, как у хомяка, радостно улыбнулась и откинулась на спинку стула, жестом показывая, что ждет ответ и лучше бы он был положительный.

— Черт с тобой, — отмахнулась я. Тем более, если честно, идей, как найти Гошу не было, а мысли у сестры были более, чем трезвые. Авось прокатит?

— Неее...со мной не надо, — невнятно пробурчала сестра, пережевывая. — Ромашка не любит конкурентов...

Ромашка...Я закатила глаза и, забрав пустое блюдо с кофейником, направилась на кухню. Нет, ну серьезно? Как можно следователя убойного отдела, высоченного лба с улыбкой сущего дьявола, называть Ромашкой? Или лыжи не едут или я чего-то в этой жизни не смыслю.

Хотя, тут во мне бурчит чисто женская вредность. Лизка мужа любила, он отвечал ей полной взаимностью, и все мои возмущения были лишь для проформы.

Да, бывает, вселяется в меня вредная бабища и я ворчу на всех и вся. Зато на следующий

день красивая, цветущая и умопомрачительная донельзя.

— Валентина, здравствуй, — поздоровался Петенька и присел на стульчик, чинно сложив портфель на коленках. Ни дать ни взять, — примерный ученик. — У меня к тебе серьезный разговор.

— Опять? Петь, не надоело? — вздохнула я и села напротив мужчины, чьи глаза выражали вселенскую скорбь, обиду и полную бесхребетность.

Я вот не знаю, как я вообще умудрилась согласиться лечь с ним в постель, ни то, чтобы жить под одной крышей.

— Мама страдает, а у нее, между прочим, сердце больное, — стал давить на жалость Петр. — Она хочет, чтобы ты стала моей женой.

— Петя, твоя мама переживет всех нас вместе взятых, — поджала я скептически губы и скрестила руки на груди. — Так и скажи, что она не нашла большей дуры, чем я.

— Зачем ты так? — Петя глянул на меня глазами побитой собаки и шмыгнул носом в совершенно расстроенных чувствах. — Мама тебя любит...

— А ты, Петь? Ты меня любишь? — спросила просто так, потому что и без него знала ответ.

Не любит и никогда не любил. Поэтому, хоть убей, не понимала: зачем двум людям, которые друг друга не любят, создавать семью? Выгода? Никакой. Петя беден, как церковная мышь, да и я в долгах теперь. Взаимопонимание? Тоже мимо. Комфорт и уют в доме? А вот тут можно даже посмеяться. Потому что и комфорт, и уют создавала всегда я. Я вешала гардины, забивала гвозди, шпаклевала стены, клеила обои, собирала мебель и чинила краны.

Так что, лучше уж кота завести, чем такого мужика, за которым надо сопلي подбирать и, при этом, не забывать в рот заглядывать! А то мама будет ругаться...

— Петь, иди домой, — тяжело вздохнула я, так и не дождавшись ответа. — Маме привет.

Смурной Петр кивнул, взял свой портфельчик и направился к выходу, в который раз эпично добавив: «ты еще пожалеешь». А я уже пожалела. Пожалела, что потратила целых два года на эти совершенно бессмысленные отношения.

— Что, опять замуж звал? — хмыкнула Лизка, когда я вернулась за столик. Видимо, приход Зубило не остался незамеченным.

— Ага, — безрадостно кивнула я, подперев подбородок ладошкой, и спросила: — Так ты адрес достанешь?

Не знаю, какими путями, но адрес Лизавета все же нашла. Хотя, почему не знаю? Несмотря на такое огромное внешнее различие, характеры у нас были очень похожи.

«Две шельмы» — с гордостью приговаривала бабка, трепля нас по макушкам.

А сама-то была не лучше. Сколько лет уже прошло, а все село до сих пор вспоминает, как она деда в ЗАГС вилами гнала. Я лишь надеялась, что Георгий сдастся добровольно и мне не придется идти на крайние меры. Вилы, конечно, не обещаю, но идея с дубинкой была очень уж привлекательной.

Готовилась к встрече со своей судьбой я основательно. Достала из закров шкафа красивый яркий комплект, состоящий из шорт и топа, накрутила волосы, сделала макияж, выделив свои красивые глазки, и испекла торт.

Киевский, с грецкими орешками, украсив его ажурной шоколадной сеткой и россыпью мелко мelenого арахиса. Красота получилась неопиcуемая. Я даже, по хорошему,

позавидовала Гоше. Достанется же ему такая хозяйюшка, как я.

Запаковав свой шедевр в красивую коробку с наименованием моей пекарни, схватила сумочку и сразу же вызвала такси. Шагать пешком до нужной улицы, да еще и на каблуках было выше моих сил. Гоше, между прочим, нужна я свежая и вкусно пахнущая, а не аки загнанный конь, пропахавший поле.

Машина приехала быстро и также быстро довезла меня до места назначения, а вот дальше... Дальше отличное настроение испарилось, как только я увидела место работы моего суженого.

Никакой таблички, никаких указателей, лишь высокий забор, да небольшая будка — проходная.

Правда, и тут я не спасовала. Да, попасть трудно, но никто же не обещал, что все будет легко и просто? К тому же за свое счастье надо бороться. Вот я и буду!

Поправив сползающий топ, явно предназначенный для малогабаритных форм, растянула губы в улыбке и решительно дернула дверь, ведущую к проходной.

Проходная была похожа...на проходную! Коридор, стена, дверь, окошко. Ничего необычного: все просто и понятно. В окошке светилась конопатая мордашка молодого паренька, от чего я тут же невольно расслабилась. Кажется, все будет не так страшно, как казалось.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровалась я с мальчиком, поборов желание потрепать ребенка по щечке.

Ну, право слово, такой умильный. Сам рыженький, щечки кругленькие, да еще и ямочки на этих самых щечках в придачу.

Возможно, я бы даже подумала, что пришла не туда, но форма у мальчика была черная, а в зеркале, позади него отображалась, на спине, знакомая аббревиатура желтыми буквами. Хиленькая у них тут охрана, однако.

Хотя, кто по доброму здравую, да здоровой памяти решит взять штурмом базу СОБРа?! Разве что я, но меня и дивизия накачанных мужиков не остановит, раз уж я на кого глаз положила.

— Это закрытая территория, — буркнул пацан и задрал свой, усыпанный веснушками, нос. Все, беру свои слова обратно. Он мне больше не нравится.

— А я знаю, — отмахнулась я. Поставила торт на выступ, около окошка, наклонилась чуть вперед, соблазнительным жестом, откинув волосы за спину. — Но мне туда очень надо. Обещаю быть тише воды, ниже травы.

— Не положено, — упрямо поджал губы мальчик, воинственно выдвинув подбородок, однако, не переставая нырять взглядом в моё декольте. Ну, прямо Юлий Цезарь всероссийского масштаба.

— Как тебя зовут? — решила пойти я издалека.

— Илья Сергеевич, — ответил малец и пальцем указал на нагрудную нашивку. И правда: «Скороходов И.С.».

— Илюша, — отбросила я всякий официоз. Уж простите, но на Илью Сергеевича он никак не тянет. — Понимаешь: я замуж хочу.

— Не понял, — Скороходов мотнул головой и округлил глаза. Мда, похоже, все еще не улавливает связь.

— Что же тут не понятного? В школе учился? Помнишь, правило такое было по русскому языку: «уж замуж невтерпеж»? Так вот: у меня все сроки горят.

— А я при чем? — повторно удивился ребенок.

— Вот и я думаю: ты при чем?! Я же не к тебе пришла!

— Гражданочка! — попытался гаркнуть Илюша, но получилось как-то не очень.

Я не спорю, вырастет ребенок и будет очень даже себе ничего.

Мужики ж они — как вино. Кто-то становится с годами только лучше, а кто-то превращается в уксус. Вот этот недозрелый, будет явно хорошим, дорогим вином, осталось только самую малость подождать...

Но, сейчас, в восемнадцать или сколько ему там, попытки казаться серьезным и зрелым мужем были просто умилительны. До чего же зайныка этот Илюша!

— Вы мне тут мозг не морочьте. Сказано — не положено, так не положено. Звоните командиру, договаривайтесь, Вам выпишут пропуск.

— Ладно, — пожала я плечами. — А номерок командира не дадите?

— Он женат, — на всякий случай предупредил Илья Сергеевич, бросив в меня хмурый взгляд, но телефон на листик все же стал записывать.

Я хмыкнула и развела руками. На честь командира не претендую.

— Благодарю, — двумя пальчиками подхватила листик и, достав из сумочки мобильник, стала вбивать номер.

— Вы чего делаете? Вы сейчас, что ли, звонить хотите? — взвился Илья. И чего спрашивается, нервничает?! Сам сказал: бери телефон и звони. Я и звоню.

— Конечно, а когда еще? — изогнула бровь, продолжая набирать номер, после чего нажала на кнопку вызова и поднесла трубку к уху, ожидая, когда мне соизволят ответить.

Илюша рядом краснел, бледнел и вообще напоминал мне индикатор из мультфильма «Тайна третьей планеты». То есть, еще немного и по нему стучать не понадобится. Он сам станет фиолетовым в крапинку.

— Стойте! — наконец выкрикнул Илья.

— Да я, вроде, никуда не ухожу, — пожала плечами, но трубку от уха отняла. Все равно там никто не хотел меня слушать.

— Я сам! — дрожащими руками мальчик схватил трубку стационарного телефона, поднес ее к уху и стал набирать совершенно другой номер.

Я ради такого дела, специально в окошко заглянула, чтобы удостовериться.

Похоже, кто-то пытался меня выпроводить, но делал это настолько неумело, что сам себя и сдал.

Говорю же: дитё. И кто его сюда поставил?! С такой профессией нужно иметь стальные яй... нервы и всем своим видом излучать флюиды спокойствия. Эх, молодо-зелено.

Где-то далеко, в подкорке, понимала, что действую очень уж нагло. Как бы за свои действия не получить пинок под любимую попку, но отступить было уже поздно, поэтому наострила ушки, прислушиваясь к разговору.

— ...тут девушка, — вещал Илья.

— Валентина, — подсказала я.

— Валентина, — послушно повторил Скороходов.

— Сергеевна, — еще одна подсказка.

— Сергеевна, — не задумываясь, произнес Илюша, после чего повернулся ко мне, взглядом меча молнии: — Да помолчите Вы уже!

— Молчу-молчу, — выставила руки вперед, после чего жестами изобразила застегнутый рот.

— Нет-нет, не Вы..., да, буду ждать..., слушаюсь, не пускать, — Илья положил трубку и гаденько ухмыльнулся. — Командир сказал, что сейчас подойдет.

— Отлично, — повернулась к окну, ведущему на улицу, и с гордым видом уселась на подоконник, не забыв примостить торт рядом. — Я никуда не спешу...

Тренировка шла полным ходом, когда у командира зазвонил телефон.

Артем Михайлович Завьялов горестно вздохнул, жестом показал спарринг-партнеру по рукопашному бою, что отойдет на пару минут и воззрился на дисплей, на котором высветилось всего три буквы «КПП».

Несколько секунд ушло на то, чтобы вспомнить, кто сегодня дежурит и вздохнуть пуще прежнего.

Вечно у Скороходова проблемы. Как не понос, так золотуха! И сделать ничего не сделаешь — внук самого генерала. Сослали на КПП, да радости от этого никакой. Он и там умудрялся делов нагородить. Не парень, а сплошные неприятности.

— Слушаю, — ответил на звонок Завьялов.

— Товарищ майор, Артем Михайлович, тут девушка... — начал вещать Скороходов, то и дело запинаясь, чуть ли не на каждом слове.

Завьялов аж подобрался, про себя удивившись, что же там за барышня пожаловала, от чего всегда самоуверенный Илья, стал заикаться.

— Валентина, — оповестил женский голос на заднем плане. Красивый, кстати, голос. Нежный.

Скороходов, ни на секунду не задумываясь, тут же повторил имя посетительницы, как та, недолго думая, сразу же приплела отчество.

Товарищ майор поперхнулся от смеха, но тут же быстро взял себя в руки, прокашлялся в кулак и сделал вид, что внимательно слушает. Разговор на заднем плане все сильнее поднимал настроение.

— Да помолчите Вы уже! — выкрикнул Скороходов.

— Я? — вполне натурально удивился Завьялов.

— Нет-нет, не Вы...

— И то хлеб, — хмыкнул Артем. — Я сейчас, через пару минут подойду. Барышню, не пускать! Справишься с заданием, так уж и быть, выпишу премию!

— Буду ждать! Слушаюсь, не пускать, — Завьялов положил трубку и тут же, не сдерживаясь, захохотал, чем вызвал оторопь у подчиненных. — Гоша, за старшего. Я сейчас вернусь.

— Без проблем, — отозвался Георгий, подойдя чуть ближе, и перешел на менее официальный тон. — Поделишься потом, что тебя так развеселило?

— Обязательно, друг, — хлопнул Завьялов товарища по плечу и направился на выход из спортзала.

Кто же мог подумать, что Завьялов не только расскажет старинному другу о причине его веселья, а именно с его легкой руки эта самая причина, в скором времени, станет сущим кошмаром Серова Георгия Николаевича.

Глава третья

Командир пришел быстро. Видимо, что-то в голосе моём дало понять, что дело действительно не терпит отлагательств. А я и рада. Чем быстрее меня к Гошеньке пропустят, тем лучше.

— Майор Завьялов к вашим услугам, — представился мужчина. Красив, зараза. Не так конечно, как мой Гоша, тут и сравнивать нечего, но харизма у мужика бурлила через край.

Я невольно приосанилась, спрыгнула с подоконника и нацепила на лицо свою самую приветливую улыбочку.

— Валентина, — промурлыкала я свое имя.

Гоше изменять я не планировала, но, если этот самый командир заведует тут всем, нужно показать себя с наилучшей стороны.

— Да-да. Помню. Сергеевна, — ухмыльнулся майор, от чего я совсем стушеввалась. Нет, ну кто меня просил своим языком молотить, что ни попадя?! — Так что привело вас в нашу скромную обитель, Валентина? — изогнул бровь Завьялов, и после секундной паузы добавил: — Сергеевна.

Где-то позади, в окошечке, хрюкнул от сдерживаемого смеха Скороходов, тем самым лишь подбодрив меня.

— А я к жениху пришла, — гордо вскинула подбородок и, взяв с подоконника торт, помахала им прямо перед носом Завьялова. А что? Не мой же начальник, можно и понаглеть.

— К жениху? — удивленно вскинул брови майор. — Ну, раз к жениху, тогда я просто обязан пригласить вас в мой кабинет, — после чего, совершенно не смущаясь, перехватил мою руку и забрал из нее торт. — Это мне? Спасибо. Люблю сладкое.

На секунду я потеряла дар речи. Смотрела, как этот наглый командир разворачивается и уходит, прекрасно зная, что кроме, как последовать за ним, у меня нет выбора. Вот это мужчина! Вот это выдержка! Вот это наглость. Не был бы женат — точно влюбилась!

Кабинет у командира был просторный, но ужасно пустой и серый. Никаких тебе картин, кроме портрета президента, никаких грамот, кубков, в конце концов, занавесок в цветочек. Сразу видно, что хозяин-мужчина.

— Присаживайтесь. Чай, кофе? — предложил Завьялов. Надо бы узнать его имя, отчество, а то даже не знаю, как обращаться. Не кликать же его «начальник» или «командир».

— Потанцуем, — буркнула я. Хорошо, хоть не продолжила всеми известную фразу. А то, боюсь, не так бы меня майор понял, после слов «водка, пиво, полежим.» — Нет, благодарю.

Отказалась весьма вежливо, даже, аки примерная девочка, положила ладошки на колени, размышляя как поведать командиру о своей причине визита.

— Итак, Валентина...кхм...Сергеевна, — насмешливо протянул Завьялов, усевшись напротив, еще и откинувшись на спинку стула, руки на груди скрестил.

Мол, ждет, не дождется, когда я соизволю объяснить, как моя персона имела наглость явиться в святая-святых и осквернить сие мужское царство. — Говорите, жених у вас тут?

— Ну, как жених... — я смущенно отвела взгляд и слишком живо заинтересовалась своим маникюром. Надо же, Валюха, а тебя, оказывается, еще смутить можно?! Еще не до

конца прожженная баба ты.

— Стало быть, не жених? — ухмыльнулся майор.

— Жених-жених, — закивала уверенно и добавила чуть тише: — Он, правда, еще не знает...

— А вы, я смотрю, барышня не промах, — заржал, как элитный жеребец в конюшне, мужик, а потом и вовсе наклонился через стол и подмигнул мне. — Так, как зовут счастливца?

— Гоша, — торжественно возвестила я, представляя этого самого Георгия в его черной форме. А еще лучше, без формы...

— А фамилия у вашего Гоши есть? — прервал мои мысли командир.

Я расстроено вздохнула и развела руками.

Фамилию то Лизка, вроде, достала, но я, хоть убей, не запоминала таких мелочей. Да и зачем? Может, он, после свадьбы, мою фамилию возьмет?

К чему все эти предрассудки, — они лишь мешают истинной любви. А у нас любовь самая, что ни на есть — настоящая. Я же, прям нутром чую, — мой мужик! Как есть, — мой!

Все это я высказала Завьялову. Описала нашу первую встречу, его героический поступок по спасению прекрасной девы, то бишь меня, и просто очаровательную черную форму, которая сидела, как влитая. Похоже, я становлюсь фетишистом... или фетишисткой?

— Кажется, я понял, кто Ваш потенциальный жених, — как-то слишком радостно заулыбался мужчина напротив. — Но, вы же понимаете, что просто так я не могу вас пропустить? Мы должны быть уверены, что вы не шпионка и не террористка....

— Я, честно, не такая, — вытащила из сумки паспорт и всунула Завьялову прямо под нос. — Берите-берите. Только пропуск мне выпишите.

— Паспорт может быть поддельным, — разумно заметил майор.

— Может, — закивала я. — И метеорит может прямо сейчас упасть, и солнце взорваться, и Моисеев стать президентом. Все может быть. И Гошу увести могут, прямо сейчас. А тогда я стану очень злой и найду себе новый предмет воздыхания. Не бойтесь, что этим предметом можете стать Вы?

Нет, все-таки, надо было узнать его имя — отчество. А то как-то слишком неудобно, угрожающе улыбаться незнакомому, пусть и красивому мужику. Ай, на крайняк отыщу тут себе запасной вариант. Судя по Гоше и его начальнику, мужики тут, как на подбор.

— Ладно, — потер переносицу Завьялов. — Будет вам пропуск, — я радостно подскочила, но меня тут же одернули. — Завтра.

— А... — начала я.

— А сегодня Вы пойдете домой, — закончил за меня мужик. — И если поспешите, — он бросил короткий взгляд на наручные часы. — То встретите свою любовь на КПП.

Мне не нужно было повторять дважды. Я радостно хлопнула в ладоши и, окрыленная прекрасной новостью, что не зря наводила красоту и все-таки увижу Гошу, быстренько выбежала из кабинета. И кто сказал такие глупости, что на каблуках бегать неудобно? Главное, ведь, с целью определиться, и все пойдет, как по маслу.

Уже у выхода вспомнила, что фамилию Георгия мне так и не сказали, но тут же отмахнулась от идеи вернуться и спросить. У меня еще куча времени, чтобы разведать такие мелочи.

— Где он? — запыхавшись, влетела я к уже знакомому окошку, с рыжей мордашкой внутри.

— Кто? — удивился Илюша, хватаясь за сердце. — Напугали, блин.

Это я умею, этого у меня не отнять. Вон, как маньяк бежал, теряя тапки. А я всего лишь хотела большой и чистой любви, для себя любимой. Пойдет, безусловно, и грязная. Я, девушка не сильно то и гордая, моеющее средство возьму и вычищу, чего уж там. Это, всем знаменитое Фейри, жир на животе не растворяет, а любовь, думаю, с легкостью отчистит.

Осмыслив, что мои мысли решили, будто их хозяйка Газманов, и стали скакунами, отмахнулась от Скороходова, и в совершенно расстроенных чувствах плюхнулась на подоконник. Итак, что мы имеем: торт сгинул в жарких объятиях Завьялова, красоту навела зря, еще и фамилию так и не удосужилась узнать.

Эх, Валя-Валя. Сколько я учила тебя уму — разуму, сколько уговаривала ничего и никогда не планировать, а вон оно как получилось. Втрескалась в незнакомого мужика, вспомнила, что не только кондитер, но еще и обалденная баба, и понеслась. Аки кошка мартовская, ей Богу.

Скомкано попрощавшись с Ильей, вышла на улицу и глаза к серому небу подняла.

Вот сейчас для пущей драматургии ливень пойдет, да гроза начнется, а потом, придя домой, ты будешь слушать сопливые песенки про любовь и жрать ведрами мороженое. Женская сущность, во всей красе, так сказать.

Как это себя, любимую, не пожалеть? А то, что по сути, мужик то незнакомый, и думать о тебе забыл, — не важно. У тебя же уже в голове свадьба, дом, орава малышни, как в любимых книжках.

Я тряхнула головой и недовольно фыркнула. Нет, раскисать-не мой профиль. Забыл? Напомним! Не захочет вспоминать, — заставим! Смелость города берет, а этого уж мне не занимать. Бабкина порода.

Голову подняла, грудь вперед, попу назад, губы в улыбке растянула и походкой от бедра, навстречу приключениям. То бишь домой, родная, домой. Тебя там булочки и пироженки жаждали.

Рядом, не спеша, проехал автомобиль, заставив меня повернуться и обомлеть, от навалившегося счастья.

Я даже ускорила шаг, чтобы поравняться с машиной и заглянуть в окно. За рулем сидел Гоша, плечом придерживая мобильный телефон и что-то бурно объясняя собеседнику. Видимо, поэтому и скорость сбросил, плетясь как черепаха.

Азарт хищницы довольно заурчал и выпустил коготки, готовясь к атаке. Ну, родной, держись! Я уже в подробностях придумала план дальнейших действий.

Скорость у него маленькая, а судя по развивающейся беседе, еще не скоро увеличится, так что, затормозить успеет, а даже если и нет... что же, на благо хорошего дела не жалко и сломать что-то.

Руку, например. Я мечтательно закатила глаза, представив, как он меня жалеет, отвозит в больницу, приглашает в ресторан, чтобы загладить свою вину... Однако, мечты мечтами, а уповать остается только на госпожу удачу.

Авто остановилось на пешеходном переходе, пропуская галдящую стайку карапузов с воспитателем, и плавно тронулось с места. Теперь оставалось дело за малым: прыгнуть прямо под колёса и разыграть такую жертву, что рядом, сто процентов должны появиться люди, держащие в руках, по меньшей мере, премию Оскара или что там за самая крутая кинопремия?!

Выпрыгнула я, и правда, эффектно. Зажмурившись от страха(все же едущая на тебя

машина приносит мало удовольствия), упала на капот, порвав колготки на коленях, и сползла вниз, закатив глаза. Эх, жаль костюмчик был мой любимый, но игра, явно, стоила свеч.

Гоша побледнел, словно призрак увидел, резко затормозил, отбросил мобильный и выскочил из авто, огласив общественность емким, а главное, описывающим абсолютно все, словом:

— Бл*дь!

А я что? Лежу, стону, и жду, когда этот недогадливый соизволит помочь пострадавшей. То бишь, мне.

Соображал Георгий недолго. Видно, все же сказалась СОБРовская подготовка. Подошел, склонился надо мной, всем своим внушительным видом вселяя благоговение. Не, ну не мужик, а сказка!

Главное, не выдать себя раньше времени, и, подглядывая из полуприкрытых век, не моргать. Иначе, все жертвы будут насмарку.

«Сказка», к тому времени, опустился рядом со мной на колени, взял мою руку своей лапищей и приложил пальцы к запястью, проверяя пульс.

Я картинно застонала, мол, вот такая я больная, слабая, и жду, когда меня спасут.

Правда, многострадальные колени все же были содраны и болели, но все это пустяки, в сравнении с теми электрическими разрядами, которые ударили при каждом его прикосновении. Теперь я понимаю Литвинову с ее: «я летаю — я в раю...»

— Девушка, — меня аккуратно взяли за плечи и потрясли. — Девушка, вы меня слышите?

«Слышу-слышу» — голосом зайца из «Ну, погоди!», отозвался внутренний голос.

А вот мой голос ничего не ответил, только издал какой-то непонятный страдальческий звук, и я открыла глаза, из-под длинных ресниц наблюдая за Георгием.

Все, теперь уж окончательно и бесповоротно влюбилась!

— Сейчас я отвезу вас в больницу, слышите? Руки, ноги шевелятся?

И руки и ноги шевелились, что я тут же продемонстрировала мужчине. После чего попыталась привстать, но сразу же была обнята за плечи.

— Нет — нет. Со мной все в порядке, — прохрипела я, голосом умирающего лебедя, и откинулась ему на руку, незаметно выпятив грудь вперед.

— Вы уверены? — протянул подозрительно Гоша, прищурившись.

Вот я, милый, уверена на все двести процентов, но тебе это знать необязательно.

— Просто отвезите меня домой, — все, теперь точно несите мой премию Оскара! Прямо сейчас!

Вон даже окружившие нас люди прониклись. Особенно бабулька, которая тут же принялась причитать:

— Ироды проклятущие! Люди добрые, посмотрите, что делается! Понакупали свои гробы на колесах! На людские деньги и убивают нас. Скоро в дома приходят будут, стрелять, да насиловать!

— Бл*дь- снова повторил тихонько Гоша, закатив глаза.

А вот сам виноват, между прочим! Надо было на ужин приглашать, как я ему и предлагала, в первый же день знакомства. А теперь, батенька, готовься... Уж я-то тебя в оборот возьму!

Глава четвертая

Денек был погожим... Нет, правда, замечательный день!

Я полулежала на заднем сиденье джипа Гоши и млела от ярких солнечных лучей, которые бликами скользили по лицу, заставляя счастливо жмуриться.

Однако, Георгий, то и дело бросая на меня беспокойные взгляды, все сильнее жал на газ. Интересно, почему?

Может, из-за моих страдальческих хныков, которые прямо-таки голосили о том, какая я несчастная. Не настолько, чтобы в больницу ехать, но несчастная же!

Между прочим, в наше время, мужчины совершенно не способны на поступки. Вот скажите, нельзя было по хорошему пригласить меня на ужин, с последующим завтраком (год воздержания и такой прекрасный генофонд дают о себе знать), и тогда, возможно, я бы разочаровалась за считанные секунды в Гоше. Не зря же существует теория, что чем крупнее мужчина, тем меньше у него...это самое!

Достоинством сей агрегат я назвать никак не могла. Ну, какое это, к черту, достоинство?! Достоинство у него может быть и большое, огромное просто, а вот ЭТО САМОЕ...

Понимая, что понесло меня не туда и я уже минуты три не строю из себя пострадавшую, прикрыла глаза, скривив лицо, как и полагается жертве ДТП.

Пока изображала вселенские страдания, авто остановилось возле родной кондитерской, после чего водитель, взглянув на вывеску громко хмыкнул:

— «Плюшки от Валюшки»? — и столько иронии в голосе, что мне моментально захотелось придушить Лизавету. Ну, сестрица! Ну, удружила! — Так вы, случайно, не эта самая Валюшка?

— Валентина, — буркнула я, про себя возмущаясь такой догадливости. — Но у вас, видимо, ужасная память.

— Пока никто не жаловался, — хмыкнул он, развернувшись ко мне корпусом. — Я вижу, вам лучше...

— Гораздо, — попыталась изобразить улыбку, но тут же скривилась.

Мол, лучше то, конечно, но столкновение с машиной даром не проходит: спина болит, хвост отваливается. — У вас входит в привычку меня спасать.

— Неужели? — Гоша вопросительно изогнул бровь, вперив в меня взгляд своих карих глаз. — Не припоминаю.

— Банк. Ограбление, — попыталась я восстановить его воспоминания. — Я вас еще на ужин пригласила, но вы сослались на срочные дела. Так, может, хоть сегодня накормите бедную девушку, которую сбили...

По-моему, зря я ему про себя напомнила. Вон как глаза округлилась и румянец резко спал.

Эх, Валя-Валя! Такими темпами, от тебя скоро все мужчины убежать будут. Все, кроме ...

Стук в окно заставил вздрогнуть и подпрыгнуть от неожиданности. Я уже готова была высказать все, что думаю, о прервавшем нас смертнике, но повернув голову, лишь застонала. Вот только его мне сейчас не хватало, для полного счастья!

— Валентина! — заголосил Петенька, барабаня маленьким кулачком в окно. Я же, в

который раз, удивилась, что вообще нашла в этом мужчине?!

Мужские руки всегда были моей особой слабостью. Широкие ладони с грубоватой, чуть шершавой кожей, которая при прикосновении, заставляет табун мурашек, пройтись по твоему позвоночнику.

Пальцы длинные, ровные и, самое главное, — вены. Слегка выпирающие, но от этого еще более привлекательные и сексуальные.

Я не могла объяснить, как вены могут быть сексуальными, да и описывать я хорошо не умела, но точно знала: Петькины худощавые, влажные ладошки, совершенно не подходили для почетного звания самого желанного места в мужской анатомии.

— Валентина, сейчас же открой окно, — краснел за стеклом Петя от праведного гнева, оглашая своими воплями всю улицу.

— Откроете? — усмехнулся Гоша.

— Придется, — тяжело вздохнула и нажала кнопочку автоматического стеклоподъемника. — Что, Петь, на этот раз?

— Валентина, немедленно выходи из машины! — Зубило даже ножкой притопнул, выражая, тем самым, насколько он зол. — Нам нужно поговорить!

— Опять? Петь, ну сколько можно то? Не выйду я за тебя замуж! У меня вот, — я махнула в сторону Георгия рукой и добавила: — Жених есть.

Жених, судя по бульканью, был весьма «рад» оказанной чести и хотел было возмутиться, но я ойкнула, потирая ушибленную, от удара об асфальт, спину. Вот вроде и не болела, а тут так резко.... А, главное, неожиданно!

— Жених? — только сейчас Петенька соизволил посмотреть на водителя автомобиля и, выпятив цыплячью грудь, снова стукнул ножкой. — Пусть выходит и дерется со мной как мужчина! Ни я, ни мама, просто так тебя не отдадим.

Гоша посмотрел сначала на меня, потом на Петеньку, после чего, почесав задумчиво затылок, скептически произнес:

— Зашибу же.

— Петь, иди уже, а? Никто с тобой кулаками махать не будет. Георгий-воспитанный молодой человек и предпочитает решать конфликт словами, — тут же память подкинула картинку, как бойцы СОБРа впечатывали ботинок в лицо грабителя, но Пете этого знатно явно не стоило.

— Я еще вернусь! — выпалил свою любимую фразу Зубило. — С мамой!

Смотрела я вслед гордой прямой спине Петеньки и вздыхала.

Ведь, правда, вернется и маму захватит. А мама Петеньки была страшнее всех проверок Роспотребнадзора и СЭС!

— Он всегда у Вас такой боевой? — прервал тишину Гоша, видимо, тоже проводив взглядом Петю.

— Нет, — отрицательно качнула головой. — Сегодня, наверное, магнитные бури. Или мама его опять завела песню о том, что помрет скоро, а внуков все нет.

Мы помолчали еще немного, переваривая сложившуюся ситуацию, а немного погодя я выпалила:

— Три.

— Что три? — явно не понял меня Гоша.

— Три раза Вы меня спасли. Теперь я просто обязана напоить Вас, хотя бы, кофе, раз вы не хотите приглашать меня на ужин.

— А это обязательно? — скривился СОБРовец.

— Обязательно, — кивнула я. — У меня есть бесподобные кексы и пончики. Вы любите пончики?

— Я не люблю сладкое, — пожал плечами Георгий. — Давайте так: Вы сейчас идете домой отдыхать, а если уж случится четвертый раз, тогда и кофе попьем.

— Ладно, — кивнула я, прищурившись.

Ну, Гоша! Тебя никто за язык не тянул. Будет тебе и четвертый раз и пятый и двадцать пятый.

Как поговаривала моя бабка: «Бизоновы-никогда не сдаются!».

Стояли мы на ковре у командира, как провинившиеся первоклассники.

Стояли втроем: я, Гоша и мужик этот, тортом измазанный.

Вот откуда мне было знать, что тренировки у них такие дурацкие. Учатся они, видите ли. А у меня, между прочим, стресс, от которого спасти сможет только теплый мужик под боком и коробка конфет.

Мужик, то есть Гоша, стоял рядом и взглядом метал в меня молнии, похлеще Зевса.

Только я тут при чем?! Я же не дурочка какая-либо, но во всех их военных премудростях ни черта не понимаю. Учения — это что, судя по фильмам?! В мишеньку постреляли, по стадиону побегали, песенки попели. Может, еще картошку заставят на кухне почистить, да только и всего. Кто ж знал то...

А дело было так: взяла я на проходной, значит, пропуск и пошла навстречу любви, раскачивая торт в руке, в разные стороны. Иду, никого не трогаю, что с моим характером бывает крайне редко.

Вдруг, из-за угла, автобус большой стоит. Дым с него кубарем валит. Еще и рядом мужики в форме, дерутся с какими-то камуфляжными. Смотрю, торт к сердцу прижала, как самую ценность большую, и боюсь. Если уж до СОБРа боевики добрались, то всё...

А камуфляжники, явно, были боевиками, по телевизору часто говорят, о таких вот иродах, взрывающих и убивающих людей, во имя какой-то своей высокой цели. Цель я, зачастую, мимо ушей пропускала, о чем пожалела сейчас.

Наших бьют, я же истуканом стою. Не дело то, ведь.

Туфли скинула, ибо каблуки сильно уж тормозили, как тут, из окна дымящего автобуса, выскочила знакомая фигура. И вроде все одинаковые, но сердце своё не обманешь.

Птицей раненной в груди забилося, пульс участился и гордость такая взяла. Мой герой, мой рыцарь в сияющих латах.

Омрачало картину одно: один из камуфляжников явно решил покуситься на моё сокровище. С пистолетом на перевес подошел сзади, намереваясь выстрелить.

Этого я позволить никак не могла, поэтому, сняв, со своего кондитерского шедевра, крышку, на носочках подкралась к боевику, и как вlepила ему по голове... тортом!

— Ты на х*ена ей вообще пропуск выписал? — заорал Гоша, прерывая мои воспоминания.

— Серов, не ори, — поморщился товарищ Завьялов. — Валентина Сергеевна, была вчера очень убедительна.

«Значит-с, Серов» — сделала мысленно пометку в голове. — «А что? Звучит! Серова Валентина Сергеевна!»

— Валентина Сергеевна, Вы зачем влезли? Бойца нашего обидели? — обратился ко мне

командир.

— Защищала, — потупила глаза и виновато вздохнула. — Думала, убить его хочет.

— Меня? — удивился Гоша, вскинув брови.

— Его? — в унисон воскликнули Завьялов и замазанный.

Отвечать не хотела, только еще тяжелее вздохнула и голову покаянно опустила.

Стлупила, — признаю. Еще и торт испортила, который для Гоши пекла. Хоть убей, но вот не верилось мне, что он сладкое не любит.

Как это мужик может сладкое не любить?! Да даже Петенька три ложки сахара в чай клал и медом закусывал. А Петенька, для образца мужского идеала, слабенький.

— Ой, насмешили, Валентина, — да, да! Они все это время нагло ржали надо мной.

Точнее, ржал Завьялов и замазанный, а Гоша почему-то еще сильнее посерел, оправдывая свою фамилию.

— Георгий, проводи своего телохранителя на КПП. Боюсь, что сама она еще куда-то влез...влипнет!

— Но... — я, как всеми известная Баба-Яга, была против, но мои возражения явно не принимались.

Меня взяли за плечи, развернули лицом к двери и, совсем уж неласково, подтолкнули вперед. Ну и чего, спрашивается, злитесь?! Не кислотой я этого замазанного, ведь, облила!

Гоша вытолкнул меня за дверь, аккуратно обошел и двинулся, как танк, вперед, сжимая губы в тонкую линию.

— Георгий, на этот раз я Вас спасла, — попыталась его догнать, на ходу обувая босоножки.

— Молчите, — оборвал он меня, выставив ладонь в аналогичном жесте.

— Право слово, я не понимаю Вашей злости, — я ускорила шаг и преградила Георгию путь. — Я просто хотела поужинать, а Вы бегаєте от меня, как черт от ладана. Я страшная?

— Нет, но... — опешил Гоша, пытаюсь сказать что-то еще, но я его перебила.

— Ты все-таки женат? — перескочила я на «ты», не видя больше смысла выкать.

— Нет! — воскликнул Серов. — Ты дашь мне сказать или...

— Ты гей? — изогнула я бровь и скрестила руки на груди.

— Боже упаси, — нет!

— Тогда я не вижу никаких причин, чтобы нам не быть вместе! — пожала я плечами, приведя поистине железобетонный аргумент.

— Что? — опешил он, совсем позабыв и о своей злости, и о том, что, еще секунду назад, так же плавно перешел на «ты».

— Что? — фыркнула я. — Или ты думаешь я ритуальные танцы тут просто так устраиваю?

— Я ничего не думаю! Слушай, Валентина, между мной и тобой, никогда и ничего не будет, — это раз! Ты мне не нравишься, — это два! И прекрати изображать из себя маньяка, тебе это, как девушке, чести не делает, — это три!

— Все сказал? — с полнейшим хладнокровием в голосе, спросила я. — Никогда не говори — никогда, — это раз! Я не отступлю, — это два!

— А три? — усмехнулся ядовито Серов.

— А три, — я еще не придумала, — выпалила я, и, пока он не успел ничего сказать, быстрым шагом направилась к выходу, не заботясь о том, идет он следом или нет.

— Ушла? — спросил на том конце мобильного телефона Завьялов.

— Ушла, — рыкнул недовольно Гоша. — М-да, с такими друзьями и врагов не надо.

— Да ладно тебе, — хохотнул Артем Михайлович. — Девочка — зажигалка! А какие торты печет-mmm...

— Это не девочка, это мой ночной кошмар в цветастом сарафане.

— Увы, Серов, ничего не поделаешь. Путь к семейному благополучию тернист и требует много усилий, для перевоспитания некоторых взбалмошных барышень. Скоро привыкнешь.

— И ты туда же? — заскрипел зубами брюнет.

— Молчу-молчу, — командир даже изобразил закрывающий, воображаемой змейкой, рот, но Георгий этого, к сожалению, не увидел.

Да и думал он уже совсем о другом: как избавиться от настырной девицы раз и навсегда?!

Ну не нравилась она ему! Не нра-ви-лась!!!

Глава пятая

Когда я нервничала — начинала печь. Печь очень много, чтобы хоть как-то занять руки и мысли, передать все свои обиды и горечи тесту.

Тесто поймет и примет, хоть это и плохая для него энергетика. По крайней мере, мне оно помогало лучше всех психологов мира, еще и денег не просило.

А то, если я, вот сейчас, не испеку хоть что-то — взорвусь от праведного гнева!

Ишь ты! Не нравлюсь я ему! Чести мне моя настырность не делает! Он, можно сказать, счастье свое из рук выпускает и пинок ему под аппетитную пятую точку дает.

Счастье ведь разное бывает, даже такое взбалмошное, как я.

Выпавшую из-под косынки прядь волос, упрямо сдула со лба, при этом не переставая мешать в миске масло с сахаром.

Нет, разве нормально говорить такое девушке, которая ради тебя жизнью рисковала? Ну, оплошала — не спорю, только вот не повод это злиться и психовать. Я тоже, между прочим, умею злиться. Еще как умею! Вот сейчас корж в духовку поставлю и как разозлюсь! Так разозлюсь, что крем для придуманного на скорую руку шедевра, будет кроваво-красного цвета, а не шоколадного, как планировала изначально. Я буду размазывать его по коржу и представлять, что это чья-то кровь! Да, да! Вот такая я кровожадная и мстительная.

— А какие ему нравятся? — вслух сказала я, остановившись и резко вскинув голову. Еще и прищурилась. Не добро так! Конечно, гусь-свинье не товарищ, и все такое...

Злость клокотала во мне, аки лава внутри проснувшегося вулкана. Я ведь к нему со всей душой, а он?! Одно знала точно: что бы там перед КПП Гоша не говорил, отступить я не намерена.

— Навязчивая, значит?! Маньяка изображаю?! Будет тебе маньяк! — бубнила я себе под нос.

Танечка, видя моё состояние, несколько раз заглядывала и тут же убегала от греха подальше. Хорошая у меня помощница, умная!

— Валечка, ты такая злая, шо я даже боюсь тебе шо-то сказать! Но не в правилах тети Розы бояться, — послышался голос Розы Львовны от двери и я еле сдержалась, чтобы не застонать в голос. Не даст, чую, мне семейка Петеньки, покоя! Только вроде одного выпроводила, платочком шелковым вслед помахала, так теперь Петина мама тут как тут. И если Петю пронимал уставший взгляд и слезливая просьба умчаться с горизонта, то Роза Львовна Зубило была на редкость предприимчивой и упрямой особой.

— Тетя Роза, какой замечательный сюрприз, — я оставила в покое бедное масло в миске, взбитое с сахаром до полного единения и повернулась к вошедшей женщине. Мельком посмотрела, чтобы в зеркальной дверце холодильника отражалось чистое лицо, без следов муки, заправила успевшую надоест своим произволом прядь волос и стряхнула невидимые пылинки с фартука, еще и пригладив его, на всякий случай, ладошками.

— Петенька бережет меня от положительных эмоций, — тяжело вздохнула тетя Роза, вплывая в святая святых, — мою кухню. — Я себе знаю, а вы себе думайте шо хотите, но мальчик страдает.

— От чего же страдает мальчик? — поспешила отвернуться и, закатив глаза, подошла к электрическому чайнику. Ну, Валюша, держись. Пришла тяжелая артиллерия и будут делать тебе беременную голову, как говорит сама же тетя Роза. — Чай? Кофе?

— Кофу, милая, — Роза Львовна без малейшего стеснения пристроила свою крупногабаритную фигуру на стул и сложила ручки на животе, не выпуская маленький ридикюль. — Так ты знаешь, шо я пришла?

— Тетя Роза, я Вас люблю и уважаю просто безмерно, — выдохнула я, про себя добавив: «Когда вы далеко от меня и не трепете нервы», и вслух продолжила: — Но это не повод выходить замуж за Вашего Петю.

— Чем таки не повод? — удивилась тетя Роза, удивленно вскинув свои нарисованные, синим карандашом, брови. — Валечка, я знаю, шо мой сына таки не очень галантный кавАлер, но он очень хороший мальчик. Не пьет, не бьет, зарплату носит. То шо хиленький, так в детстве болел свинкой, корью, ветрянкой...

— Роза Львовна, у меня уже есть жених.

— Кто? От тот на дорогом джипе? Таки бросит он тебя, Валентина, помяни слово тети Розы. Тетя Роза любит тебя, як дочу свою, а ты тете Розе нервы делаешь.

— Роза Львовна! — возмутилась я и упрямо выпятила подбородок, скрестив руки на груди. — Нет!

— Почему нет, когда да? — хитро усмехнулась старая кошелка и покачала головой. — Вот бросит и хде ты будешь? К тете Розе придешь. Тетя Роза подождет. Она умеет ждать.

— Кофе готов, — говорить что-то еще было бесполезно, потому, пока Зубило Роза Львовна произносила сию пламенную речь, я сделала требуемый напиток и поставила чашку перед женщиной.

— Я с вас смеюсь, Валюша. И сама пей свой кофий. А я пойду, Петеньке котлетки пожарю, да вспоминать буду, кака невестка была хорошая, пока хахаля на джипе не встретила, — Роза Львовна с небывалой для своего веса прытью вскочила со стула и направилась на выход, пытаясь покачивать бедрами и огибать углы. Ты гляди, даже не возмутилась, что с такой шикарной фигурой, как у нее, ей негде пройти.

Когда за мамой Петеньки, наконец, закрылась дверь я спокойно выдохнула и, тыльной стороной ладони вытерла выступивший пот со лба.

Вот что меня больше всего удивляло в Розе Львовне, так это умение пользоваться своими корнями, в свою же выгоду. А ведь она прекрасно разговаривает на литературном языке, цитирует Бродского, Ахматову, любит балет «Лебединое озеро» и ходит в театры, но только в кругах абсолютно незнакомых людей. Со своими же, тетя Роза была такой, как видела ее сегодня я. И меня ужасно напрягало, что до сих пор Роза Львовна считала меня своей. Кошмар, как напрягало. Потому что, Петина мама была моей более старой версией и если чего-то хотела-добивалась. Возможно, потому так зацепилась за идею женить единственного и неповторимого сыночка на мне. Только вот моё мнение спросить как-то забыла.

Я устало опустилась на стул и волком глянула на все еще дожидавшуюся меня миску с маслом. Как-то и злость ушла и печь перехотелось.

Убрала миску в холодильник, сняла фартук и косынку, повесив униформу в шкаф, крикнула Танюше, чтобы не задерживалась, и пошла в свою пустую одинокую квартиру. Хотелось спать, а еще пожалеть себя, на судьбинушку поплакаться хоть кому-то. Однако, приняв душ, легла в кровать, и как только голова коснулась подушки — выключилась. Завтра меня ждал тяжелый день. Завтра я открываю новый сезон охоты на Георгия, и на этот раз «живым» ему уйти не удастся. Я надеюсь...

На КПП, светя унылой физиономией, обнаружился Илюша. Парень скучал, работать не хотел, и всем своим видом показывал, как он хочет спать и домой. Правда, ровно до тех пор, пока на пороге не появилась я.

— Валентина, — как-то слишком обреченно произнес он.

— Сергеевна, — поспешила добавить и, улыбаясь, возвестила: — Это я.

— Пироженку хочешь? А Серов на месте? А командир где? А ты любишь пироженки с заварным или белковым кремом?

— Стоп! — истерично взвизгнул он, аж на стуле подпрыгнув. Так-с, из себя вывела, осталось информацию выведать. Он же теперь, чтобы меня больше никогда не видеть что угодно скажет. Только вот «никогда» я обеспечить никак не могла.

— Серов вам зачем?

— Так я за него замуж собралась, — объяснила парнишке и тут же пироженку в красивой коробочке подвинула. — Кушай, ребенок, кушай.

— Я не ребенок, — фыркнул Скороходов, но коробочку тут же умыкнул, пряча под стол.

— Не ребенок, — согласно закивала.

— Мужчина, — многозначительно прибавил Илюша и я тут же закивала. Да хоть Сталин, только дай пройти на территорию базы СОБРа. — Но вас все равно не пушу!

— Как непустишь? — опешила я.

— Вот так, — пожал плечами Илья и показал указательным пальцем вверх. — Приказ.

— Непустишь, значит, — недобро прищурилась я, давая шанс на отступление, но мальчик был неумолим. Головой отрицательно замахал и от окошка отодвинулся, как будто боялся, что ему сейчас, оставшимися пироженками прилетит. Видимо, слава замазанного, покоя не дает.

— Ладно, — отступила от окошка и всю выпечку гордо вручила Илье. — Бери-бери. Сотрудников угостишь.

— А вы...?

— А я пошла, — махнула рукой и заулыбалась так, что сразу стало понятно: затеваю гадость. Масштабную такую, со всем размахом.

Скороходов тоже оценил и улыбочку, и взгляд. Оценил и впечатлился. Так впечатлился, что рука самопроизвольно к телефону потянулась, но я отрицательно покачала головой.

— Не стоит, — усмехнулась и, развернувшись на шпильках, отправилась покорять неприступное здание базы СОБРа. Хотели маньяка?! Получите-распишитесь. Не жалуйтесь.

Майор Завьялов Артем Михайлович лениво перелистывал документы, вертя ручку пальцами. Работы было много и утомляла она похлеще спортзала и тира. Кто бы еще лет пять назад сказал, что начальником будет — не поверил и рассмеялся, а сейчас сидит такой важный в кабинете и отчаянно хочет назад, к ребятам. Он ведь и так поднабрал и сидеть устал, кресло протирая своей давно уже не мускулистой задницей. А там учения, операции, настоящая жизнь.

Телефон на столе заголосил и командир тут же схватил трубку, как спасательный жилет от рутины, успевшей изрядно его измотать.

— Майор Завьялов на проводе, — строгим голосом произнес Артем.

— КПП беспокоит, товарищ командир. У нас тут, похоже, ЧП, — послышался неуверенный голос Скороходова на том конце провода.

— Какое ЧП? — вот и почему он не удивлен. Скороходов, — ходячая неприятность, в чистом виде.

— Валентина приходила, — неуверенно начал солдат.

— Ага, — довольно ухмыльнулся Артем. — Сергеевна. Ну? Требуется пропустить?

— Никак нет, — Скороходов сделал драматическую паузу, заставив Артема Михайловича, предвкушающего веселье, подобраться. — Я сказал, как вы и приказывали, что не пушу. А она....

— Скандал устроила?

— Никак нет, товарищ майор. Ушла.

— Как ушла? Куда ушла? — опешил Завьялов, не ожидая такого поворота событий.

— А, неее, — хмыкнул Скороходов. — Не ушла....

— Так ушла или нет? — стал злиться командир, пытаясь понять, что же в конце концов хочет сказать ему подчиненный.

— Я думал, что ушла, а она не ушла, — хрюкнул от сдерживаемого смеха Илья. — Простите, товарищ командир. Просто, срочно включите пятую камеру. Наша Валентина Сергеевна через забор лезет...

Гоша вытер влажные, после душа волосы полотенцем и, взглянув на себя в зеркало, почесал подбородок. Зуд не утихал, но Георгий махнул на него рукой и пошел одеваться. Все же стоило утром побриться, но ночь была беспокойная и сны в высшей степени снились дурацкие. А всему виной Валентина, которая даже ночью покоя не давала и тянула к нему свои ручки, стремясь схватить и утащить в болото. Тьфу ты! Ведьма какая-то, а не баба.

Только сейчас, подумав о чем-то сверхъестественном, Гоша заметил, что вокруг не было ни души. В принципе, так даже лучше и спокойнее, но подозрение не утихало.

Потому, одевшись, Серов выскочил из душевой и, быстрым шагом направился по коридору, напрямик в кабинет командира. Не мог же он настолько задуматься и пропустить сигнал тревоги?!

Уже на подходе понял, что сигнала не было точно, а весь народ толпится в кабинете начальника и сотрясает стены диким хохотом. Нет, Гоша тоже не прочь развлечься, но не в рабочее же время!

— Что тут происходит? — громыхнул так, что все взгляды оторвались от экрана командирского монитора и устремились на него. Минуту стояла гробовая тишина, а затем, первым не выдержал Завьялов и захохотал. Мужской коллектив едино поддержал начальника.

— Ой, Гоша- Гоша, — покачал головой Артем Михайлович и быстро нажал на кнопку выключения монитора. — Так, все по рабочим местам, поржали и хватит. Серов сюда иди.

Мужики повздыхали, но послушно двинулись на выход, то и дело хихикая, как заправские школьницы, флиртующие с молодым преподавателем.

— Дай угадаю, — потер лицо Серов и присел за стол напротив Артема Михайловича когда в кабинете, кроме них двоих, никого не осталось. — Валя?

— Уже Валя? Плодотворно, я погляжу, ты девушку до КПП довел, — ехидно протянул начальник Серова и повернул к нему монитор, не забыв его предварительно обратно включить. — Любишься, к чему любовь приводит.

— А я говорил, надо то дерево срезать к х*рам, — философски заметил Георгий. — А сидит то она давно так?

— Минут десять, — пожал плечами Завьялов. — Иди, герой, спасай.

— Пошел ты, — беззлобно отозвался Серов и, встав, действительно отправился на

помощь, хотя больше всего хотел оставить ее на заборе. Так, по крайней мере, она до него не доберется, но совесть была грызущей заразой и не дала бы воплотить мечты в реальность. А жаль...

— Долго ты там сидеть собралась? — поинтересовался Гоша, вскинув голову кверху и приложив ребро ладони к голове. — Или гнездо надумала вить?

— Только с тобой, милый, — улыбнулась я, и ножками замахала в воздухе. Любуйся, пока есть возможность. Ножки у меня — загляденье!

— Обойдешься, — фыркнул Георгий. — А если серьезно: слезать думаешь?

— Думаю, но не могу. Я высоты боюсь!

— А какого рожна ты на забор полезла? Тогда не боялась? — похоже, кто-то злиться начинает и кипеть, аки свистящий чайник. А я что? Я ножками махаю, да плечами пожимаю. Хотел почувствовать себя мужчиной? Пожалуйста. Снимай меня теперь, герой одиночка.

— Неа. Любовь преодолевает страх.

Хорошо сию, далеко гляжу. Ветерок волосы развевает, солнышко припекает, птички поют — заливаются, а внизу — мужчина мечты. Красота...Лепота...

— Прыгай, давай. Любовь у нее, — хмыкнул Гоша и руки выставил вперед.

— Точно поймашь? Или я сейчас прыгну, а ты — шаг в сторону. Была Валя и нет Вали.

— Будешь много болтать, так и сделаю. Прыгай! — приказал Серов, и кто я такая, чтобы послушаться?! Глаза зажмурила, ручки в кулачки сжала и прыгнула. Если не поймает, буду призраком ночью приходить и проклинать.

Поймал, родимый мой. Поймал! Ручищами своими сжал, что аж дыхание перехватило и глаза непроизвольно распахнулись. И смотрит насмешливо так, по-доброму, будто и не его поганый рот гадости всякие говорил. До чего же милый, так бы и ударила! Ибо нечего честных и хороших девушек обижать.

— Страшно? — усмехнулся Георгий.

— Нет, — отрицательно качнула я головой.

— Врешь.

— Ага....

Глава шестая

— Врешь.

— Ага, — говорю я. Еще немного, еще совсем чуть-чуть остается до того момента как наши губы соприкоснутся. Он улыбается, а я только и думаю о том, что этот невероятный мужчина до ужаса упрям и строптив. Кажется, мне прямо сегодня нужно пересмотреть все фильмы с Адриано Челентано. Помнится, он тоже был таким же упрямым.

— Голубки, может хватит уже? Все таки государственная структура, — насмешливо пропел командир и мне пришлось выглянуть из-за плеча Гоши, дабы взглядом высказать все, что я думаю о таком начальстве.

— Артём Михайлович, вы прямо непризнанный Петросян, — не переставая улыбаться, произнес Гоша и опустил меня на землю. — Что же вы девушке не помогли? Она, между тем, высоты боится. Только и можете, что сидеть в кабинете и ржать.

— Вы смеялись с меня? — изогнула я вопросительно бровь.

— Что вы, Валентина Сергеевна? Как я мог? — этот клоун даже руку на сердце положил и так театрально удивился, вытянув лицо, что стало ясно-издевается.

— Комедиант, — хмыкнул Георгий. — С вашего позволения, я провожу девушку!

— Конечно-конечно! Валентина Сергеевна, вы заходите, если что. Всегда вам рады, всегда! — покивал Завьялов.

— Обязательно, — теперь моя очередь была улыбаться на все свои имеющиеся зубы. Ой, а что это Гоша побледнел так? Неужели удар солнечный получил? Так, вроде, я на заборе сидела без панамки, а не он.

— Завьялов, я тебя приблюю когда-нибудь, за твой длинный язык.

— Ты сейчас так специально говоришь, чтобы меня на свадьбу не приглашать. Знаю я твои штучки. Валентина Сергеевна, голубушка, уж вы то мне клятвенно пообещайте: лично отправить приглашение!

— Валя, пошли, — пропустил мимо ушей все сказанное начальником Георгий, и, схватив меня за плечи, подтолкнул в сторону КПП.

— Иду я уже, — фыркнула, и напоследок повернула голову, чтобы увидеть, как Артем Михайлович подмигнул мне. Ах, какой мужчина! Жаль, что занят, да и я другому отдана и буду век ему верна.

Посмотрела на впереди идущего Георгия и вздохнула, громче положенного. Вот, почему нельзя быть хоть чуть-чуть стоворчивее?! Я же все ради него! Абсолютно все! Чтобы я раньше ради мужика на забор полезла? Да никогда! Хотя...Раньше не для кого было и лезть. Разве что для Пети и то...Не, бред какой-то. Лезть на забор ради Петеньки? Такое сотворить может только Роза Львовна.

Попыталась представить, как Роза Львовна перелазит через забор и, не удержавшись, тихонько засмеялась.

— Смех без причины... — начал Гоша, обернувшись ко мне.

— Признак хорошего настроения, — перебила я, дабы он опять никакую гадость не сказал.

— Ну, конечно, — съехидничал Серов и, не сбавляя шага, пошел дальше. Э, нет. Мне такое не подходит. Такими темпами мы совсем скоро будем у КПП и опять попрощаемся, чего я очень не хотела бы.

— Гоша, а Гоша! А ты чего такой колючий? — спросила я у его спины. Спина от неожиданности резко притормозила, позволяя мне ускорить шаг и поравняться с Георгием.

— А ты чего такая настырная? — нашелся с ответом он.

— А вопросом на вопрос неприлично отвечать, — парировала я.

— То есть, законопослушным гражданам надоедать прилично?

— Кому это я надоедаю? — укоризненно протянула.

— Мне! — воскликнул он, нахмутив брови и сверля меня тяжелым взглядом. Я, конечно, ни разу не забоялась, но показывать этого не стала. Пусть порычит, — полезно. Сейчас пар выпустит, глядишь поласковее станет.

— Ты просто не привык, — отмахнулась я. — Ты же мне даже шанса не даешь.

— Валя, не морочь мне голову и чеши домой, — Гоша скрестил руки на груди, выжидая когда я соизволю продолжить путь, но я и не думала подчиняться.

— Фи, быть таким грубым, Серов, — скривила носик, но сказать что-то еще почему-то не решилась. На самом деле, сей диалог ужасно утомил, да и своими речами я в высшей степени ничего не добьюсь. Нет, я ни в коем случае не сдалась и завтра опять приду, но с Гошей не пройдет, если переть напролом слишком настойчиво. Вода камень точит, так что, каким бы угрюмым, грубым и колючим не хотел показаться Серов, этим он меня нисколько не оттолкнул.

Именно поэтому, не говоря больше ни слова, направилась к КПП. Преодолеть обратный путь через забор было не в моих силах.

— Ну и куда ты пошла?

— Домой. Ты же сам сказал, — не оборачиваясь, произнесла я. Вот, не поймешь этих мужиков. Говорят: уходи, — и ты уходишь, а они стоят и удивляются, почему и куда ты пошла. Еще что-то про женскую логику твердят.

— Ну иди, — прилетело в спину.

— Ну и пойду, — буркнула себе под нос. Ох, доведет меня он до нервного срыва. Сто пудов, доведет!

Она не приходила несколько дней, и Гоша, сам себе удивляясь, даже начал переживать, не случилось ли чего? Удивительно, как за какой-то небольшой промежуток времени Валентина успела влиться в его размеренную жизнь и перевернуть ее с ног на голову. Еще никогда он не встречал таких настойчивых девушек.

Серов всегда предпочитал быть один. Были какие-то мимолетные увлечения, но сейчас, по прошествии времени, он даже не мог вспомнить ни то, что имен, но и как выглядели те женщины, побывавшие в его постели. Возможно, кому-то это покажется эгоистично, но Георгий Николаевич был приверженцем «раз и навсегда», а такой женщины с ним, увы, никогда не было.

Гоша не исключал, что однажды все же женится. Заведет семью, поменяет работу на более мирную, но все это будет в каком-то далеком будущем, о котором сейчас и думать не хотелось. Всему свое время...

— А потом он убежал с криками, что я сумасшедшая, — воскликнул женский голос. — В высшей степени странные нынче грабители пошли!

— Так он обезумел от вашей красоты, — вторил мужской.

— Скажешь тоже, — звонко засмеялась гостя, когда Гоша потянулся к ручке двери, ведущей в столовую.

— Что здесь происходит? — поинтересовался Серов, наблюдая занимательную картину.

Валентина, а это именно ее сладкие речи слышал Георгий, восседала с осанкой королевы на столе, а вокруг нее столпился весь мужской коллектив. Любопытно, ничего не скажешь. А что самое интересное, мужики, выпрямившись, при виде Гоши, вместо того, чтобы разойтись, дружно спинами закрыли Валю, опасаясь гнева Серова. Черти что!

— Обедаем, — пожал плечами Астахов. Тот самый, которого совсем недавно приложили тортом по голове.

— Я вижу, как вы обедаете, — еще раз обвел взглядом столовую и жестом приказал парням отойти, дабы узреть причину бедлама. А он еще переживал, что ее долго нет. Глупый, не понимающий своего счастья, человек был.

— Товарищ капитан, а пирога хотите? Вкусный! С черникой! Тут у нас еще булочки с маком и печенье кокосовое! — расплылся Астахов, и не думая отходить.

— Ладно, Дим. Пусть уже ругает. Я привыкла, — выглянула из-за плеча Валентина и вся толпа, посмотрев на Серова с укором, отошла. Отлично просто! То есть, теперь он плохой, а Валя бедная несчастная девочка, которую он обижает? Ну, прямо злодей! Синяя борода!

— Дима? То есть пару дней назад замазанный, а сегодня уже Дима? — непонятно почему разозлился Георгий.

— Георгий Николаевич, Вы, конечно, старше по званию, но и укорять никого тут не надо. Девушка, между тем, пришла не с пустыми руками!

— А еще у нее очень пирог вкусный. Я даже рецепт взял, — выступил повар, выпятив вперед свой круглый пивной живот, обтянутый белоснежным фартуком.

— И вообще, она только вам мешает почему-то, — выкрикнул кто-то еще из толпы.

— Так, — протянул Гоша, пребывая в полнейшем шоке. — Дурдом какой-то.

— Я, пожалуй, пойду, — Валентина улыбнулась своим защитникам и поправив юбку, прыгнула со стола. — Лучше вы ко мне все приходите в пекарню. У меня как раз новый тортик в продажу на следующей неделе выйдет. Обещает быть очень вкусным.

— Обязательно зайдем, — уверил повар и нестройный гул мужских голосов тут же это подтвердил. Какое единогласие, аж противно!

Звонко стуча каблуками по плитке и покачивая крутыми бедрами, Валентина вышла из столовой, обойдя Георгия и не сказав ему ни слова. Гоша посмотрел на подчиненных, затем на дверь, за которой скрылась Валина фигура и, недолго думая, последовал за ней, дабы удостовериться, что она покинет территорию СОБРа, а еще лучше и его жизнь раз и навсегда. Устроили проходной двор, понимаешь ли!

— Решила поменять тактику и настроить против меня весь коллектив? — догнал Валентину Серов.

— И в мыслях не было, — отчеканила Валя, остановившись. — Хотела угостить тебя, наконец, своей выпечкой, раз ты не выполняешь свои обещания, а тут парни голодные...

— Угу, голодные! Именно поэтому ты болтала с ними и улыбалась всем и сразу, — бесновался Гоша.

— Во-первых, мы просто общались, а во — вторых...Постой! Ты что, ревнуешь меня?

— Еще чего, — поспешно заявил Георгий, открестившись от такого глупого предположения. Он ее ревновал? Да, ни в жизни! С чего он должен ревновать женщину, которая его совершенно не привлекает?! Да он скорее Завьялова приревнует, чем Валю.

— Ясно, — насмешливо пропела девушка. — Так вот: во-вторых, кормить ребят не

преступление. Не спорю, ваш повар замечательно готовит, но выпечка у него далека от моих мучных изделий.

— Ты сама скромность, — невзначай заметил Гоша, закатив глаза. — Тогда о каких невыполненных обещаниях ты мне сейчас говоришь?

— О твоих, Гошенька. О твоих. Ты меня сколько раз спасал? Правильно, четыре. А что ты после четвертого раза обещал? Выпить со мной чашечку кофе.

— Женщина, как же ты меня бесишь, — возвел глаза к потолку капитан Серов и застонал.

— Ну, раз бешу, тогда точно не стоит, — покачала головой Валентина.

Мне было обидно за всю ту сцену в столовой и настроение как-то плавно скатилось ниже нуля. Признаться, ревность Гоши была приятна и была хорошим доказательством, что мои действия имеют результат, но она никак не перечеркивала неприятный осадок, оставшийся на душе. Возможно, я просто впадаю в депрессию или устала от скопившейся в пекарне работы, из — за которой я дала Гоше несколько дней отдохнуть от своего общества.

Парни у них и правда были замечательные. Умные, обходительные, и ни один из них не позволил в мой адрес какую-то неуместную шуточку или грубость. Мы перезнакомились, пообщались и даже прониклись друг к другу особой симпатией. А их защита вообще стала неожиданной, но безумно приятной. Все же хорошие мальчики, ничего не сказать.

Следующие дни, несмотря на упаднические мысли, я все равно таскалась в СОБР. Носила выпечку, общалась с их поваром, давая мастер-классы, и выбила у Завьялова обещание переговорить с высшим начальством о поставках моих булочек в столовую.

Гоша бесновался. Орал, требовал у Артема Михайловича не пускать меня, но тот лишь разводил руками. Даже Скороходов, который раньше опасался меня, проникся искренней симпатией и потихоньку сливал мне всю информацию, что только знал о своем капитане. Именно, благодаря ей я узнала, что Гоша никогда не был женат и что женщины в его жизни явление редкое, непостоянное. А еще, что серьезный он такой всегда и лишь у меня есть способности его выводить из спокойного состояния в бешенство, всего за несколько секунд. Вот это я умелица, однако! Ничего не скажешь. Хотя, если подумать, я же не виновата, что он не признает мою правоту.

Я и не заметила, как прошло больше недели. Недели невыносимой, состоящей из сплошных попыток: моих, — добиться Гошиного расположения, и его, — избавиться от меня. Ни те, ни другие так и не увенчались успехом и иногда мне казалось, что я бьюсь головой о непробиваемую стену.

Я готова была сдаться и выбросить белый флаг. Я была в полнейшем отчаянии и набрала еще парочку килограмм к имеющимся, из-за постоянного заедания стресса. Пора было признать: Серов оказался крепким орешком.

Однако, видимо судьба была на моей стороне. Ведь совсем скоро мне выпал еще один шанс доказать Георгию свою любовь, и этот шанс стал моей последней надеждой, которая не имела права не оправдаться.

Это была обычная спецоперация, каких не сосчитать на его службе, но именно в тот день что-то пошло не так. Гоша, ведь, и не понял, что произошло. Вот он идет с автоматом..., и внезапно руку простреливает резкая боль. Он морщится, будто это не пуля, а комариный укус, и лишь сквозь зубы произносит все, имеющиеся в его словарном запасе

ругательства.

Несмотря на ранение Серова, спецоперация проходит успешно. Гоша с чистой совестью берет больничный и понимает, что ему благоволит сам Бог! Кость и крупные сосуды не задеты, а он, наконец, сможет отдохнуть от Валентины! Пусть недолго, пока заживает огнестрел, но и этого вполне достаточно. Три недели, минимум. Три недели без нервов, угрозы быть перекормленным и всех тех цветастых платьев, от которых рябит в глазах. Три недели наедине с пивом и телевизором. Это ли не блаженство?!

Звонок в дверь отвлек от безумно увлекательной книги. Послать бы всех и вся и не открывать, но соседка, кажется, упоминала о визите газовщиков, для проверки счетчиков. Только поэтому, кряхтя, подобно старому деду, Гоша поднялся с дивана и обув тапки, поплелся к двери, подошвой шаркая по полу. Телом овладела полнейшая нега, от которой не было никакого желания избавляться. У него, между прочим, пусть и незапланированный, но отпуск.

Георгий, ведь, и не помышлял, что может прийти кто-то другой. А зря. В последнее время нужно просчитывать все, вплоть до мелочей. Яркий ураган налетел на него, не успел он толком и дверь открыть. Сжал так, что тут же дала о себе знать больная рука, заставив своего хозяина зашипеть от боли.

— Прости-прости, — запричитала Валентина и отпустила его. — Ты не представляешь, как я испугалась! Думала, разнесу ваш СОБР по кирпичикам!

— Тише ты, неугомонная! — от греха подальше отошел на пару шагов Георгий. — Ты откуда мой адрес взяла?!

— Артем дал, — виновато отвела взгляд Валя, но тут же спохватилась и стала ощупывать Гошу, крутя в разные стороны, как куклу.

— Валентина! — прогремел мужчина, отстранившись. — У меня болит рука, я сейчас далеко не в лучшей форме, так что, тебе лучше сейчас уйти.

— Ты серьезно? Думаешь, я тебя так одного, раненого оставлю? Нет уж, пока ты не выздоровеешь — я буду с тобой жить! — заявила Бизонова, упрямо скрестив руки на груди. Кажется, тот факт, что он на больничном, Гоше резко перестал нравиться. Интересно, с чего это вдруг?!

Глава седьмая

Гоша не был зол. Нет. Он был в диком бешенстве, на той самой последней стадии, где лишь врожденная и записанная в подкорку истина, что девушек бить нельзя, сдерживала от неминуемой расплаты.

Была бы Валя мужиком, Георгий давно бы спустил ее с лестницы. А так оставалось только смотреть и фантазировать, как он, в два шага оказывается рядом и одним легким движением, прижав ее к своему телу, сворачивает ее тонкую, белую шейку.

Фантазия была до того сладкая и заманивая, что пришлось сжимать зубы до противного скрипа, только бы не воплотить ее в реальность.

— Ты издеваешься? — прошипел Гоша, буравя ее взглядом.

— Нет, — Валя покачала головой и затащила в квартиру небольшой чемодан, который он сразу не заметил. — Поживу с тобой, буду кормить, глядишь и привыкнешь.

— Я никогда не привыкну, Валя! Очнись ты, наконец, — гаркнул Серов. Была бы здоровая рука, схватил ее за плечи и встряхнул, а так оставалось лишь кричать и возмущаться от произвола со стороны девушки. Мать Божья, ну почему он удостоился такой «чести»? Неужели вокруг было мало мужиков, которые только и рады были такому вниманию?! — Ты как пиявка. Прицепилась и никак не отцепишься. Крови у меня уже литр выпила.

— Я тебя не слышу, — Валентина гордо вскинула голову, разулась и босиком прошлепала исследовать квартиру, демонстративно закрыв уши руками. Мол, свисти себе, что пожелаешь, я все равно буду настаивать на своем.

— Слышишь! — поплелся Гоша за ней.

— Нет! Ты говоришь в состоянии аффекта, — парировала Валя, заглядывая в его спальню. — Как-то все у тебя слишком серо...

— Я тебя убью сейчас в состоянии аффекта, — здоровой рукой схватил ее за локоть, развернул к себе лицом и навис грозовой тучей. А она? Она лишь задорно усмехнулась, встала на носочки и чмокнула его в колючий подбородок.

— До чего же милый, когда злишься, — прощebetала несносная барышня.

Все...Баста. Он так больше не может. Он уже кричал, бесился, говорил кучу нелицеприятных вещей, но все было в пустую. Валя, словно танк, перла вперед несмотря на все его усилия выставить ее вон! До чего же невыносимая женщина.

Георгий возвел глаза к потолку, рассматривая пыльную люстру и посчитал до десяти. Помнится, в каких-то книгах по психологии, врачи утверждали, что данная методика отличный способ успокоить расшатавшиеся нервы. Только вот Гоше казалось, уже ничего не помогало. Нервы у него не просто расшатанные — сгоревшие, как старая проводка.

Валентина, кажется, даже не замечает, как действует на Серова. Деловито исследует его квартиру, что-то двигает, куда-то заглядывает, то и дело недовольно сопя, когда обнаруживает на очередной тумбе слой пыли.

— Гош, — наконец, девушка возвращается к Георгию, осматривает «больного», слегка прищурившись, напомнив ему Машу из известного российского мультсериала, а после кивает каким-то своим мыслям и улыбается, аки аллигатор, который увидел новую жертву. — Фронт работы ясен. А теперь, марш в постель!

— Куда? — ему чудится или он действительно слишком громко сглотнул вязкий ком страха, дивным образом очутившейся в его глотке.

— В постель, Гоша, — покачала головой Валентина и сделала пару шагов навстречу мужчине.

— В какую?

— В твою, — как маленькому разжевала Валя и сделала еще несколько шагов вперед. Гоша стал отступать.

— Может не надо? — сзади стояла стена, возле стены комод, в него Серов и впечатался, круглыми глазами наблюдая за девушкой. — Я не готов!

Еще бы взвизгнул и прикрылся, для пущей убедительности. Ни дать ни взять, девственница в плену у бабника.

— Гош, ты дурак? — Валентина закатила глаза. — В кровать ложись, у тебя рука больная, а я пока ужин приготовлю. Что ты любишь?

— Блинчики, — выдохнул с облегчением Серов и даже невидимый пот со лба смахнул, за что и получил осуждающий взгляд шатенки.

— Будут тебе блинчики, — Валентина покачала головой и развернувшись, направилась на кухню, оставляя Гошу в полном одиночестве.

— Тьфу ты блин! — Георгий потер плечо раненой руки, которая внезапно напомнила о себе и заныла, после чего все-таки последовал Валиного совета и поплелся в спальню, размышляя, почему же так всполошился. Бандитов не боялся, а тут слабая, хоть и крупногабаритная, женщина. Нет, все же не нравилась она ему. Кажется.

Я широко зевнула прикрыв ладонь рукой и щелкнула выключатель чайника, надеясь, что чашка чая пусть и не крепкого меня взбодрит. Спать хотелось до мелких мушек перед глазами, но я упорно мотала головой и щипала себя за руку, пытаюсь пересилить навалившуюся дремоту. Божечки, кажется я совсем скоро свалюсь от такой бешеной гонки, которая началась вместе с моим переездом к Гоше. Мои будние напоминали кошмарный сон и лишь одно держало меня, не давая сойти с дистанции — надежда. Я все еще надеялась, что Гоша увидит во мне любовь всей своей жизни, ну или просто симпатичную женщину, для начала. Я же правда старалась: готовила, убирала, стирала, налаживала уют, пыталась придать краски его унылой серой квартире и не задумываясь на какие жертвы иду.

Чайник протяжно зашипел и выключился, а я вновь подавила глубокий зевок и тряхнула головой. А мы ведь с ним почти и не видимся. Я встаю в три утра, готовлю его любимые блины, собираюсь и еду на другой конец города в пекарню, где работаю лишь на чистом упрямстве. Затем кутерьма клиентов, литры кофе и вечное желание впасть в спячку. Так пролетаю часы, а за часами дни, а по итогу я ни на дюйм не приблизилась к Гоше, как планировала. Злой рок, не иначе.

Чай был горячий, умиротворяющий и обладал усыпляющим действием. Обычный черный, крупнолистовой, без всяких вкусовых добавок, которые не терпел Серов, но свойства просто магические. Или же я настолько вымоталась, что готова уснуть, уткнувшись носом в чашку.

Ноги ныли и слегка опухли, заставив впервые жизни задуматься: а не пора ли мне худеть?! Мысль конечно кошунственная, но в данной ситуации здравая. Еще пару таких сумасшедших недель и я точно лишусь одного из своих достоинств — ног.

Додумать так и не смогла. Стол манил свой гладкостью и мягкостью и я, трезво рассудив, что полежи я на нем пару секундочек, ничего страшного не произойдет. Мир не погибнет, птицы не перестанут летать, а мне какой-никакой отдых. Секундочки переросли в

минуточки, и я сама не заметила, как уплыла в царство снов, подложим ладошки под щеки. Ну и к черту этот чай! Потом новый заварю.

Георгий проснулся внезапно, с вполне себе ощутимым желанием попить воды. Во рту горела пустыня и он вновь не добрым словом вспомнил Завьялова с его таранькой. Рыба, безусловно, была вкусная, но ужасно соленой, чем собственно и предрекла дальнейшие ночные метания Серова между кухней и туалетом. Хорошо, хоть пока он находится на больничном и на работу рано вставать не нужно, а вот Михалычу несладко придется. Хотя, Гоша лишь довольно хмыкнул, представляя с какой опухшей мордой лучший друг явится на работу. Лепота...

Мочевой пузырь тут же радостно просигнализировал, что пиво, в котором безбожно утопили ту самую бедную рыбешку, не испарилось, а вполне себе тут и просится наружу, так что вставать по-любому придется.

Тяжело вздохнув, Серов встал с кровати и обув теплые махровые тапочки, пошел выполнять требования мочевого пузыря и заодно, на обратном пути, заскочить на кухню и утолить жажду. К тому же урчавший желудок, то и дело намекал: мол до завтрака далеко, а жрать охота прямо сейчас.

На кухне горел свет, а на столе, уронив голову лежала Валентина и тихо посапывала, мило сморщив курносый нос. Гоша невольно залюбовался и сам не заметил, как присел напротив. Черт, а ведь она и правда хорошенькая. Несмотря на то, что типаж не его и парочка лишних килограмм, но какой-то неуловимое очарование все же есть.

Нет, он не проникся к ней внезапными чувствами, просто вдруг посмотрел на, живущую с ним под одной крышей, женщину совершенно по-другому. Волосы у нее пышные и словно шелковые. Георгий протянул руку и пропустил прядку между пальцев. Мягкие, на удивление и будто живые. Ластятся, льнут, завораживают.

Серов тряхнул головой и вскочил со стула. Да, что это с ним?! Баб никогда не трогал?! И она тоже хороша-разлеглась, понимаешь ли, Еще и ворчит что-то себе под нос, хмурится, будто бы это он оккупировал ее кухню, а не наоборот.

— Совсем Серов без бабы одичал, — пробубнил Гоша, почесав затылок. Вон уже и на Валю заглядывается и мысли в голове совсем не милые и пушистые. Дебильные мысли, ни к чему хорошему не приводящие.

— Валь, просыпайся, — несколько раз тряхнул девушку за плечё, но получил лишь один невнятный ответ:

— Сейчас-сейчас. Булочки уже готовы.

Георгий не знал, как булочки, но он уже точно был готов, совершенно позабыв про мучившую жажду. А еще жалко ее стало безмерно. Ведь насколько устала, что даже до дивана не смогла доползти. Понимал же какого это на износ работать, понимал, а еще уважал вот такую дикую работоспособность. Подхватил ее на руки, прижал голову к своей голой груди и потащил на диван, наплевав на руку раненую и боль пронизывающую до костей.

На диван правда скинул не слишком аккуратно, но Валентина благо не заметила такой вот безалаберности и лишь подушку руками обхватила, да ноги поджала к груди, все больше напоминая Серову маленькую и незащищенную девочку.

— Горе луковое, — прошептал Георгий и сверху накинул на Валю плед, боясь, что она замерзнет, пусть на улице и властвует лето.

Беда пришла, откуда не ждали. Точнее ждали, но не так рано. А вот она, то бишь беда, совсем не комплексовала по этому поводу. Пришла, дверь с ноги отворила и стоит, улыбается. Того глядишь и вцепится в лицо, да когтями до крови раздерет...

Это, конечно, метафора, но улыбался этот инспектор и правда премерзко. Словно давно раздел и проделал все, о чем только мечтал в своих больных фантазиях. Меня, конечно, это не должно было волновать — пусть мужик капает слюням, я лишь любезно предложу слюнявчик, но пятая точка явно ощущала огромные неприятности.

— Так, так, так, — протянул этот греmlin, оглядывая пространство кондитерской. Крысиный взгляд скользнул по прилавку, витрине, столикам и вернулся ко мне. Бежать некуда, да и смысла нет. Главное, держать себя в руках и не опрокинуть что-то на его выбеленную рубашку. Например: кислоту. Жаль, никакой кроме лимонной и уксусной в запасе нет.

— Валентина Сергеевна, я так понимаю? — молча кивнула, выжидающе глядя на незваного гостя. Тянуть резину не хотелось. — Меня зовут Виктор Петрович.

— Мы что-то нарушили? — холодно спросила я.

— Внеплановая проверка, — мужчина легкомысленно дернул плечами, напомнив мне Петеньку, чем еще сильнее усугубил моё и так не лестное мнение о нем. — Мы, ведь, можем поговорить наедине?

— Пройдемте на кухню, — кабинета у меня отродясь не было, а приглашать его в свою квартиру желания не возникло. Мутный тип и скользкий. И ведь не предъявишь ничего. Намеков на взятку не делает, руки не распускает, разговор только о работе ведет. Но запах гнили то и дело прорывается наружу, намекая об истинной личине инспектора.

— У вас тут миленько, даже жаль закрывать. К тому же торты у вас изумительные, — продолжил Виктор Петрович, как только мы оказались на кухне.

— Я стараюсь, — кивнула и пригласила гостя присесть, указав в сторону стульев. — Так может не надо закрывать?

— Валюша, я могу тебя так называть? — и не дождавшись моего разрешения продолжил: — Так вот Валюша, может и не надо. Только тебе решать.

— Виктор Петрович, скажу сразу — я человек прямой. И намеки, хоть убейте, не понимаю. Поэтому, спрошу прямо: сколько?!

— Валентина, голубушка, что ты! — всплеснул руками Виктор Петрович в наигранном возмущении. Будто бы я не так поняла и все эти намеки не попытка вымогательства денег, а лишь пустой дружественный разговор. — Твои деньги мне и подавно не нужны.

Мужчина встал со стула и крадучись направился ко мне, заставив отступать, пока я не уперлась бедрами в стол. Инспектор же только этого и ждал, после чего с немалым удовольствием настиг меня и преградил пути к отступлению, заключив в кольцо своих рук.

— Я с красивых женщин деньгами не беру, — прошептал он мне на ухо, заставив скукожиться пуще прежнего.

— Отпустите, — я дернулась, но мужские руки, словно этого не заметили, и сжались еще сильнее. Кажется завтра на коже расцветут шикарные синие пятна.

— Всенепременно, милая. Ты только не ломайся и сама посуди: зачем тебе эти проблемы? Всего-то одна ночь. Я обещаю быть нежным.

— Идите к черту! — прошипела я и попыталась ударить коленом в пах, но мою ногу ловко перехватили.

— Какая плохая девочка. Я люблю таких.

— Валентина Сергеевна, там какой-то Илья пришел... — Танюша пришла как никогда кстати. Инспектор отпустил меня и отошел назад, не отрывая взгляда от моей груди, что в данный момент колыхалась, пока я пыталась восстановить дыхание.

— Я еще вернусь. Срок два дня. И давай не затягивай. План знаешь ли, — подмигнув Татьяне, мужчина просочился мимо нее и покинул кухню, оставив меня совершенно разбитую и растоптанную. Сейчас бы зареветь, как героиня паршивых мелодрам, но работа не может ждать. Так что потом — все потом.

Мне было неловко, что Гоша видит мои слезы, но остановится плакать я не могла. Будто прорвало огромную плотину и теперь вся моя сдержанность и хваленое веселье рухнули в пропасть. Мне было противно, обидно, больно и в общем-то, я просто-напросто, как и любая одинокая женщина, не имеющая сильного плеча поблизости — устала.

— Ты можешь рассказать, что произошло? — я видела как его выводят из себя мои рыдания, как он совершенно беспомощно и даже затравлено смотрит по сторонам и явно хочет оказаться где-нибудь подальше от плачущей женщины.

— Ничего, — я совсем не элегантно вытерла хлюпающий нос рукавом кофты и попыталась отвернуться, опустив глаза вниз. Себя было до одури жалко.

— Спрашиваю еще раз: что произошло? — мужские пальцы схватили за подбородок и заставили поднять лицо, дабы посмотреть в глаза Серова. Красивые очи, но и они не могли совладать с моим Ниагарским водопадом, льющимся из глаз.

— Ничего, — еле просипела, пытаюсь сглотнуть тугой ком в горле.

— Когда ничего не происходит, так не рыдают! — уверенно заявил Георгий, но увидев, что его слова явно не достигли, превратившегося в жижу мозга адреса, закатил глаза, глубоко выдохнул, а затем не нашел ничего лучше, как поцеловать меня. Гоша! Меня! Поцеловать!

В один момент слезы высохли и лишь отдающие болью глаза давали понять, что мне не показалось и это не мираж. Это действительно Серов, который вполне себе добровольно целует меня, обнимает за талию и притягивает ближе к своему сильному телу.

Я ведь и не сразу замечаю, что вполне себе с жаром отвечаю на поцелуй, хотя глаза все еще широко раскрыты от испытываемого шока. А потом, меня словно ушатом холодной воды обливает. Он же все это из жалости делает. Не потому что вдруг увидел во мне женщину или оценил мои старания — нет. Банальная жалость и стремление помочь более слабому.

Я уперлась ладонями в мужскую грудь в попытке отстраниться, но Георгий явно не горел желанием меня отпустить. Все не так, как я хотела. Все совсем не так.

На чистом упорстве мне удается высвободиться и вскочить со стула, пытаюсь сделать вид, что ничего такого не произошло. Будто и не я сидела тут недавно и слезы размазывала, будто не он впился в мои губы, с далеко не невинным поцелуем.

— Прости. Я... Просто день тяжелый, — хрипло протянула я и сбежала. Да, вот так трусливо поджала хвост и скрылась в ванной, где еще долго приходила в себя и умывала покрасневшее лицо. Господи, что со мной?! Неужели эта скромница и есть Валентина, от которой гопники убегали, сверкая пятками? Или это любовь так плохо действует?

Глава восьмая

— А он то что? Побежал за тобой, схватил своими сильными руками, прижал к себе и обесчестил?! — воскликнула Лизавета, забыв о надкушенном пирожном, что держала в руках.

— Нет, — я печально вздохнула, покачав головой и продолжила протирать и без того чистую столешницу.

— Тьфу ты, ну ты! — сестрица в сердцах положила сладость обратно на тарелку и потянулась за чашкой с чаем, которую в мгновение ока, залпом, опустошила. Если бы сама не наливала, усомнилась бы в содержимом. А может она тайком на коньяк чай поменяла?! — Нет, ладно, он то немножечко того...

— Чего? — возмутилась я.

— Чего-чего?! Морозко! — Лиза поставила чашку и ткнула пальцем на меня. — Но ты то умная баба, Валя! Грудь вперед, попу назад, шорты покороче, чтобы ночи подлиннее были. Сколько учу, все без толку.

— Ой, хорошо другим советы давать, — фыркнула я, присев напротив. — И вообще он меня из жалости поцеловал.

— Конечно-конечно, — закивала Лизавета. — А ты небось потом еще и трусики выжимала.

— Фи, пошлячка, — скривилась я, ощущая, как лицо и плечи покрываются горящими красными пятнами смущения.

— Сама такая, — зафырчала Лиза. — Я имела в виду, что сто пудов от счастья описалась. Кстати, если уж на, то пошло, могла бы и пожаловаться своему Гоше на этого хмыря — инспектора.

— Это мои проблемы, — отчеканила я, нахмутив брови.

С инспектором и правда надо было что-то решать, но втягивать в данную ситуацию Гошу было бы верх глупости. Он мне ничего не должен, да и я за столько времени привыкла все всегда решать сама. Из Петеньки решальщик был никакой, к тому же стоило мне ему что-то рассказать, как через несколько минут Роза Львовна была на пороге нашей квартиры, в своей широкополой шляпе и деловито потирала ручки, в поисках неприятностей, которые так досаждали сыночке. Безусловно, Гоша был совершенно не похож на Петю и даже более того, расскажи я ему вчера все, как есть он бы без лишних слов помог, но... Я не хотела, чтобы он жалел меня и опекал. От него мне нужны были совсем другие чувства.

— Хочешь Ромашка поможет? Ты же его знаешь.

— Вот именно, что я прекрасно знаю твоего «Ромашку». Помочь — поможет, только разговоров потом будет на много лет вперед. Не избавишься же, прицепится как репейник.

— Ты что обижаешь все еще за тот раз? Он же любя! — Лиза посмотрела на меня своими большими и преданными глазами, растянув пухлые губы в грустной улыбке, напомнив мне, ослика Иа. Ну, вылитая же! Только ушей длинных не хватает.

— Все еще? Сложно забыть, когда тебе с порога каждый раз мягко намекают, о твоей не совсем стандартной комплекции. А все из-за этого дурацкого названия, — я всплеснула рукой, пытаюсь одним жестом показать все свое недовольство.

— Ничего он не намекает, — встала на защиту мужа сестра. — Плюша — значит мягкая, сладкая и вкусная! Я даже ревновать немного стала...

— Ревновать? — нервно хохотнула я, во все глаза уставившись на блондинку.

— Да, ревновать! — Лиза недовольно засопела и схватив с тарелки надкушенную кремовую корзинку, засунула в рот.

— Любовь, — протянула я и засмеялась. Кто бы мог подумать, что наша звезда умеет сомневаться в себе. Чудеса, да и только.

В тот вечер, когда Валя сбежала, Гоша так и не смог понять ни себя, ни ее. И если от себя, после недавних далеко не приличных мыслей, что касались Валентины, он мог ожидать чего-то подобного, то от нее-нисколько. Она же добивалась его с напористостью бронетранспортёра, раскатала, можно сказать, в лепешку своей самоуверенностью, а тут, вместо того, чтобы ухватиться в него клешнями и перенести отношения в совершенно другую плоскость — сбежала! Он даже опешил от такого исхода. Сидел, пялился в одну точку, пытаюсь определить, что ощущает. С одной стороны, конечно, было облегчение. Валя перестала реветь и опасность утопить квартиру в соленых женских слезах — миновала. Но с другой... Даже обидно стало. А вдруг это он так паршиво целуется, что она предпочла скрыться как можно быстрее. Тогда почему до сих пор находится в его квартире и не собирает в спешке сумки?

Голова пухла и разрывалась от роя мыслей. Они жалили его подобно ядовитым пчелам не давая уснуть. Серов крутился всю ночь. Взбивал подушку, раскрывался, укрывался, ходил на кухню пить воды и думал, думал, думал. И лишь под утро забылся сном, да таким крепким, что пропустил, как Валя тихонько выбралась из своей комнаты и убежала на работу, не дав Георгию возможность обсудить с ней сложившуюся ситуацию. Да и главная повестка дня, а точнее вечера, никуда не делась. Из-за чего рыдала Валентина и как сдерживать свои пудовые кулаки, которые так и норовят объяснить обидчику, что девочек обижать нельзя. Пусть и таких наглых.

Его разбудило яркое солнце и сосед с перфоратором. Козлина! На часах всего 8 утра, а он уже долбит, не давая людям выспаться на своем честно заработанном больничном.

Размяв немного руку, выпив крепкого кофе с холодными блинами, ибо тащить их до микроволновки слишком лень, Георгий решил прогуляться, в надежде, что на свежем воздухе голова всяко лучше работает.

Сам до конца не понял, как оказался у дверей Валиной пекарни. Будто в тумане все. Шел себе не спеша по тротуару, а потом взял такси словил. И вот стоит, как дурак, с ноги на ногу переминается, а решимости зайти почему-то нет.

Пока размышлял, в кондитерской началась неясная суматоха. Сначала выскочила девчушка и повесив табличку «закрывается», стала закрывать двери. Пришлось Гоше подскочить, да ногу в проем всунуть.

— Переучёт, — пыхла девушка, пытаюсь вытолкнуть ногу Серова и закрыть дверь.

— А я не за булочками, — хмыкнул Гоша и не подумав убрать ногу. Еще и рукой схватился за дверь и дернул чуть на себя, от чего подчинённая Вали, чуть ли не вылетела на улицу.

— Да хоть по наши души. Переучёт! — Татьяна, как гласил бейджик, уперлась пятками в пол и стала тянуть дверь на себя, то и дело постоянно оборачиваясь. Волосы, заплетенные в некогда искусную косу, торчали в разные стороны, щеки пунцовые еще и фырчит, как стадо недовольных ежей.

— Ваша мне без надобности, а вот вашей хозяйки... — многозначительно протянул

Георгий.

— Еще один, — под нос буркнула Таня, но Серов отличался замечательным слухом, поэтому на данное заявление многозначительно изогнул бровь в немом вопросе. В смысле еще один?!

Однако, Татьяна и не думала отвечать, она с остервенением пыталась закрыть дверь. — Да отпустите Вы ее, наконец. Он же там ее изнасилует!

Заявление девушки, напрочь выбило все мысли из головы Георгия. Он даже злополучную дверь отпустил и ногу убрал, а когда очнулся, чтобы спросить кто и кого изнасилует, то Таня уже дважды повернула ключ в двери и исчезла из поля зрения.

Черт знает что творится! Он как дурак, приперся в эту кондитерскую, а у него перед носом дверь захлопнули без каких-либо объяснений. Правда, злитесь на данный факт никак не выходил. Наоборот с головой накрывала паника и чувство безысходности.

Нет, так не пойдет. Он, в конце концов, боец СОБР, а не сопливый юнец.

— Ну, Валентина! — процедил Гоша, сквозь зубы и нырнул в проулок, надеясь, что в пекарне есть в наличии черный ход или, на худой конец, окно, куда сможет пролезть его немаленькое тельце.

Таня застала меня за самым странным занятием в моей жизни. Я обрызгивала из пульверизатора свою кухню святой водой. Я даже ради этого попросила у всех стоящих на подоконнике, в торговом зале, цветов прощения, что их оборудование будет использовано в других целях. Ну а что?! На войне все средства хороши.

— А? — начала она, но я лишь отмахнулась. Да, не всегда меня можно увидеть в сером наглухо закрытом платье. Правда, бабушкино платье было немного побито молью и пахло так, будто его для своего туалета выбрали все мыши города, но я стоически терпела, лишь надеясь, что старания дадут результаты.

— Инспектор нечисть высшего порядка. Вряд ли его возьмет святая вода. Может осиноный кол принести?

— Кол? — действительно задумалась я. — Неси. Я сейчас пороюсь и чеснок поищу.

— Запахом сражать будете? — хохотнула Таня.

— Вообще-то ожерелье хотела сделать, но и твоя идея ничего, — закусила губу, пытаясь вспомнить, что еще хотела. — Можно еще ладан принести. Много ладана! У тебя нет знакомого священника?

— Нет, — отшатнулась от меня Таня. И чего спрашивается?! Ну подскочила резко, ну глаза горят, как у умалишенной, ну волосы начесаны и теперь напоминают воронье гнездо. Пугаться то, право, нечего. Я, между прочим, тоже нервничаю.

Пшикнула себе в лицо святой водой, радуясь, что сегодня не покрашена, не считая плотного слоя самого светлого консилера, что был в магазине. Из-за пару капель воды маска не слезет, а мне все легче. Может хоть немного голову освежит. Для верности брызнула и на Таню. Ибо нечего мне тут панику поднимать.

Татьяна моего жеста не оценила и с визгом из кухни унеслась, а я, поставив пульверизатор на стол, стала мерить шагами комнату, размышляя, что еще можно придумать эдакого. Нет, это даже начинает меня веселить. Вместо того чтобы думать над тем, что я, как последняя идиотка, не воспользовалась вчера своим шансом, я ощущала себя героиней фильма «Один дома». Дурость, конечно. Но почему-то вот это ребячество позволяет не скатиться в банальную истерику.

Эта пекарня для меня — все. Это моя мечта, моё детище, мой многолетний труд. И сейчас, из-за кого-то рогатого чмо, я могу потерять все. Только потому, что я умудрилась ему понравится. Ну, вот почему ему? Почему не тому же Гоше? Если уж терять дело своей жизни, то из-за чего-то стоящего. А так и Гошу не завоевала, и пекарня висит на волоске. Пошла бы утопилась, но как этот мир, без такой красоты, как я?!

Нечисть, гад ползучий и просто неприятный тип — Виктор Петрович, явился ближе к обеду. Я к тому времени успела посчитать шагами кухню, придумать тридцать разных способов убийства и еще столько же способов, как избежать за него наказания. Благо, опыт почерпанный из детективных сериалов, сказывается. Но инспектор все не думал появляться. Так что, когда он вплыл на мою кухню, я подскочила со стула, как ужаленная.

— Добрый день, Валентина, — и глазами своими крысиными водит, разглядывая меня от макушки до носков балеток. Останавливается чуть дольше только на груди, но и тут ему ничего не светит. Платье скрывает все, что можно и нельзя. Кроме этого велико мне, на размеров пять. У нас в семье женщины все не пушинки.

— Здравствуйте, — ручки за спиной сцепила и глазами хлопаю.

— Вы, я смотрю, готовились, — произнес он, махнув на меня рукой, подходя ближе. — Правда, я прекрасно помню, что вы прячете под этим убо... нарядом, — а молодец какой! Быстро в воздухе переобулся и даже не поморщился. Только еще внимательнее в глаза мне посмотрел и губы в противной ухмылке искривил. Тьфу ты! Как есть нечистая сила!

— Я всегда так одеваюсь, — посмотри в мои честные глаза и попробуй докажи, что я безбожно вру. Благо мы встречались всего дважды и надеюсь больше точно не увидимся.

— Не буду спорить, — Виктор Петрович присел за стол и указал мне рукой на стул, стоящий, напротив его. Какое благородство! Сейчас всплакну от умиления. Всплакну, но не сяду. Из вредности. — Вы подумали над моим предложением?

— Конечно, — как я могла не думать над таким предложением?! Целыми днями ходила, голову ломала, как послать тебя куда подальше. Так послать, чтобы ты обратно дорогу не нашел.

— Тогда я не вижу клубники и шампанского. Или предпочитаете гостиничный номер? — от такой наглости, я даже воздухом поперхнулась. То есть он и не рассматривает вариант, что я откажусь?!

— Я предпочитаю... — голос почему-то подвел и сел. Видимо, сказались все эти нервотрепки. Право слово, все болезни от нервов.

— Я весь во внимании.

Глазами обвела кухню в поисках чего потяжелее, поэтому упустила момент, когда этот хмырь встал со стула и подошел вплотную. Пришлось отступить до ближайшей стеночки.

Вот учила меня мама, что нельзя убегать. Лучше упасть и мертвой притворится, а я поступила в высшей степени глупо.

— Отойдите. Вы мешаєте мне думать, — уперлась руками в грудь мужчины, но он и не подумал отойти. Вот же...нечисть!

— Потому что вы от меня без ума? — усмехнулся инспектор.

— Потому что я априори без ума, — хмыкнула я. — Нет, ну серьезно! Я прекрасно помню, что вы инспектор, что вот прямо сейчас решается судьба моей пекарни, но Виктор Петрович...

— Да?

— Пошли вы на, - я очень и очень хорошая девочка, но когда меня загоняют в угол, тормоза приходят в полную неисправность. И сколько раз я себе обещала держать язык за зубами, столько же раз я свое же обещания нарушала.

— Что? — завопил он, схватив меня за плечи. Ой, мамочки... Что сейчас будет?! Меня или убьют и прикопают или просто прикопают, или ...что там еще «или» думать не хотелось, но инспектор, напоминающий, вскипающий чайник, явно не к добру.

Я маленькая и незаметна, маленькая и не заметная!

— Всем оставаться на своих местах, работает СОБР! — раздалось от окна и в кухню разбив окно ввалился Гоша.

— Ты ж моя радость! — выпалила я и загорелась подобно новогодней гирлянде.

Глава девятая

— Что за? — глаза скользкого и противного округляются до невероятных размеров, грозя то и дело вырваться из орбит и укатить в закат. Да, Валя, у тебя явно большое воображение. Хотя, после всего того стресса, что я испытала, проделав огромную работу по отпугиванию сей нечисти, то ничего удивительно.

— СОБР, — услужливо подсказала я инспектору. Даже то, что окно теперь придется менять несколько не омрачило моего, моментально ставшим одухотворенным, настроения.

— А что собственно тут происходит? — наконец, вступает в наш диалог Георгий и так зло щурит глаза, что мне моментально хочется его расцеловать. До чего же миленький, когда вот так злиться, подобно вскипающему чайничку. Еще немножко и пар из ушей и ноздрей повалит, поэтому мне бы, по-хорошему, его успокоить, отшутиться, но делать я сего, хоть убивайте, не желаю. Нет, ну а что? Мужчина пришел же меня спасать? Вот пусть и спасает. К тому же злыдень, по имени, Виктор Петрович заслужил. Нечего обижать маленьких и беззащитных.

— Проверка, — злыдень отошел от меня на несколько шагов, будто чисто случайно рядом оказался. Мимо, так сказать, пробежал козлик горный и заблудился.

— Проверка? — изогнул бровь Серов, буравя взглядом минимум Марианскую впадину в инспекторе. — И как? Успешно?

— Что? — не поняла нечисть, но и позорно бежать не спешила. Ух, так же неинтересно. Хоть бы пятиться начал или, я не знаю, убежать. А то Гошенька мой глаза об него ломает и ломает, а этому хмырю, хоть бы что.

— Проверка, — Гоша скрестил руки на груди, тем самым подчеркнув еще сильнее свои, нажитые долгими годами тренировок, мышцы.

— Я бы так не сказал....- и надулся, словно индюк.

Я посмотрела на Гошу, перевела взгляд на пышущего недовольством инспектора и громко, со всей силой своих легких, вздохнула, дабы прервать воцарившуюся тишину. Правда, мой вздох не возымел эффекта, мужчины так и стояли друг напротив друга меряясь, черт знает чем, а из окна уже хорошенько так поддувало. Я снова вздохнула. Тяжело так, с надрывом. Нет, я не подгоняю и не хочу разрядить обстановку, просто холодно, как бы. Сквозняк.

— Вот как, — отмер, наконец, Георгий. — Тогда я бы с удовольствием обсудил с Вашим начальством это маленькое недоразумение.

Он под недоразумением результат проверки имел в виду или все-таки самого инспектора?!

— Как Вам будет угодно, — пропыхтел Виктор Петрович, однако, спесь ему Гоша явно сбил. Вон как пальцы нервно задрожали, когда тянулись, чтобы узел галстук ослабить.

— Тогда всего доброго, — Серов подошел к выходу и демонстративно открыл дверь, махнув инспектору в приглашающем жесте. Мол, чеши ногу об дорогу, пока эти самые ноги у тебя в целости и сохранности.

Виктор, гад такой, Петрович дураком явно не был. Сволочью был, редкостной при чем, по одному взгляду видно, а вот дураком ни разу. Поэтому благоразумно кивнул на прощание, бросил в меня то ли злой, то ли тоскливый взгляд и ушел, гордо вскинув свои два подбородка.

— Теперь ты, — Серов поворачивался ко мне, словно в замедленной съемке или это уже мне тормознутость надуло. Я, правда, раньше думала, что некоторым детей надувает, а вот я везунчик. Мне тормознутость досталась.

— А что я?

— Ничего мне сказать не хочешь? — хочу. Много чего хочу. Только что ты захочешь услышать — это уже другой вопрос. — Например, что на самом деле хотел от тебя этот индивид? Почему ты так одета? Что, собственно, вообще происходит?

— У меня встречный вопрос, — скрестила я руки на груди, вздернув подбородок. — Что ты здесь делаешь? Раньше тебя сюда никаким калачом не заманишь!

— Я мимо проходил!

— Мимо. С другого конца города, как же, — фыркнула я.

— Ты мне голову не заморачивай, Валентина, — сквозь зубы процедил мужчина и в несколько шагов оказался совсем рядом. Большой такой, сильный, красивый. Мечта, в общем. Ожившая, настоящая, эротическая.

— Почему? Разве у меня плохо получается? — главное глазами убедительнее хлопать, чтобы постоянное желание меня придушить, превратилось в желание поцеловать. По-настоящему, а не как вчера.

— Валя, — Гоша тяжело вздохнул, потер переносицу и провел ладонью по короткому ежику волос.

Между прочим, больной рукой провел и даже не поморщился. А вот это уже совсем паршиво. Потому что, если ему лучше, значит, мне пора собирать чемоданы. Или не надо? Вот и пойми его. Сначала целует, потом опять спасает, а потом снова отпрыгивает как от прокаженной, как сейчас. Даже, чтобы не смотреть на красоту мою неземную в старом бабкином платье в окно задумчиво глядит. В то самое, которое недавно вынес своими большими и красивыми плечами.

— Я вызову службу по ремонту, они заменят окно. Будет кому проследить и закрыть кондитерскую?

— Конечно, я прослежу, — киваю, делая вид, будто его отстраненность меня совсем, вот ни капельки, не задевает.

— Нет, — Серов хмурит брови, осматривает меня с ног до головы и, наконец, бросает: — Сходи, переоденься, и мы поедем.

— Куда?

— Гулять!

— Зачем? — кажется, мои глаза тоже скоро из орбит выпадут. Гоша? Меня? Гулять? Что???

— Валя, — рывкнул так, что стекло второго окна нервно задребезжало. — Не беси меня, женщина.

— Да иду-иду, — послушно закивала и унеслась переодеваться. Мужчин надо слушаться, особенно когда они такие хорошенькие.

Зеркало отражало действительность, и эта самая действительность, мне не очень то и нравилась.

— Неужели я такая толстая?! — спросила сама себя, а потом от недовольства хлопнула ладошкой по своим же губам. Ибо нечего, глупости всякие городить.

Нет, безусловно, лишние кг имелись. На животе вот складка. Не уродливая до

невозможности, но складка. И бока пусть подтянутые, но слишком уж округлые. А Гоше такие не нравились. Уж я-то знаю.

Следует, конечно, начать с того, что Георгию я вся не очень нравилась. По крайней мере, с самого начала. И это было понятно, я даже умудрилась привыкнуть. А тут бац и такие резкие перемены! Будто и не он рычал на меня целыми днями и фыркал, стоило меня завидеть издали.

Так, что-то я слишком отвлеклась. Между прочим, ревизия, стратегических запасов жиров, еще к концу не подошла. Снова бросила тоскливый взгляд на свои нижние «девяносто», которые таковыми никогда не были и подумала, что бабушкино платье, впрочем, неплохой вариант. А что?! Живот скрывает, попу далеко не модельных параметров тоже. ...

Подумала — подумала и бросила эту гиблую затею. Нет, ну право слово, похудеть на считанные минуты я не смогу, а прятать оставшуюся красоту не очень и хотелось. Да, и к черту, эту рефлексю! Я же не доллар, чтобы всем нравится.

«Всем — не всем, а одному вредному гражданину очень уж хочется» — ехидно добавил внутренний голос. За что и был, так сказать, послан.

Вредный гражданин, дожидаясь меня внизу, успев вызвать ремонтников, которые на первое время затянут окно пленкой.

— Ребята все измеряли, окно я заказал. Пришлось приплатить за срочность, — отчитался Серов, взглядом скользя по моей фигуре в ярко-красном сарафане.

— Я верну, — стало как-то неловко и я смущенно отвела взгляд. Я? Смущенно? Серьезно?!

— Х... Фигню не неси, — быстро исправился Гоша и выдав последние важные указания работникам и Тане, схватил меня за руку, утаскивая на улицу.

Я молчала. Просто, впервые, наверное, в жизни своей не знала, что сказать. Гоша тоже молчал. Но он сам по себе не шибко разговорчивый, поэтому я и не надеялась, что он первым разорвет тишину.

— Тебе идет, — наконец, выдал он.

— Что? — опешила я, не забывая шустро перебирать ногами. Я, пусть и не маленькая, девочка, но мои ноги, явно, были короче Гошиных. Поэтому и приходилось семенить, чтобы хоть чуть-чуть поспевать и не зарыться носом на ближайшей кочке.

Серов, казалось, этого совершенно не замечал. Тащил меня за собой на буксире, в неизвестном направлении, но почему-то, на моем уточняющем вопросе, резко остановился и посмотрел на меня, как на полную идиотку. Полной я, конечно была, но за идиотку успела обидеться. И плевать, что сама все это придумала. Женщина я, или кто?!

— Платье, Валя, — еще и ухмыльнулся. Иронично так, будто все это его ужасно забавляет. Может и правда, забавляло, но мне отчего-то стало грустно.

— Спасибо, — буркнула я и руку вырвала из стального захвата. Нечего хватать то, что не нравится. Гоша, правда, моего посыла не понял и руку вернул назад, сжав еще крепче. Интересненько....

За размышлениями, о всех Гошиных странностях, не заметила, как мы оказались в парке. Серов присел на скамеечку, утянув меня за собой и посадив рядом, спросил:

— Так ты из-за него вчера плакала?

— Из-за платья? — не совсем уловила я, все еще пребывая в глубокой задумчивости. Нет, а что это значит то все?! Право слово, еще говорят, что женщины сложные и

непонятные существа.

— Валентина, — прорычал Гоша и я, встрепенувшись, непонимающе уставилась на мужчину. — Из-за этого хмыря ты вчера рыдала в три ручья?

— А, — протянула я и отрицательно помахала головой. Еще и подборок гордо вскинула. Посвящать его в свои проблемы, я все еще не желала.

— Ну, конечно, — хмыкнул этот, до невозможности вредный, мужчина. — В принципе, от тебя я другого ответа не ждал. Но с начальством его я переговорю.

— Зачем? Я сама справлюсь, Гош. Это не твои проблемы.

Не знаю какую гневную речь хотел произнести Серов, но ему помешал, а меня спас, телефонный звонок. Гоша зло нажал на кнопку приема вызова и чем дольше слушал собеседника, тем сильнее хмурился, в бессильной злости сжимая зубы.

— Нам пора домой, — наконец, завершил он разговор. — Нас затопили.

Серов вскочил со скамейки и так и не увидел, как мои губы растягиваются в довольной улыбке. Нет, плохо, конечно, что затопили. Но хорошо, что «нас». Кажется, не так уж сильно я ему не нравлюсь, как он пытается показать.

В квартире царил Армагеддон. Пока Гоша разбирался с соседями, я как электровеник, а если быть точнее, электрошвабра, носилась по всему дому с тазиками и тряпками. Хорошо хоть в чемодане нашлись шорты, а сам чемодан не успел катастрофически пострадать.

И вот, спустя несколько долгих часов работы, сидя на мокром и вздувшемся ламинате, я дула на упрямую прядь волос, что выбилась из хвоста, и наслаждалась теплом, исходящим, от сидевшего рядом, Серова.

Он напоминал мне большую такую печку. Теплую, до невозможности уютную, что я то и дело одёргивала себя, лишь бы только не прислониться к его крепкому плечу.

Если бы меня однажды спросили, какой самый лучший момент в моей жизни, я бы без раздумья ответила, что этот. И плевать, что вокруг воняет сыростью, пол влажный и голые ноги, в коротких шортах, то и дело прилипают к поверхности пола, что мы устали, как не знаю кто. Все это было такой ерундой, по сравнению с мужчиной, который сидел рядом, откинув голову назад и опершись затылком в стену.

А еще, от усталости и тепла, клонило в сон. В конце концов, я отбросила все сомнения и положила голову Гоше на плечо.

— Валь, — тихо позвал он и ладонь его легла на мою макушку, нежно и почти невесомо, поглаживая. Лишь усилием воли я заставила себя не подскочить от неожиданности и затихла, подобно мышонку, наслаждаясь этими короткими моментами ласки. Правда, сон как рукой сняло, но Гоше этого знать было необязательно.

— Умм, — промычала я, боясь пошевелиться.

— Мужики завтра планируют выезд с палатками. Поедешь со мной? Каждый будет с женой, невестой, а я не хочу один ехать.

Я даже сначала обрадовалась, что меня прировняли к жене и невесте, но на последней фразе весь флёр слетел напрочь. То есть берут меня, только потому, что не хочется ему одиноким бирюком казаться, среди мужской разношерстной компании.

— Валь, — позвал снова он, не дождавшись ответа, а я струсила. Ибо одно дело возмущаться про себя, а совсем другое высказать претензии в голос. А если после этого он передумает и выставит меня из квартиры? Я же вижу, что рука его почти не беспокоит... — Пожалуйста.

И это его «пожалуйста» сорвало напрочь все предохранители. Какие сомнения? Какие мысли? Еще одно его слово, и я послушной собачонкой побегу, неся в зубах мячик.

— Конечно, — я подняла голову и заглянув ему в глаза, улыбнулась. Черт, черт, черт! Похоже, я действительно окончательно и бесповоротно влюбилась в этого мужчину.

— Здорово, — он подскочил с пола, галантно подал мне руку, чтобы я тоже встала и хлопнул в ладоши. — Так, жить тут нереально. Бригаду рабочих мы уже не найдем, ночь на дворе. Поэтому, предлагаю поехать в гостиницу.

— Может ко мне? — предложила я.

— Нет, Валя. Гостиница ближе. А нам еще выезжать рано утром, — отверг он моё предложение и тут же поспешил в спальню, наводить ревизию в шкафу, чтобы забрать все, что уцелело. У меня такой проблемы не было. Чемодан я так и не разобрала, поэтому пока дожидалась Серова, решила сварить кофе.

А потом была гостиница. И отдельные номера. И бессонная ночь. Потому что, что делать со своими чувствами, я не представляла. И вся моя напускная храбрость и целеустремленность улетучились враз, обнажая ранимую внутреннюю суть. Может зря я все это затеяла? Вышла бы замуж за Петеньку, нарожала ему таких же, как он, детишек и не изводила бы себя ненужными чувствами. Только от мысли этой рыдать хочется. А я и так слишком много рыдаю, в последнее время

Глава десятая

Никогда не страдала лунатизмом, но иначе объяснить свое поведение я никак не могу, как бы не старалась. Вот, вроде, лежу в своей кровати, пытаюсь осмыслить все происходящее со мной, в последнее время, но спустя пару минут уже стучу в дверь соседнего номера, где остановился Серов. Зачем я это делаю, что я ему скажу, понятия не имела. Но и сбежать не давали упрямые ноги, словно приросшие к ковру, перед гостиничным номером.

Дверь открылась почти бесшумно и, судя по Гоше, он, как и я, страдал бессонницей.

— Я... — начала и запнулась, глядя ему в глаза. Он молча посторонился, будто бы это было делом привычным, что я вот так вламываюсь к нему среди ночи, и так же молча лег в постель, пока я неловко переминалась с ноги на ногу, не зная, как поступить. Уйти? Резонный вопрос возникает: «зачем приходила?». Остаться? Тогда совершенно не ясно, на каком таком основании.

— Ты долго еще будешь стоять и сопеть?! Я спать хочу, — пробурчал недовольно Серов и похлопал ладонью на место, рядом с собой.

Наверное, та я, у которой мозги в нужном месте, не приправленные любовными парами, возмутилась бы. Мало того, что дает ложные надежды, так еще и безбожно наговаривает. Мои мыслительные процессы уж никак не сопровождались сопением. Однако, другая, по уши влюбленная я, мартовской кошкой запрыгнула на предложенное место и прижавшись, как можно ближе к крепкому, теплему мужскому телу, уткнулась носом в широченную грудь и действительно засопела, моментально погружаясь в блаженный сон. А там были: и свадьба, и кольца, и толпа карапузов, так похожих на Серова.

Утром мы дружно сделали вид, что ничего не произошло. Гоша даже не пытался выяснить причину моего вторжения к нему среди ночи, а я благоразумно молчала. Так как сама не понимала, что со мной происходит и когда я умудрилась стать такой мямлей.

В лес мы поехали на машине Завьялова. Он как истинный друг, который не бросает в беде, приехал на своем внедорожнике, помог загрузить вещи и нисколько не удивился, когда увидел, что Георгий взял с собой меня.

— Валентиночка Сергеевна, какой приятный сюрприз, — еще и подмигнул Серову, который, кстати сказать, выглядел не совсем довольным. Правда, чем именно было неясно. То ли моим присутствием, то ли тем, что это самое присутствие, для Артёма Михайловича стало сюрпризом, еще и приятным.

— Поехали уже, — фыркнул, похлеще взбешенного жеребца, Гоша и сел на переднее сиденье, предварительно усадив меня назад.

— Злюка ты Серов, — товарищ майор довольно усмехнулся, кидая в зеркало заднего вида на меня хитрые взгляды. — Ночь бессонная выдалась?

— Ночь нормальная, но вот вечер... — протянуло устало я, вспоминая, как бегала по квартире, пытаюсь устранить следы катастрофы.

— Валя! — возмутился Серов.

— Что Валя? А то скажешь тебе понравилось воду вычерпывать, когда нас затопили, — фыркнула я. Не я же виновата, что его соседи решили устроить нам вечерние купания.

— Так вас затопило? — хмыкнул Завьялов, после чего расстроено протянул: — А я уж подумал...

— Фи, товарищ майор, моветон при даме вести такие разговоры, — фыркнула я.

— Нижайше прошу прощения у дамы, — начал Артём, но поймав мой далеко не обиженный взгляд, засмеялся.

Я же в свою очередь отвернулась к окну, наблюдая за пейзажами, проплывающими за окном. Никогда не любила лес, больше предпочитая морское побережье, но сейчас вид за окном совсем не отталкивал. Я даже воодушевилась. Лес, палатка, Гоша и я. Все-таки события последних дней очень сблизили нас, пусть он, возможно, этого не признает. Но то, что Серов меня вчера не прогнал, говорило мне о многом.

— Какая-то Валентина Сергеевна сегодня молчаливая, — разорвал мои мысли голос Завьялова.

— Слава Богу, — буркнул Гоша. Я уже тут себе размечталась, а он одной фразой вмиг испортил мне настроение.

— Ну если Вам так мешают мои разговоры, Георгий Николаевич, то и нечего было меня с собой брать, — благо внедорожник остановилась, и я, с чистой совестью, выскочила на свежий воздух, не забыв хлопнуть дверью. Понимаю, что авто не виновато, но выплеснуть обиду очень уж хотелось.

— Валя, — окликнул Гоша, но я даже не повернулась. Лишь голову повыше задрала, чтобы выглядеть гордой и неприступной, направляясь в сторону ребят, с которыми, в большинстве своем, была знакома.

— Мальчики, привет, — погорячилась, конечно. Тут же просто бешеное скопление тестостерона на одном небольшом участке. Таких-то красавцев и мальчишками грешно называть. Однако, мужчины совершенно не обиделись. Приветственно загалдели: кто со спутницами более сдержанно, кто в одиночестве — весело размахивая руками и подзывая присоединится к нескучной компании.

Я повернула голову и встретилась взглядом с Гошей. Он не вмешивался, но глаза то и дело метали молнии. А я что? Ему же не нравится моя разговорчивость. Так смысл навязываться? Хватит. Свою прививку, его недовольства, я уже получила.

Но Серов удивил. Всех, в том числе, меня. Резкими, уверенными шагами, подошел ко мне, встал рядом и схватив мою руку в свою лапищу, крепко сжал.

Воцарившаяся тишина оглушала. Я подняла голову и снова посмотрела на Гошу. А этому хоть бы хны, только руку сильнее стиснул, что я невольно пискнула. Такими темпами он мне все кости переломает. Хватка слегка ослабла и меня, молча, потащили знакомиться с женами, невестами, девушками, старательно огибая мужскую часть компании. Был бы это кто-то другой, я с уверенностью бы сказала, что мужчина ревнует, но с Серовым я не могла быть в этом убежденной. Поэтому решила плыть по течению. Здоровалась, шутила, кивала старым знакомым и все это под неусыпным контролем Гоши. Благо моего «телохранителя» отвлек Завьялов, который, кстати говоря, был без жены и требовал внимания к своей персоне.

— Да, Валя, — усмехнулась одна из девушек, с которыми мне довелось познакомиться. — Впервые вижу Серова таким агрессивным. Обычно он непрошибаемый.

— Да, да, — вторила другая. Если не ошибаюсь Люба. — Я думала он робот, у которого одна работа на уме.

Девочки дружно засмеялись, стреляя глазами в сторону Серова. Мне же стало за него обидно. Работал мужик, деньги зарабатывал, старался свою личную жизнь ограждать от таких вот кумушек, но появилась я. Репутация хладнокровного и непробиваемого, канула в лету, ибо выводила я его всегда и везде, независимо от моего на это желания.

В остальном отдыхом на природе я была довольна. Птички пели, шелестели листья на деревьях, мы жарили шашлыки и сидели у костра, распевая песни на всю мощь своих легких. Ну, как распевали. Я жалась к теплому боку Серова, наслаждаясь тяжестью его руки на своих плечах, парни, оставшиеся сегодня без вторых половинок, играли на гитаре и пели. Было тепло, хорошо и спокойно. Даже комары не омрачали столь прекрасного вечера.

По палаткам мы разбрелись глубоко за полночь. Благо мужчины поставили их, как только мы приехали и сейчас, в кромешной темноте, не пришлось решать эти проблемы.

Ожидаемо, что палатка нам осталась одна на двоих. Я старалась делать вид, что меня это несколько не смущает. Я же взрослая девочка, мудрёная жизненным опытом, однако трусила все равно знатно. И дело даже не в том, что наши с Гошей отношения перейдут в другую плоскость, а в страхе сделать что-то не то, опять разочаровать его и вывести из себя.

Я не была идеалом. Ни внешне, ни внутренне. И мысль, что рядом он не по своему желанию, что я вынудила его, заставила, добила, так сказать, разрывала мой мозг похлеще ядерной бомбы.

— Ты опять сопишь, — хмыкнул Гоша, а я повернулась к нему лицом, чтобы увидеть его глаза. Мне казалось он давно спит.

Его рука легла мне на талию, притягивая ближе. Хотя куда еще ближе, если палатка была рассчитана на двоих, тесно знающих друг друга, человек.

— Зачем ты меня поцеловал?

— Что? — брови Серова взлетели вверх, выражая всю степень удивления моим вопросом. — Валя, зачем люди целуют друг друга?

— Но мы то не люди, — фыркнула я, но тут же поспешила исправить сморозившую глупость: — То есть...Я хотела сказать...Из жалости, да? Ты поцеловал меня из жалости?

— Валя, — захохотал мужчина и убрав руку с талии, повернулся на спину. Холодок одиночества тут же поспешил пробежать по спине. — Ты вроде бы умная, но такая дура.

Я в праведном своем возмущении ударила кулачком Гошу в плечо. За что и была поймана, в считанные секунды оказавшись под тяжестью его тела.

— Ни одно на свете чувство, кроме желания, не заставит мужчину целовать женщину. Какая бы эта, женщина не была настойчивая и настырная, — ухмыльнулся Георгий, а затем поцеловал. Так словно никогда и ни одну женщину в своей жизни не целовал. Страстно, горячо, терзая своими губами мои губы.

— Святые ёжики, — голос бравого командира разлетелся по всей поляне. И я, оглушенная эйфорией, сначала даже не поняла, что произошло. А потом вход в палатку открылся, Гоша слетел с меня, а между нами вклинилось огромное тело товарища, гада такого, майора. Дышать стало тяжело. Без того маленькая палатка, казалось, порвется по швам. Гоша и я оказались по разные стороны баррикад.

— Я у вас переночую, — не спрашивая, а поставив перед фактом, произнес Артём. — Там змея, а я змей ужасно боюсь. Вот жена у меня, огонь женщина. Она и коня на скаку остановит и тещу заставит домой уехать.

— Ты ничего лучше не мог придумать? Почему именно к нам? — пыхтел недовольством Серов.

— Нет, ну как ты представляешь себе это? Командир и боится каких-то змей. Что про меня подчиненные подумают?

- А то, что ты орал на всю поляну тебя не смущает? — парировал Гоша.

— Ни сколько, — Завьялов повернулся на бок, лицом ко мне и хитро подмигнул. — Вон

видишь Валентиночка Сергеевна не против.

Валентиночка Сергеевна была против, еще как против, но судя по виду майора, его отсюда и калачом не выманишь. Пришлось смириться с неизбежным. Кидать тоскливые взгляды на Гошу и терпеть невыносимый храп, которым, спустя каких-то десять минут, осчастливил нас Артём Михайлович.

— Почему ты говоришь его жена не приехала? — приподнялась я на локтях, чтобы видеть лицо Серова.

— К маме уехала, — вздохнул мужчина, разглядывая потолок нашей палатки. Ночка нас жала незабываемая.

В Гошину квартиру мы вернулись вечером следующего дня злые, голодные и не выспавшиеся. Завьялов же наоборот рассыпал флюиды благодушия и прекрасного настроения. Еще бы, он то, в отличие от нас, выспался. Нам же всю ночь пришлось слушать его трели. Можно было, конечно, выйти из палатки, оставив его в полное распоряжение товарища майора, но, во-первых, на улице знатно похолодало, а костер перед тем как уходить, мужики затушили, а во-вторых никто из нас не горел желанием сидеть на обдуваемой всеми ветрами полянке. Поэтому пришлось выбрать меньшее из зол.

В квартире все так же царил хаос и кошмарно воняло сыростью. Такими темпами совсем скоро по стенам пойдет грибок, который вывести будет очень сложно.

— Завтра вызову бригаду, пусть глянут, что с этим можно сделать, — цокнул недовольно языком Гоша и повернулся ко мне: — Жрать хочется, невероятно. Давай что-то приготовим, а потом в гостиницу?

— Может все-таки ко мне? — уточнила я, разглядывая творившейся бедлам.

— Не лучшая идея. Валь, я на работу выхожу. Больничный закрыли, — он сказал это так просто, обыденно, а у меня сердце с грохотом опустилось вниз. Конец. Баста, карапузики.

— Понятно, — выдохнула еле слышно, пытаюсь сделать вид, что это меня совсем не трогает. — Тогда давай поедим, да я к себе поеду. И так пекарня без меня целый день, завтра в любом случае выходить.

— Валь, посмотри на меня, — попросил Серов, а я только сейчас поняла, что стараюсь не сталкиваться с ним взглядом. Боюсь просто. Никогда и ничего не боялась, а сейчас боюсь в его глазах увидеть облегчения. Ноша сама слезла и собирается укатить в закат. А потом работа, дела и тотальное отсутствие времени. — Валя...

И я посмотрела. Потому что жизнь учит своим страхам в лицо смотреть. Особенно когда лицо такое мужественное и красивое.

— Останешься? — подошел совсем близко и пальцами нежно подбородок приподнял. Я почти не дышала, будто воздух из легких выкачали, а как обратно его вернуть не научили.

— Сейчас? Конечно, я же сказала, что... — я начала тараторить, пытаюсь перебороть своё волнение, но Гоша лишь отрицательно махнул головой.

— Не только сейчас, Валь, — усмехнулся он и опять поцеловал, как тогда, в палатке.

Думала ли я, что будет дальше? Нет. Я наслаждалась. Его руками, которые были везде, губами, что так нежно, но в то же время настойчиво целовали меня, его дыханием, которое согревало, его запахом, которым я хотела пропитаться с головы до кончиков пальцев. Врасти в него, пустить корни. И да, со всей уверенностью могу сказать, что секс на подоконнике ничуть не хуже секса на кровати. Правда, кровать мы тоже опробовали, только чуть позже, уже в гостинице.

Глава одиннадцатая

— И? — подпрыгивала на своем месте, от нетерпения, Лизавета. — Как он? Шикарен?

Я таинственно улыбнулась, продолжая протирать столешницу стола от муки. Очень уж не хотелось мне делиться подробностями личной жизни.

— Валя, — запищала сестрица. — Скажи же уже хоть что-то! Я по глазам вижу шикарен!

— Шикарен, — кивнула утвердительно. — Правда, я ни сколько в этом не сомневалась.

— Так не интересно, — отмахнулась блондинка и подперев подбородок ладошкой, тяжело вздохнула: — Я надеялась на дословный пересказ, с уклоном в сторону тяжелой эротики. Эх, Валя!

— Тебе с мужем мало эротики? — засмеялась я, присев напротив, и полностью скопировав позу сестры. — Хочешь об этом поговорить?

— Иди ты! — фыркнула сестра и сделала вид, что глубоко и прочно на меня обиделась. Однако, я прекрасно знала, что Лизаветишна долго обижаться не может. Ее же разорвет от невысказанных слов. Вот и сейчас губы усердно дует, а сама то и дело косится на меня. Того и глядишь косоглазия заработает.

— Пойду, конечно. Булочки допеку и пойду. У нас сегодня поклейка обоев намечается.

— Вот прям тяжелую артиллерию подключила? Не жалко мужика, а? — звонко засмеялась сестра и покачала головой. — Бессердечная ты женщина, Валентина.

— Сердечная, очень даже, — кивнула.

Между тем, поклеить с ним обои предложил сам Серов. Так что, кто из нас устроил проверку, надо еще решить. Хотя, не скажу, что это идея была мне чужда. К слову, обои я клеить умела, а приглашать для этого бригаду считала лишним расточительством. Гоша лишь усмехался, но я видела, что моя экономность ему не очень нравилась. А я привыкла так. Платить кредит, копить, считая, что тратить деньги надо с умом, а не расшвыривать их на всякую ерунду.

В принципе, жить с Серовым мне нравилось. Не так, как мы жили до этого, словно чужие друг другу люди, а в полноценном смысле. Просыпаться с ним в обнимку, готовить ему завтрак, провожать на работу, готовить ужины. Я так отвыкла от жизни с мужчиной, что сначала даже не понимала, что чувствую. Я добилась своего. Обратила внимание Гоши на себя, затащила, можно сказать, на аркане, но послевкусие было горькое. И ощущение это дурацкое. Словно все временно. Пока я удобна ему, я буду рядом, но впереди была только сплошная неизвестность.

— Валя! — я вздрогнула, подняла глаза и увидела пышущую недовольством сестру. Надо же было настолько уйти в себя, что не заметить, как сестрица меня звала уже несколько раз.

— Прости. Задумалась.

— Не о Петеньке случайно? — хмыкнула зараза белобрысая.

— Типун тебе на язык, — ради своего же спокойствия по дереву постучала и плюнула через левое плечо. Трижды. На всякий случай.

— Слушай, а это странно. Для него, конечно. То пороги тебе каждый день оббивает с пламенной речью, о здоровье мамы. Как будто мы не знаем, что его мама переживет всех нас и наших детей. То пропадает с радаров.

— Тебе прям не терпится его увидеть? — покачала головой и подскочила, как только

таймер на духовке, недовольно затрещал. — Лично я не вижу ничего странного. Роза Львовна в оскорбленных чувствах, что я вновь отвергла ее сыночку.

— Мальчик же страдает, — процитировала Лизавета мою неудавшуюся свекровь и назидательно выставила указательный палец вверх, после чего громко захохотала.

Очевидно, где-то там на небесах, кто-то имел хорошее чувство юмора. Иначе, как объяснить, что вечером того же дня, когда Гоша заехал за мной, навстречу нам выплыл Петя. Аккуратно причесанные, зализанные гелем волосы, круглые очки, серый пиджак, белоснежная рубашка с накрахмаленным воротничком, брюки со стрелочками, натянутые чуть ли не до подмышек и неизменный портфель. Потертый, старый, переходящий по наследству в семье Зубило от отца к сыну. Я пару раз порывалась выкинуть его, к чертям собачьим, чтобы не краснеть за Петеньку, но данную реликвию Петя защищал похлеще меня. По крайней мере, когда на нас напали хулиганы, бывший жених первым побежал спасать себя и портфель. Я же оказалась на вторых ролях.

Теперь же, я смотрела на мужчину напротив и не понимала, где были мои глаза. Перевожу взгляд на Гошу и на сердце разливается сладких мёд. Нет, определенно, я выиграла лотерею, когда познакомилась с этим невероятным мужчиной.

— Валентина, — окрикнул меня Петр Иванович и заспешил навстречу нам.

— Гошенька, миленький, — залезла я перед Серовым. С него же станется по темечку стукнуть соперника. А Пете много не надо. Там душа в теле не ясно как держится.

— Валентина, — рыкнул Георгий и ручищу свою на талию уместил. Вздогнула от прокатившегося по телу возбуждения, прикусив нижнюю губу. Твою мать! Умеет Зубило появляться там, где его не ждут.

— Привет, Петь. Как мама? — успокаивающее погладила своего мужчину по плечу и повернулась к Петеньке. Тот, к слову, только сейчас заметил, что я не одна, а с женихом. И этот самый жених за талию меня держит, к себе крепко прижимает.

— Да, Петр. Как Ваша чудесная мама? — Гоша улыбнулся, а Петя кажется вот-вот готов был уплыть в спасательный обморок. Странно. В прошлую нашу встречу он был более боевой, даже мамой угрожал. А сейчас покраснел до кончиков ушей, глазки на свои начищенные ботиночки опустил и вздохнул. Тяжело, надрывно.

— Валя, мы можем поговорить без этого питекантропа? — поднял на нас решительный взгляд Петр Иванович, еще и пальцев на Серова показал некрасиво. И это профессор, доктор наук, человек с высшим образованием. Светило науки.

— Нельзя, — гаркнул Гоша. Петя подпрыгнул, у меня, кажется, позвоночник куда-то в район пятки посыпался. Выругалась тихо, сквозь зубы, и на Георгия скосилась недовольно. Так же и до инфаркта можно довести. Спрашивается, для чего? Петя же беззащитный, из него соперник никакой.

— Гош, иди в машину. Я сейчас подойду.

— Нет, — отчеканил Серов.

— Гоша, пожалуйста, — попросила еще раз. Ну, неужели сложно сделать так, как я прошу?!

— Сказал же, что не уйду. Или ты сейчас идешь со мной или...

— Что или? Продолжай! — попыталась отодвинуться, но не тут-то было. Гоша держал настолько крепко, что мне казалось еще немного и мои ребра затрещат.

Серов неопределенно пожал плечами. Так, ясно. Ожидала я, конечно, что с ним будет тяжело. Нетерпимый и категоричный до ужаса. Но ведь отношения — это всегда

компромисс. Только готов ли брюнет идти на уступки в дальнейшем, если сейчас своими собственническими замашками, вызывает только недовольство.

— Я пойду, наверное? — вот в этом был весь Петенька. Безусловно, я не хотела драки за мою скромную персону, но обидно было кошмарно. Я же поэтому и бросила его, что ни на секунду не была уверена в нем.

— Замечательная идея. Передавай привет маме, — насмешливо протянул Серов. — А ты не сопи.

Последнее было адресовано мне, но я стойко проигнорировала его слова, дождалась пока Петя исчезнет с горизонта и только после этого, повернулась к Гоше.

— И что это было, Серов? Он же и мухи не обидит. Это то же самое, что младенцев бить.

— Начнем с того, что его никто не бил, — хмыкнул мужчина, склонив голову чуть набок и засунув руки в карманы джинсы, после того, как я демонстративно вырвалась из его ручищ. — А ты почему-то слишком рьяно его защищаешь, тебе не кажется?

— Совсем дурак, да?! — еще и пальцем по виску постучала. Вопрос, конечно, был риторическим. Ожидать, что Гоша признает себя неправым не было смысла.

Обошла джип Серова и демонстративно уселась на пассажирское сиденье. Хочет обижаться и психовать — пожалуйста. Только в машине, а не на виду у всей пекарни.

Ехали мы молча. Каждый считал себя правым. Я не хотела мириться с Гошиными заскоками, он, вероятно, бесился от одного того факта, что Петя был в моей жизни.

— Обои то клеить будем? — спросил Серов, останавливаясь на светофоре. На меня не смотрел, предпочитая разглядывать дорогу и барабанить пальцами по рулю. Бедный руль. Собственно, не за свои грехи страдает.

— Естественно, — протянула я. — Так сцена ревности была для того, чтобы обои не клеить?

— Черт, — захохотал Гоша, всплеснув руками в напускном возмущении. — Раскусила.

Обои мы клеили долго. Серов то и дело пытался откосить. Видите ли, отрезать ровно он не умеет, клей у него не размазывается, обои категорически отказываются приклеиваться к стене.

Правда, меня его отговорки несколько не волновали. Гоняла этого здорового лба кухонным полотенцем, не испытывая ни капли жалости. Гоша уверял, что попросит Завьялова взять меня в качестве инструктора по физической подготовке СОБРа, за что, собственно еще раз отхватил, язва желудочная.

Ужин пришлось заказывать в кафешке, через дорогу. Благо, готовили там вкусно, как авторитетно заявил Георгий. Хорошо нынче холостякам. Раньше приходилось питаться одними пельменями, а сейчас доступны блюда любой кухни мира, стоит только пожелать. У честных женщин отбирают последнюю возможность покорить мужчину и выйти замуж. Ведь, как всем давно известно: «Путь к сердцу мужчины лежит через желудок». От себя я бы добавила, что скорее через постель. Никогда мужик к любовнице не уйдет, только потому что та пельмени вкуснее жены готовит.

С Георгием, конечно, сработал совсем другой принцип. Какой, я пока не очень понимала, потому что ел мою еду он неохотно, сладкое не любил, а секс... Вряд ли он стал нужным катализатором. Все же я далека от понятия секс-бомбы.

— Гош, знаешь, что я подумала?

— Пока нет, — апатично отозвался Серов. Мы сидели на полу в комнате, смотрели на обои, которые с таким усердием поклеили, не забывая поедать китайскую лапшу из коробочки.

— Эти обои сюда совершенно, вот просто катастрофически, не подходят. Давай другие поклеим?

Кажется, Гоша подавился. Я по доброте душевной похлопала его по спине. Э, нет, дорогой. Умирать задачи не было. Ты мне еще живехонький и красивенький нужен. Краснеть тоже не стоит. И гневаться. И взгляды в меня метать убийственные. Я высказала свою точку зрения. Согласна, неуместно. Доклеить то осталось одну стену.

— Валя, — Серов отобрал у меня коробочку с лапшой, которую я проводила тоскливым взглядом, отставил вместе со своей в сторонку, а потом в считанные минуты, я оказалась под тяжестью мужского тела. — Кажется, я нашел применение твоей неуёмной энергии.

Мужские ладони нежно огладили бедра, стянули футболку и требовательно сжали грудь. Ох, знает шельмец, как заставить меня молчать.

На следующий день мы поехали в магазин за новыми обоями. Если вы думаете, что я успокоилась, то плохо меня знаете. Нудела я долго. С чувством, толком, расстановкой. У Гоши сдавало терпение и нервы. Понимал, что я почти его дожала, но из последних сил сопротивлялся. Я даже возгордилась. Не каждый мужчина может вынести вынос мозга чайной ложечкой. Этот стоически терпел, скрипел зубами, рычал, фыркал, но, по итогу, схватил ключи от машины и велел собираться. Чувство, что меня попросту сейчас вывезут в лес, закралось глубоко в душе и только на подъезде, к огромному торговому центру, отпустило. Умение добиваться своего еще никогда меня так не радовало.

— Смотри какой, — я восторженно ткнула пальцев в компактный духовой шкаф премиум класса, напрочь позабыв о новых обоях, которые хотела присмотреть.

— Печка, как печка, — пожал плечами Серов, но подошел ко мне, давно и прочно прилипшей к столь желанной вещице.

— У нее же три уровня интенсивности пара для подъема теста, — перевела взгляд на ценник и опешила. Гоша, видать, стоимость, как и я, оценил. Присвистнул тихонько, разглядывая ценник, словно не верил своим глазам.

— За такие деньги можно шубу купить или колечко. Валь, хочешь колечко?

— Не хочу, — помотала головой и в самых, что ни на есть расстроенных чувствах, отвернулась. — На кой мне колечко? От него же толку никакого. А тут...

— Три уровня интенсивности пара. Я помню.

— Еще гриль с вентилятором, программа для удаления накипи, быстрый автоматический разогрев, пятнадцать режимов...

— И готовит она тоже сама, за такие деньги, — озадаченно почесал макушку Гоша.

Я покачала головой, выдохнула, пытаюсь совладать с эмоциями и бросила прощальный взгляд на свою прелесть. Не на Серова, на духовку. Когда-то я куплю несколько таких в свою пекарню, чтобы с превеликим удовольствием печь еще лучше.

В итоге обои мы так и не купили. Я в глубокой печали бродила в строительном отделе, рассматривала рулоны, но мыслями возвращалась к чуду техники, в которое успела втрескаться, по уши. Конкуренцию, за моё бедное сердечко, ему мог составить только Георгий, правда грусти моей он не разделял. Шел тихонько рядышком, разговор не затевал и, по всей видимости, наслаждался тем, что про обои я так и не вспомнила. Ничего, я умею добиваться поставленной цели. Одна моя достигнутая цель идёт вот рядышком, и вторая, как

миленькая, будет стоять на моей кухне. Мы Бизоновы — не сдаемся!

Глава двенадцатая

Жутко хотелось спать. Я подавила зевок, поежившись от проникающего под кофту прохладного ветра. Время пять утра, а я переминаюсь с ноги на ногу, смотрю на довольного жизнью Гошу и пытаюсь позорно не уснуть. Вот сдались ему эти пробежки. На улице холодно, туман, моросит мелкий дождь, а ему все ни почем. Разминается спокойно, пока я, засунув руки в широкую толстовку молча стою, пытаюсь сообразить где же так согрешила. Мало того, что спортивного костюма у меня отродясь не было, именно поэтому на моей далеко не худосочной попе, красуются сейчас леопардовые лосины, так еще спортсмен из меня был абсолютно никакой. Я уверяла Гошу, что затея дурацкая, но Серов был непреклонен. Разбудил меня ни свет ни заря, наплевав, что с работы я пришла поздно и, пока окончательно не проснулась, выпихнул на улице. И вот стою. Смотрю. Спать все еще хочется очень сильно. Боюсь если так дело пойдет, я плюну на то, что асфальт холодный и улягусь прям на него.

— Хватит зевать, Валь. Разогревайся. Сейчас побежим, — сказал Георгий, разминая кисти рук. Зачем ему кисти, если он ногами бегать собрался?!

— Гош, можно я домой пойду, а? Холодно же, — конечно, я не надеялась на положительный ответ, но попробовать стоило. Серов отрицательно покачал головой, скептически разглядывая меня с головы до ног.

— Серов, тебе что-то не нравится? Сначала жрать мне нормально не даешь, теперь вот это, — махнула я рукой на него, облаченного в черный спортивный костюм.

У меня от его страшной аббревиатуры «ПП» глаз вторую неделю дергается. Похудеть я не успела, но щеки впали, грудь, гордость моя, стала сдуваться, а самое печальное глаза стали шальные от вечного недоедания. Только такой деспот как Серов, мог посадить кондитера на диету. Гречка, салаты, вареная рыба и курица, а я банально мечтала о колбасе. Саями или докторской, с кусочком хлеба. А еще лучше сало, с чесноком.

Рот ожидаемо наполнился слюной от представленных изысков. Кто бы сказал, что о сале мечтать ночами буду не поверила бы. А в реальности, максимум, что мне светит, это филе бедра запеченное в фольге.

— Валя, меньше слов, больше дела. Ноги в руки и побежали, — скомандовал этот невыносимый мужчина и не дожидаясь моей реакции побежал вперед.

Посмотрела ему в след, подумала и побежала следом. Ну как побежала, скорее медленно поплелась. Легкие горели, в боку колело, ноги, не приученные к таким физическим упражнениям, ныли и заплетались. Я сама хотела заныть, как маленькая девочка. Серов же, в отличие от меня, чувствовал себя превосходно. Наворачивал вокруг запыхавшейся меня круги и только усмехался.

— Валентинааа, — протянул насмешливо, а мне хотелось ему стукнуть чем-то. Согнулась, упираясь ладонями в колени и попыталась восстановить дыхание. Волосы выбились из пучка, лицо горело, будто его в кипятке окунули. Зато сон, как рукой сняло. Пришло дикое желание выплюнуть легкие с бронхами и тихонечко помереть, прям на месте.

— Серов, чеши ты лесом, вместе со своим бегом, — выпрямилась, ладонями попыталась пригладить волосы и развернувшись гордо пошла назад домой. Гордо, к слову, сильно сказано. Кроссовки натерли пятку, поясицу скрутило, ноги дрожали от испытанных ощущений, поэтому удалялась я в позе парализованного кузнечика.

— Валентина, вернись сейчас же, — крикнул вдогонку Гоша.

— Не смотри сюда, — повернулась, показала ему кукиш и с чувством выполненного долга, продолжила свой тернистый путь домой. Нет, Гоша. Никакими теперь калачами ты меня на свою пробежку не заманишь. Моё тело мне еще понадобится. Хотел фотомодель, надо было изначально фотомодель выбирать, а не лепить из меня свой идеал.

Стоит ли говорить, что Серову моё поведение не понравилось?! Вернулся с пробежки, посмотрел, как я пью чай с конфетами, смешал себе протеиновый коктейль и вышел, бахнув дверью напоследок. Я слышала, как зашумела вода в душе и поняла, что ссорится не очень хочется. Организм от стресса отошёл, поэтому выбросила фантики от конфет в мусорное ведро, решив пойти мириться первой.

Несмотря на запотевшие стекла в душевой кабинке, я прекрасно различала фигуру Серова. Этакая гора, к которой только и хочется, что прижиматься всем телом и не отпускать. Черт, я же везунчик! Этот невероятный мужчина, пусть он вредный и язвительный, но мой! Только из-за этого можно смириться с его бушующими тараканами.

— Гоша, — стянула толстовку, ненавистные лосины, белье и присоединившись к Серову, прильнув к его спине. Потерлась щекой, поцеловала кожу между лопаток. На голову лила прохладная вода, но я этого не замечала.

— Вкусные конфеты были?

— Ты вкуснее, — прошептала тихо, но он услышал. Хмыкнул неопределенно и резко повернувшись ко мне лицом, своими ручищами стиснул мою талию.

— До чего же ты противная, Валентина. У меня с тобой столько седых волос появилось, ты не представляешь.

— Подлецу все к лицу, — запищала я, потому что Серов решил, что за мой длинный язык, меня следует покусать. Так как ближе к нему было моё плечо, оно и пострадало первым. А потом все мысли напрочь вылетели с головы, так как мой мужчина продолжил кусать, но уже чередуя укусы с поцелуями. Голова закружилось, внизу живота скрутилась тугая пружина возбуждение, а голова вовсе перестала соображать, уплывая в океан блаженства.

Наутро Серов выключил будильник, поцеловал меня в плечо и ускакал на свою пробежку. Блаженно улыбнулась в подушку, от того, что все-таки добила своего, но радоваться, как оказалось было рано.

Вечером того же дня, Георгий встретил меня после работы, поддержал за локоть, пока я разувалась, усадил на кухне за стол, налил чая и вынес свой вердикт:

— Купил нам абонемент в фитнес зал.

— Что? — я опешила. Взглядом нырнула в чашку с чаем, понюхала, боясь, что именно глоток чая, сделанный секунду назад, вызвал галлюцинации.

— Абонемент в зал, Валь. Там тьма всяких тренажеров и бассейн. Если тебе не нравится бег, найдем что-то подходящее для тебя. Любишь плавать?

— Я не умею плавать, — сквозь зубы произнесла я. — Серов, я что-то не очень понимаю. На данный момент я еле живая пришла с работы. Ты хочешь сказать, что, отпахав смену возле духовки, я должна с криками радости хреначить в спортзал?

— Можно без криков, — развел руками Георгий.

Выдохнула сквозь стиснутые зубы, весь воздух из легких, пытаюсь совладать со злостью. Тихо, Валя, тихо! Если ты сейчас наорешь на Серова, ничего принципиально не изменится.

— Что не так, Гош? — отставила чашку с чаем в сторону, чтобы в мимолетном порыве

не вылить чай Серову на голову. Но как же бесит, тиран доморощенный!

— А что так, Валя? — вскинул бровь мужчина и руки на груди скрестил. — Бегать ты не хочешь, в зал ходить отказываешься, хотя я думал, тебе понравится моя идея. Чего ты хочешь? Сидеть в своей долбанной пекарне и жрать конфеты?

— То есть тебя смущает тот факт, что в этой, как ты выразился, долбанной пекарне, я работаю? Кредит за нее не маленький плачу, жилы из себя все тяну, — было больно и обидно, что он меня не понимает. Сразу возникло желание скрыться, убежать подальше, чтобы успокоить нервную систему и окончательно не поссориться с Серовым. Я не хотела его терять.

Выскочила из кухни как ошпаренная, не желая слушать, что он ответит. Нам двоим надо успокоиться, иначе ни к чему хорошему наш скандал явно не приведет. Я же и так стараюсь сгладить все углы нашей совместной жизни, понимая, что притирка, между живущими под одной крышей людьми, всегда будет. Но сердце болезненно сжималось от обиды, не желая слушать аргументы.

Осела по стенке в коридоре, стукнулась не сильно об нее пару раз затылком, размышляя что делать дальше. Идти обратно на кухню не возникало никакого желания, да и находиться под одной крышей с Серовым аналогично. Встала, одернула задравшееся платье и поплелась обуваться. Даже кофту теплую с вешалки стянула, потому что под вечер на улице похолодало.

— Ты куда? — спросил Гоша, появляясь в дверном проеме.

— Воздухом дышать, — в глаза ему не смотрела. Не хотелось видеть его бушующую злость и недовольство мной.

— Я с тобой, — категорично заявил брюнет, поспешив обуваться. Я посторонилась и оказалась замкнутой между Серовым и стеной. Полной грудью втянула запах мужчины и почувствовала, как внутри отпускает. Идиот чертов! Все нервы мне потрепал, а теперь гулять он со мной собрался.

И действительно гулял. Мы прошли пешком несколько кварталов в абсолютной тишине. Так же молча вернулись домой, приняли душ и легли спать, отвернувшись друг от друга. Мне хотелось орать от невысказанных слов. Гоша же спокойно засопел, будто мы и не ругались совсем недавно. Сухарь бесчувственный.

Гоша битый час ходил по торговому центру в поисках подарка для Валентины. Разумом понимал, что накосячил, конкретно так, но внутренний голос неумолимо подначивал. Мол, Георгий Николаевич, батюшка, она же сама, всем своим видом напрашивается. Нос задирает, выводит из себя, на нервах, как на скрипке, играет. Чего стоит один финт с обоями. Плевать, что по итогу ничего переклеивать не пришлось, но осадок остался. А Петенька ее этот?! Не то, чтобы Серов его считал соперником, просто сам факт его присутствия, уже не хило так подбешивал.

Завьялов, увидав, что лучший друг ходит ссее тучи, оправдывая свою фамилию, затащил Гошу к себе в кабинет, дабы выпытать причину плохого настроения. В принципе, Артём Михайлович догадывался, что дело в Валентине, свет, Сергеевне, но уточнить не мешало. Что, собственно, он и сделал. А потом, выслушивав, похлопал по плечу, высказывая моральную поддержку и отправил за подарком. Женщины же падкие на подарки. Им только повод дай, чтобы устроить скандал, дабы получить эти самые презенты.

Вот и бродил Серов, послушав лучшего друга, по магазинам. Что покупать понятия не

имел, но твердо решил, что без подарка не уйдет. На втором кругу его скитаний, глаз упал на вывеску одного довольно известного магазина косметики. Идея загорелась моментально. Женщины же любят косметику, правильно? Можно было бы, конечно, купить ювелирное украшение, но Гоша решил не заморачиваться. Выберет какие-нибудь духи, чтобы Валя угомонилась и дело в шляпе. К тому же огромный плюс будет в том, что его девушка будет пахнуть так, как нравится ему, а не ванилью, которой от нее несет.

Стоило мужчине зайти в магазин, как все девичьи взоры сразу прилипли к мужественной фигуре посетителя. А Гоша потерял дар речи, потому что ему на встречу шла ОНА. Именно так, с большой буквы. Воплощение всех его идеалов и желаний.словно фея из сказки. Язык прилип к небу, горло пересохло, от чего Серов сглотнул и вновь прицепился взглядом к длинноногой блондинке.

Бейджик на округлой груди полного второго размера гласил, что виденье зовут Алевтина. Взгляд сам скользнул в глубокое декольте, обратил внимание на тонкую талию, стянутую пиджаком в обличку, короткую юбку, обтягивающую крутые бедра барышни и закончил осмотр шикарными ногами, обутыми в лакированные туфли на шпильке.

— Вам помочь? — мечта растянула пухлые губы в самой красивой улыбке, которую он только мог видеть в своей жизни и посмотрела Гоше прямо в глаза. А он утонул в этих голубых омутах и, похоже, спастись совсем не желал.

— Да, — голос хрипел, с головой выдав состояние своего обладателя. — Мне духи нужны. Женские. Для сестры.

Последнее и сам не понимал, для чего уточнил. Валя была далеко не его сестрой и по отношению к ней он поступал сейчас в высшей степени паршиво, но совесть упрямо молчала. Он ничего ей не обещал, в вечной любви, в конце концов, не клялся.

— Ох, — всплеснула руками Аля. — Вы пришли вовремя. У нас только вчера поступила новинка от Nina Ricci. Мечта любой девушке. Я уверена, Ваша сестра будет в полнейшем восторге!

Каблучки застучали по плитке. Алевтина повела Гошу, показывая стеллаж с той самой новинкой, а Серов подобно змее, которая тянется за своим заклинателем, поспешил следом, не забывая рассматривать аппетитную попу девушки — консультанта.

Она сует ему под нос бумажку с вонючей хр*нью. Только, Серов не чувствует запаха. Смотрит на свою ожившую мечту и чуть ли слюной на пол не капает.

— Прекрасно. Беру, — кивает головой и наблюдает, как девушка, поставив пробник обратно на полочку, моментально достает запечатанную коробочку. Ведет его на кассу, улыбается, предлагает товар по акции. Гоша в своем оцепенении не совсем понимает, о чем щебечет Алевтина, только пялится на ее яркие губки, не в силах оторвать себя от идеала.

— Приходите к нам еще, — пропел цветочек, откинув золотистую копну волос за спину.

— Обязательно, — прошептал Серов, наблюдая как мечта ускользает от него, переключая все свое внимание на другого клиента. Бл*ядская ситуация! Почему Валя не может быть такой, как Алевтина? Стройной, манящей, безумно красивой и женственной. Идеальной.

Глава тринадцатая

Кастрюля на плите бурлила, распространяя по кухне запах ароматного борща. Я попробовала блюдо на соль, уменьшила огонь и прикрыла крышкой, оставляя довариваться. В духовке вот-вот должна была приготовиться курица, а в холодильнике стоял уже нарезанный салат из свежих овощей.

Гоши все не было, и я, присев на стул, стала бесцельно переключать каналы на телевизоре. Смотреть ничего не хотелось, но полнейшая тишина в квартире раздражала. И зачем я только сегодня раньше приехала?! Надо было оставаться до закрытия, но нет же! Хотелось угодить, сгладить неровности в наших отношениях, которые, кажется, с самого начала не очень задались.

Входная дверь хлопнула, и я подскочив, словно ужаленная, поспешила встречать Серова.

— Привет, — встала в дверном проеме, наблюдая, как мужчина разувается и снимает ветровку. Красив, конечно, зараза! Высокий, широкоплечий, статный. Будто только сейчас сошел с обложки какого-то спортивного журнала. Любуюсь и вижу перед собой идеал. Именно такого я представляла в каждом любовном романе, на месте главного героя.

— Ты рано сегодня, — хмыкнула Серов и достав какую-то картонную коробочку, вручил мне. — На.

— Это что, Гош? — покрутила в руках, узнав известный логотип производителя духов и вскинула глаза на Георгия. — Это духи?

— Нет, газ «Новичок», — закатил глаза брюнет. — Конечно, духи, Валя.

— Зачем? — открыла коробочку, вытащила стеклянное яблочко, но снимать крышку и нюхать не решилась. Такие дорогие духи я себе никогда не покупала, считая, что, в принципе, могу обойтись. — Это же дорого!

— Валя, — рыкнул Гоша, скрестив руки на груди. И чего спрашивается так нервничать и злиться?! Действительно же пустая трата денег. — Дают- бери! Бьют- беги! Знаешь такую поговорку? Так вот, молча подарок взяла, дарителя поцеловала, без лишних разглагольствований.

— Поцеловала бы я тебя и без подарка, — вздохнула, но приказ выполнила. Духи поставила на полочку в прихожей, на самое видное место, после чего приподнялась на носочках и поцеловала Серова. Он ответил, но с каким-то непонятным напряжением. Даже не приобнял, как обычно, за талию.

— Все в порядке? — оторвалась от Гоши и положила ладонки на его широкую грудь, ощущая, как ускоряется сердцебиение мужчины.

— Более чем. Просто устал, — пододвинул меня в сторону и ушел на кухню. Сирена, предохраняющая от опасности, в моей голове, заголосила на всю свою мощь. Что-то явно не так и дело не в обычной усталости.

Подозрительно посмотрела в след брюнету, прищуриваясь. Нет, Гоша, так просто ты от меня не отцепишься. Как бы ты не отговаривался своей усталостью.

— Я ужин приготовила, — пошла следом, пытаюсь уговорить свою внутреннюю кровожадность. Она же в свою очередь требовало крови и зрелищ, предложив пытать Серова! Тут же подключилась похоть, стоило мне только чуть дольше задержать взгляд на брюнете, нашептывая, что пытать можно очень даже приятным способом. Пришлось

замотать головой, чтобы уgomонить этих двоих, пока не подключился кто-то еще. Я и так терпением никогда не славилась, но чувствовала, что если сейчас начну настаивать, то только разозлю Георгия. Я кошечка! Ласковая, нежная кошечка. Сейчас потрусь, помурлычу и он мне все, как на духу, расскажет.

— Я не голоден, — мотнул головой, хмуря свои темные брови, после чего залпом выпил стакан воды, изнемогая, по все видимости, от жажды и снова ушел, оставляя меня одну. И вот это мне жутко не понравилось! Что значит не голоден?! Я старалась, готовила, с работы раньше, специально для этого, вернулась.

Голову подняла внутренняя скандалистка. Она требовала разбомбить всю кухню, устроить разбор полетом и треснуть Гошу чем-то тяжелым, под тип чугунной сковородки, сделанной в СССР или же скалки! В кои то веке, с ней я была солидарна.

К тому же, поведения Гоши сейчас мне напомнило начало наших отношений. Точно так же, как и тогда, он сейчас банально убегает от меня. Даже не поцеловал толком, так обозначив свое присутствие.

— Гош, — Нет, отступить я не была намеренна. Я не та девушка, которая пасует перед хмурым лицом своего благоверного. — А блинчики хочешь, твои любимые?

— Не хочу, — Серов сидел на диване, включив бои ММА на телевизоре. Я заглянула в экран, удивилась мускулистости мужчин и пожав плечами, вновь повернулась к Гоше. Мой все равно красивее.

— А что хочешь? Хочешь я тебе массаж сделаю? — встала за мужской спиной и ладошки на плечи положила, пальцами легонько разминая. — Можем пойти в душ. Я тебе спинку потру, — промурлыкала, склонившись, над ухом, губами задевая ушную раковину. Тот Серов, что был со мной пару дней назад сто процентов воспользовался бы предложением, а этот, чужой, только вывернулся, отстраняясь от меня.

— Гоша, что случилось? — вот теперь я была сама серьезность. Мне абсолютно не нравилось происходящее. Я, видите ли, стараюсь для него, плюнув на его абсолютно ужасное поведение, но в ответ получаю только сплошное недовольство. — И не надо мне втирать, что ты устал! Я прекрасно знаю, какой ты приходишь уставший. То, что с тобой сейчас к усталости явно не имеет отношения!

— Помолчи, пожалуйста. Без тебя голова болит, — вроде бы и сказал тихо, но столько ярости было в этом голосе, что я бы и на крик меньше отреагировала. Дернулась, как от пощечины. Если он преследовал цель меня унижить, то он ее с успехом достиг.

Выдохнула весь воздух из легких, стараясь не расплакаться и молча ушла в ванную. Включила воду в раковине, умылась ледяной водой, но всхлипы то и дело вырывались наружу. Я ничего не понимала и эта неизвестность, была по натянутым нервам.

Я сильная и уверенная в себе. Была, по крайней мере. Пока не произошел переломный момент и вся моя уверенность, при встрече с этим мужчиной, улетела в тартарары. Мозг превратился в розовый кисель, благодаря тем чувствам, что я испытываю к Гоше. Именно поэтому, вместо того, чтобы наорать на него, уйти, хлопнув дверью, я позорно сижу ванной, намазывая сопли на кулак.

— Валь, — тихий стук в дверь и виноватый голос Серова. Только мне от его жалости ни шло, ни ехало.

— Чего? — отозвалась не сильно вежливо. Надо же, даже носом не хлопнула. Будто бы не я сейчас рыдать пыталась.

— Вкусный борщ.

— Я рада, — если Гоша думает, что если он поел, я его прощу, то глубоко заблуждается. Мне вообще осточертели эти танцы с бубном. То он ласковый и нежный, то рычит и фыркает на меня, за любую, по его мнению, оплошность.

— Валь, — снова позвал Гоша.

— Чего тебе?

— Я в туалет хочу, — вздохнула, кинула последний взгляд на свое отражение в зеркало, отмечая, что лицо почти не опухло, глаза почти не красные. Замечательно. Еще не хватало, чтобы Серов думал, что я из-за него плачу.

— Иди, — предварительно дверь открыла и пискнуть не успела, как меня схватили, мешком взвалили себе на плечо и понесли в спальню, еще и ладошкой по мягкому месту припечатывав, чтобы не визжала. Я сопротивлялась. Долго и со вкусом. Сопротивлялась, когда несли, когда кубарем взвалили на кровать, когда попытались поцеловать. Ибо нечего обижать маленький и хорошеньких девушек, как я.

— Ты же устал, Гоша, — отползая от него протянула я.

— Ты же обещала массаж, Валя, — уклончиво ответил брюнет.

— А губа не лопнет? — вздернула бровь, но тут меня поймали за ногу и потянули на себя, от чего мне пришлось со всей силы дернуть ногой. В принципе, цели своей я достигла. Так дернула, что попала пяткой Серову в нос. Орган, отвечающий за обоняние, такого произвола не выдержал и с него моментально потекла кровь. Пришлось бежать за ватными дисками и устраивать танцы народов Африки, вокруг пострадавшего, чтобы остановить кровь. Главное, что меня отпустили, а какой ценой ведь неважно. Правда?!

— Да, Валя. Теперь я буду знать, что с тобой связываться опасно, — философски заметил Гоша, прижимая ватку к своему носу.

От нетерпения пританцовывала на месте. Хотелось поскорее выхватить ключи у Валерия Ивановича и улететь в дальние дали на вишневой копеечке, которая совсем скоро будет моя.

Идея купить машину была спонтанная. Просто мне надоело таскаться на такси и общественном транспорте с Гошиной квартиры в пекарню. Эти поездки выедали из меня все нутро и сжирали все свободное время, которое я могла провести с Серовым. Поэтому, собрав все свои мизерные сбережения, ибо большинство денег уходило в расширения бизнеса и на кредит, приступила к поискам бюджетного автомобиля. По чистому совпадению Танюша обмолвился, что ее дорогой сосед — Валерий Иванович, продает свою горячо любимую ласточку, служившую ему многие годы верой и правдой.

— Мне же сын вона какого крокодила подарил, — Танин сосед головой кивнул в сторону черного бронированного джипа. Я присвистнула. Сын, видать, у Валерия Ивановича явно непростой парень с соседнего подъезда. Он бы еще отцу танк притащил. Хотела предложить, но покосившись на довольного мужчину, закручивающего свои, и без этого пышные, усы, решила идею не подавать.

— Так я могу ехать? — протянула ладошку, ожидая, когда мне вручат ключи от сего шедевра отечественного автопрома.

— Ты это, Валентина, не пори горячку, — мне пригрозили указательным пальцем, любовно погладили крыло вишневого верного друга, после чего открыли переднюю водительскую дверь, жестом предложив мне присесть.

Меня упрашивать не надо. Я села, стряхнула пыль с приборной панели, подергала рычаг

переключения скоростей, покрутила руль, чем вызвала недовольное цоканье Валерия Ивановича.

— Чего ты дергаешь?! Чего ты дергаешь?! — запричитал Танюшин сосед, качая седой головой, еще и по руке меня шлепнул не больно. — Мужика так своего дергать будешь. А с моей ласточкой надо нежно! Любя!

— Поняла. Не дергаю, — тут же согласилась я и руки отдернула, спрятав за спиной. Если я сейчас не соглашусь — машины мне явно не видать.

— И сцепление резко не бросай! Знаю я Вас: женщин! Лишь бы что-то подергать и побросать.

— Клянусь, что ничего не люблю дергать и бросать! — руку на сердце положила, клятвенно глядя в глаза Валерию Ивановичу. Я сейчас готова была обещать голой станцевать, лишь бы меня скорее отпустили. Уже хотелось безумно прокатиться. Чтобы музыка в ушах, ветер в волосах, Гоша читающий молитву, с иконами, на переднем сидении. Я, конечно, не так плохо вожу, но практиковалась ужасно давно.

— Ладно. Поезжай! — я потянулась рукой двери и захлопнула ее, чем опять вызвала недовольство старика.

— Ты чего так хлопаешь?! Чего хлопаешь?! — Валерий Иванович стал поглаживать капот машины, пробубнив что-то про глупых баб, которым зачем-то стали выдавать права. Хотелось поспорить, и я даже готова была вступить в дискуссию, но в последний момент прикусила язык. До крови, чтобы наверняка. Такая мелочь, конечно, его не очень остановила, но желания обладать своим авто было настолько горячим, что пришлось заткнуть свои принципы.

Танин сосед в последний раз погладил металл авто, вздохнул тяжело, мысленно прощаясь со своим верным другом и махнул на меня рукой. Мол, ступай, малахольная!

Я только этого ведь ждала. Пискнул что-то непонятное, что в переводе значило: «Спасибо. До свидания» и заведя копейку, рванула с места.

— Что ты газуешь?! Не газуй! — донеслось в след, но я предпочла не слушать. Радость от приобретения распирала изнутри. Моя личная машинка. Вишневая. Плевать, что не девятка, как пелось, в весьма популярной песне, группы Комбинация.

Газ в пол, глаза в потолок — как учил меня, мой любимый инструктор по вождению, Павел Сергеевич. И так все здорово выходило у меня, так ловко, как мне казалось, что я не могла нарадоваться, вообразив себя гуру, в навыке вождения.

Копейка же, сначала бодро пыхтела, но почти на подъезде к дому Серову, вдруг просекла, что за рулем не старый хозяин, а неизвестна барышня сидит. Сей факт, видимо, ей не очень понравился. Она стала пыхтеть, дёргаться, что я только успела включить аварийный сигнал и съехать на обочину, как она заглохла. Приплыли.

Вышла из авто. Покрутилась. Ради приличия подняла крышку капота, заглянула во внутрь, но лишь добилась того, что из-за задравшейся короткой юбки, мне стали сигналить проезжающие дальнбойщики. Пришлось резко разгибаться. Травмировать слабую мужскую психику своими красивыми ногами я не планировала.

Вот и что теперь делать?! Закрыла крышку капота, попой плюхнулась сверху, задумчиво покусывая ноготь. Беда.

По-хорошему следует вызвать эвакуатор, чтобы мою покупку оттащили в сервисный центр. Интересно, а наши автомастерские реставрируют таких динозавриков?!

Знать наверняка я не могла, пришлось действовать наобум. Порылась в интернете,

нашла номер эвакуатора и поспешила вызвать. На улице начинало темнеть и холодать. Я же, так летела на крыльях счастья за своей машиной, что совершенно не подумала захватить с собой какую-то кофту.

Визг тормозов заставил обернуться. Позади меня примостился черный джип и оттуда выскочил включенный Серов. Ой-йой-йой! Что сейчас будет, даже подумать страшно....

Изначально в свои планы Гошу я решила не посвящать. Во-первых, это было моё личное дело и моё желание, во-вторых, в последнее время он и так вечно недовольный. Мне не хотелось унижаться, чтобы уговорить его поехать со мной на смотрины автомобиля.

Сейчас же, наблюдая за его ходящими ходуном желваками, пришлось признаться себе, что сглупила.

— Валентина! — вот, уже рычит. Как с ним можно о чем-то разговаривать?!

Спрыгнула с капота, поправила юбку, подошла к Серову, покаянно заглядывая в глаза. Вспоминаем, что мы кошечки! Кошечки, а не кошки драные!

— Ты только не кричи, — попросила я и стала рассказывать все с самого начала. Нажаловалась: и на Виктора Ивановича, и на дороги, и на вишневую копейку, которая вовсе не девятка, но не менее проблемная!

Георгий время от времени фыркал, хмыкал и всем своим видом выражал, что думает о всей ситуации в целом, и обо мне, в частности.

Обошел моё, не слишком удачное, приобретение, пальцем поковырял слезшую с крыла краску, опустил вниз, взглянув на днище и такой взгляд на меня кинул, обтряхивая ладони, что я резко пожелала слиться с машиной, в одно целое.

Спасло меня проведение! А точнее мужик на эвакуаторе. Он деловито вышел из кабины и направился напрямик к Гоше. Я, если честно, с такой наглости выпала.

— Это я Вас вызывала! — вынырнула из-за плеча Серова, привставая на носочки.

Мужик с Гошей, кинули в меня позыв помолчать, пока сильный мира сего разговаривают и дальше продолжили, будто ни в чем не бывало, разговор.

— Вообще-то это моя машина! — подала еще раз голос я, пытаюсь вразумить мужчин.

— Валентина, помолчи, — шикнул на меня Гоша, отмахнувшись словно от назойливой мухи. В смысле «помолчи»? Я не для этого училась говорить, чтобы сейчас молчать. Это и поспешила высказать Георгию. Шовинист хр*нов!

— Валя! — рявкнул Гоша. Схватил меня за локоть, открыл пассажирскую дверь своего черного монстра, грубо меня запихнув во внутрь авто, и захлопнул дверцу, ключами от сигнализации блокируя все выходы. Ну, Серов! Я тебе еще устрою!

Пытаться стучать и кричать не видела смысла. Поэтому решила молча понаблюдать, потирая руку. Больно же, гад такой. И нисколько не сожалеет о содеянном, судя по выражению лица.

Пожал руку водителю эвакуатора, забрал из копейки мою сумку и не став дожидаться, когда мою машину загрузят, вернулся в свой джип, кидая мне сумочку.

— Молчишь? — усмехнулся, поглядывая в зеркало заднего вида. Я не ответила. Обиделась! — А где скандал? Экспрессия? Разодранное лицо?

Фыркнула в немом возмущении. Такое прекрасное лицо портить не собиралась. Мне с ним еще каждое утро просыпаться. Не дождется!

Буря в душе Серова не унималась. Валя напрочь сшибала все его представления о женщинах, которые он собирал по круплицам, всю свою жизнь. Она была не такой! Вечно

предпочитала сделать по-своему, даже не пытаясь его услышать. Неужели так сложно сделать так, как хочет он?! Нет, она делала наперекор. Выстроила в своей маленькой темноволосой головке какой-то свой мир, со своими понятиями и следовала ним, не вникая Гоше. Это злило, бесило, выводила его из душевного равновесия.

Он не понимал какого лешего, связался с ней. Почему вдруг увидел в ней женщину и сделал эту женщину своей. Следовало бы выгнать ее еще в первый день, когда она заявила к нему домой. Настоять на своём, в конце концов, вызвать полицию. Возможно пятнадцать суток остудили бы пыл Валентины.

Что же, думать и рассуждать было слишком поздно. Валя крепко вошла в его жизнь, переворачивая ее вверх дном.

Высадил ее возле дома, а сам с места газанул. Поскорее бы убраться куда-то, чтобы не видеть ее. Убьет же, ей Богу! Пристукнет и любой суд его оправдает. По крайней мере, он на это надеялся.

Додумалась же купить эту развалюху на колесах. Ему бы в голову не пришло даже смотреть в сторону такого раритета, но Валя была элементом, ломающим его мозг. От нее следовало ожидать всего.

Кинул джип на парковке ближайшего бара, вошел во внутрь и тут же потребовал водки. Стопку. А лучше сразу две, чтобы накачаться наверняка.

Выпил одну за одной и немного отпустило. Даже смог расслабиться, скинуть куртку. Возвращаться в квартиру не было никаких сил. Ни моральных, ни физических. Следовало закругляться со всей этой эпопеей, под названием: «отношения». Только как это сделать Гоша не знал. Черт! Он никогда не бросал женщин. Обычно они не выдерживали его холостяцкого темпа жизни и сбегали. Сами! Валентина же сама явно не уйдет. Да что там! Ее не любой газ выкурит!

— Не угостите даму? — девичий голосок ворвался в мысли Серова, растекаясь в голове сладкой патокой.

— С удовольствием, — заулыбался, как умственно отсталый, принимая заказ на выпивку и повернулся к своей феи из парфюмерного. Как тесен мир!

— Как сестра? — между делом уточнило девушка, закинув ногу на ногу. Гоша проследил за ее движением, сглотнул тугой комок в горле, возникший из ниоткуда и кинул в Алевтину рассеянный взгляд. Какая такая сестра?! — Духи понравились?

Тут же элементы пазла встали на свои места. Он и забыл про те духи, которые притащил Валентине в знак примирения.

Задумчиво кивнул, не углубляясь в рассказ, а сам пытался вспомнить, пользовалась Валя ними хоть раз. Воспоминания не торопились появляться, а фея, из его снов, стала нетерпеливо поддегивать ножкой. Феи вообще не славятся терпением, когда дело касается их персоны. Как это всё внимание мужчины направлено не на нее?! Приходится в срочном порядке, будто невзначай, поглаживать мужчину по плечу.

— Извините... — она делает вид, что пытается вспомнить как его зовут, хотя имени его никогда не знала.

— Георгий. Для Вас Гоша, — любезно подсказывает, слегка поплывший, Серов. Вокруг летают купидоны и стреляют в него стрелами, где вместо наконечника, красуются ярко-красные сердечки.

— Гоша, — мурлычет, своим прелестным голоском, фея. — Не могли бы Вы дать мне свой телефон позвонить? У меня села батарея.

Хрупкие плечи, в глубокой печали, опускаются, словно на них лежит тяжесть всего мира. Дама оказалась в беде! Даму надо спасать!

И Серов, как истинный джентльмен, приходит на помощь. Он — мужчина. Добытчик! Он готов оторвать голову любому, лишь бы фея снова улыбалась. Когда ее лицо озаряет улыбка, в темном баре, будто врубают миллион огоньков. Ярких, жалящих своим светом.

Алевтина снова улыбается. Принимает из рук Гоши смартфон и тут же набирает свой, выученный наизусть, номер. Да, она его обманула, если можно так назвать ее маленькую хитрость. Это же все ради любви! Он понимает. Он совершенно не злится. Только смеется и качает головой. Настоящим женщинам позволительны такие финты.

— Теперь у Вас есть мой номер. Звоните, если кому-то еще понадобятся духи. Я буду рада помочь, — Аля откидывает с груди свои белокурые волосы, выставляя, тем самым, на обозрение глубокое декольте красивого коктейльного платья. Гоша тут же ныряет взглядом в выставленные красоты и снова расплывается в дурацкой улыбочке.

Мозг превращается в розовый кисель. То ли благодаря водке, то ли сказывается благотворное влияние феи, но все отходит на задний план. А главное злость, бурлящая в нем совсем недавно, растворяется под благотворным влиянием идеала. Все-таки просто чудесная идея была пойти именно в этот бар. Просто превосходная!

Глава четырнадцатая

Бойкот Серова был мне не понятен. Я не видела в своем поступке ничего плохого, из-за чего стоило так нервничать, а тем более бросать меня одну на парковке и уезжать. Что же, я девушка не гордая, до квартиры своими ножками дойду, дверку сама, своими ключами открою, но понимание ситуации мне это, к сожалению, не принесет.

Время близилось к полуночи. Телевизор вещал о росте доллара по отношению к рублю. Я слушала вполуха, борясь с желанием набрать номер Гоши, чтобы узнать его примерное местоположение.

Засранец! Уехал молча, ничего не сказав, а я тут сиди, значит, волнуйся. И знаю же, что Серов взрослый мальчик. Более того — мужчина, способный постоять за себя. Только мой мозг давно не хозяин глупому сердцу. А оно, сердце, беспокоилось.

Приняла душ, переодевшись в ночную сорочку, сходила на кухню, попив чая, попыталась вникнуть в события, о которых продолжал бормотать телевизор. Надо было срочно себя чем-то занять и не скатиться до банальной истерики, где я, размазываю по красной опухшей мордуленции слезы и дрожащими пальцами пытаюсь набрать номер ближайшего морга.

Так явно представила себе данную картину, что не заметила, как хлопнула входная дверь. А потом появилось тело. Именно так — тело. И это тело ничего общего, кроме внешности, с моим Серовым не имело. Оно шаталось, смеялось, с каких-то себе известных шуток, ворчало на дверные проёмы, которые решили станцевать лезгинку, не желая пускать хозяина домой.

Наконец, тело ввалилось в гостиную, где на диване восседала я, дотопало, до того самого дивана, и шумно сгрузилось, неопрятным мешком. Я присвистнула, даже не подумав подвинуться.

— С чего попойка? — спросила, не слишком ожидая услышать ответ.

— Это ты моя фея? — вопреки моим ожиданиям, спросил патетически Гоша, протянув ко мне руки. Потом приоткрыл один глаз, потому что второй, явно не хотел видеть окружающий мир, шумно вздохнул и опустил руки. — А... Это ты — ведьма.

Умные люди говорят: «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Раньше я к ним прислушивалась, но сейчас почему-то не очень хотелось. И какая это у Гоши моего, фея образовалась?! Вот где более важный вопрос!

— Ну ты и поросёнок, Серов, — напился он, правда, как полноценная свинья, но в целях сохранности тонкой душевной организации Гоши, решила свой вариант смягчить.

Пришлось вставать с дивана, тащить подушку, плед. Перед этим, конечно, сняла с этого горе-выпивохи штаны, пытаюсь не задохнуться от испарений. Чем же ты так качественно набрался, друг мой сердечный?

Гоша попытался защитить свою честь, крепко вцепившись в трусы руками. Мне данный атрибут его одежды был не нужен, я покушалась только на штаны, поэтому укрыла своё чудо пледом, подложила под голову подушечку, пригладив темные растрепавшиеся волосы. До чего же хорошенький. Когда спит!

Аптечка огорчила своим содержимым. Средства от похмелья у Серова в наличии не было. Жаль. С такими его редкими, но меткими загулами, просто необходимы такие вещи держать дома.

Закусила ноготь, в глубокой задумчивости. Дурацкая привычка, которая появилась недавно, но никак не хотела искорениться. Переодеваться и шагать в аптеку жгучего желания не было, но и наблюдать завтра за страждущими не хотелось.

Пропыхтевшись пошла одеваться. Шагать по району до круглосуточной аптеки в ночной рубашке затея была бы дурацкая. Я, конечно, баба отчаянная, но не настолько.

Добралась быстро. Идти, благо, было недалеко. Даже по пути никакого захудалого маньяка или грабителя не встретила. Странно. Обычно я притягиваю таких личностей, а тут как отрезало. Небось аура Серова чувствуется за версту.

Фармацевта мой визит не обрадовал. Протерла заспанные глаза, широко зевнула в кулак и хмуро уставилась на явившуюся меня. Вы не ждали, а я приперлась.

— Мне бы от похмелья что-то, — попросила я.

Девушка смерила меня, далеко не дружелюбным, взглядом, молча выдала упаковку с шипучими таблетками и назвала стоимость. Я, равным образом, молча расплатилась. Спать хотелось невероятно, поэтому задерживаться не стала и побрела обратно домой.

Пьяный Серов все так же спал на диване, укутавшись в плед, как в кокон. Здоровый мужик мне сейчас напомнила больше маленького мальчика. Улыбнулась, принесла с кухни двухлитровую бутылку воды, поставила рядом купленные таблетки. Даже тазик притащила, если вдруг Гоше плохо станет. А он мне: «ведьма-ведьма»!

Утром меня не успел разбудить будильник, потому что его опередил Серов. Грохот был такой степени, что я испуганно подскочила, запутавшись слегка в подоле ночнушки и поспешила на кухню. Сейчас мне еще не хватало, чтобы он убился.

— Живой? — вопрос поспешил выскочить сам, пусть ответ на него я уже видела. Победен, но не сломлен. Все-таки жестяная банка с кофе, оказалась сильнее в этом неравном бою и зарядила Гоше прямо в лоб, выпав с навесной тумбочки.

— Чего же так хр*ново?! - пожаловался Георгий, опускаясь на стул и потирая наливающуюся шишку.

Я неопределенно пожала плечами, решив смолчать, приступая к приготовлению кофе.

— Таблетки выпил, которые я оставляла?

— Угу, — Серов подпёр голову рукой, наблюдая за моими действиями. Завидует, наверное, что со мной банка решила не воевать, а мирно выдала молотый кофе. Турка послушно его сварила, а чашка благодушно приняла в свои объятия. Все слаженно, спокойно, а главное — не травмоопасно.

— Завьялову я позвоню. Скажу, что тебе плохо и надо денек отлежаться.

— Я сам позвоню, — недовольно выдал Серов, отхлебывая из чашки горячий напиток, который я поставила перед ним.

— К чему этот героизм? Мне не сложно, да и думаю товарищ майор не обидется, что ему позвонил не ты. Полежишь, отоспишься...

— Я сказал, что позвоню сам, — рявкнул Георгий, со стуком опуская чашку на стол. Хрупкая керамика такого произвола не выдержала и раскололась. Горячий напиток тут же оказался на столешнице, плавно стекая на пол.

Я смотрела на всю эту картину с какой-то непонятной, для себя, апатией. Похоже, наши отношения, как и эта чашка, дали трещину. На языке ощущалась странная горечь, а душу обдал кипятком обиды. Так нельзя, так не должно быть.

— Сам, так сам, — после секундной паузы сказала я и ушла собираться на работу. Отличное начало дня. С днём рождения тебя, Валя! Кушайте не обляпайтесь!

Начальству Серов решил звонить сразу. Пусть Артём Михайлович был его лучшим другом, но Гоша никогда не наглел и не пользовался этим фактом. В одном, Валя была права, ему действительно надо отлежаться. Порох в его пороховницах еще был, но возраст давал своё. Пить, как раньше, он уже не мог.

События прошлого дня туго, с едва заметным скрипом, всплывали в голове. Сначала была фея, потом фею он отвез домой. Душа требовала продолжения банкета. Поэтому бармен нисколько не удивился, что Серов вернулся, затребовал себе закуску, бутылку водки и пошел в разнос. Как пришёл домой и оказался на диване без штанов, стало для него тайной покрытой мраком.

Следовало бы решить, как сказать Валентине, что между ними все кончено, но голова упорно отказывалась думать, простреливая, то и дело, острой болью.

— Ты решил меня уведомить, что сегодня не будешь присутствовать на работе? — отозвался голос Завьялова из мобильного.

— Как ты узнал? — хрипло спросил Гоша, потирая отбитый лоб.

— Так у Валентины, свет, Сергеевны день рождения же! Я вот и решил, что ты грешки замаливаешь, сюрприз готовишь.

— У Вали? — нахмурил брови Серов. — А ты откуда знаешь?

— Здравствуйте, приехали! Я ей пропуск оформлял. В календаре себе пометил. Я все важные даты отмечаю, — обижено фыркнул Артём Михайлович. — Так чего дарить думаешь? Колись!

— Не знаю, — буркнул Гоша.

Все складывалось очень и очень плохо. Он же планировал разойтись с ней, как в море корабли. А тут этот ее день рождения. Некрасиво выйдет, если он бросит ее прямо на праздник. Все же, Валя была неплохой. Просто не для него. Сейчас он понимал, что ей нужен такой, как ее бывший. Петр, кажется. Идеальный вариант, которым можно помыкать. Только Гоша совсем не такой. Он воспитан с патриархальным виденьем этого мира. Женщина должна оставаться женщиной. Сидеть дома, рожать детей, ждать уставшего мужа с работы. Решать проблемы же, чисто мужская прерогатива. Ему вбивали это с малых лет, и он нерушимо верил в эту истину.

— Что там любят дамы? Кольца, сумки, шубы?

— Слушай, не думаю, что твоя Валя так банальна, — фыркнул Завьялов, щелкая шариковой ручкой. Гоша, безусловно, этого не видел, но характерный звук, то и дело, врывался в диалог друзей.

— Какая ни есть, а женщина, — Серов задумчиво посмотрел на своё отражение в кофейной луже на полу, почесал указательным пальцем бровь, после чего щелкнул в воздухе пальцами, решив озвучить своё решение. — Шубу. Подарю ей шубу. Они же все двинутые на этих мехах.

— Уверен? — скептически протянул Артём. — Я бы так не рисковал, на твоём месте. Все-таки достаточно дорогой подарок.

В этом и была вся фишка. Дорогой и прощальный. Мол, спасибо тебе милая за всё. Ценю, уважаю. Забирай шубу, как благодарность, за проведенное время вместе, и будем прощаться. У каждого своя судьба и дорога. Он надеялся построить светлое будущее со своей феей, а Валя... Валя, пусть просто будет счастлива, но без него.

Скомкано попрощавшись с другом, Георгий вытер набежавшую лужу, выкинул

треснувшую чашку, заварил себе по новой кофе, на этот раз без происшествий и полез в телефон, искать салон меховых изделий.

Да так ему эта идея зашла и понравилась, что воодушевление напрочь снесло головную боль с тошнотой. Кофе не успел остыть, а Гоша уже мчался в магазин. Выбрал не самую дорогую модель, посчитав, что такие траты излишне, но в целом, шуба ему понравилась.

Продавец уверял, что шуба-автоледи из песка будет самым лучшим подарком для любимой женщины. Гоша не стал спорить, что женщина отнюдь не любимая, но уверениям с легкостью поверил.

Совесьть упрямо стала зудеть, что откуп Валентине не понравится. С нее станется и сковородкой по голове зарядить и пяткой в нос. Гоша уже проверил на себе, какой может быть Валя, когда возмущена.

Однако, Серов считал себя человеком слова. Если решил что-то, то доведет начатое до конца. А он уже начал делать шаги в направлении разрыва отношений.

Подарок задумал дарить вечером. За это время успел купить торт, пригнать Валину машину из сервиса, где мастера умудрилась устранить поломку, но не гарантировали отсутствие новых, украсить квартиру шариками, заказать ужин в ресторане. Бегал, как заведенный, не замечая ускользящего времени. Благо, успел закончить со всеми делами, перед самым Валиным приходом.

Стоял в коридоре, светясь, подобно лампочке Ильича, от нетерпения переступая с ноги на ногу. Ладони жгли ручки от пакета, в котором и хранилась та самая шуба. Его последний, прощальный подарок.

Гоша надеялся, что эта шуба станет приятным воспоминанием для Валентины. О всем хорошем, что между ними было. Пусть и хорошего было очень мало.

— С днем рождения, — воскликнул Серов, как только Валя оказалась на пороге. Пакет тут же переключался в руки девушки, сама же именинница была поцелована в макушку. Целовать ее в губы, Гоше казалось сейчас кошунством. Он не должен давать ей какую-либо надежду на дальнейшее развитие их отношений.

— Шуба, — протянула Валентина Сергеевна. Гоша так и не понял, что значило это ее выражение лица. Нет, оно не было недовольным, но и радости Валя не проявила. Словно ей плевать на то, что он делает. Даже эти дурацкие шарики не подняли ее настроения.

Георгий и подумать не мог, что Валя банально устала. Вдобавок каждодневной работе, ей пришлось частенько выбегать к прилавку, чтобы принять поздравление от постоянных клиентов. Кроме этого, телефон разрывался, от чего у Валентины все валилось из рук и не ладилось. Ничего этого Гоша не понимал. Он ходил за ней, пытаясь заглянуть в лицо и прочесть эмоции. Увидеть, что она довольна, что он молодец-угодил.

Они поужинали в тишине. Шуба оказалась не у дел и была закинута в шкаф, до холодов. Лишь ключи от пригнанной машины заставили Валью расшевелиться и, самую малость, улыбнуться. Своей «копейке» она была очень рада. Честно говоря, больше чем шубе.

На этот раз меня разбудил телефонный звонок. Только раздался он не утром, а глубокой ночью. Гоша тихо матерился, пытаясь нащупать свой телефон на прикроватной тумбочке. Наконец, нарушитель нашего спокойствия, был найден. Серов нажал кнопку принять вызов, а я, в свою очередь, уложила голову обратно на подушку, пытаясь снова погрузиться в сладкий сон. Таким макаром я никогда не высплюсь.

Гоша, наверное, не знал, но динамик у него был очень громким. Именно поэтому, я

слышала каждое сказанное слово его собеседника. И то, что собеседником являлась женщина, мне очень сильно не понравилось. Сон, как рукой сняло. Я застыла, пытаюсь разобрать тот сумбур, который данная особа вливала в Гошины уши.

— Понял. Сейчас приеду, — отрезал Георгий и моментально соскочил с кровати, бросаясь к шкафу.

Я приподнялась на локтях, наблюдая за его мельтешением. Незнакомка молила о помощи, и Гоша спешит ее спасти. Боже, как банально. «Подарки», я гляжу, все продолжают поступать. Вселенная явно мечтает меня сегодня доконать.

— Ты куда? — наконец, спросила я. Было просто интересно, что же Георгий придумает, чтобы выкрутиться.

— По делам, — коротко отрезал мужчина, застегивая ремень на джинсах.

Понятно. Не удивлюсь, если дела его похожи на модель с обложки журнала. Я ни с кем себя сравнивать не собиралась, но было паршиво и гадко.

— Гоша, ложись обратно. Тебе завтра на работу.

Безусловно слушать меня уже никто не захотел. Серов выскочил из комнаты, а потом, спустя пару минут, и из квартиры, будто ошпаренный. Даже не соизволил объясниться. Просто взял и ушел.

Я включила ночник, села на кровати, подложив под спину подушку и глубоко задумалась. Почему я, собственно, это терплю?! Чувства еще не повод постоянно разрешать себя унижать таким образом. Черт возьми, я же тоже живой человек. Мне больно. Вот прямо сейчас так болит, что дышать невозможно. Рыдать хочется, белугой выть, от такой несправедливости. Понимаю же, что все близится к финалу, но продлеваю эту агонию. Для чего?! Чтобы опять почувствовать себя ненужной и ничтожной. Да я и так постоянно это ощущаю, рядом с этим мужчиной. Боже, как же было легко, когда эта зараза, по имени «любовь», не властвовала в моём сердце.

Серов вернулся под утро. Молча разделся, посетил душ и лег в кровать, как ни в чем не бывало. Я же ведома только своими расшатавшимися нервами, схватила его дурацкий подарок, который был мне, как корове седло и потащила обратно в магазин. Гоша даже не догадался вытащить чек из пакета и гарантийный талон. Насмешка судьбы это или нет, но шуба стоила, как духовка, которую я давно хотела.

Поступала я в высшей степени некрасиво, по отношению, к нему, но уколоть Серова, да побольнее, хотелось. Это была моя маленькая месть за все эти нервотрепки, которые он мне устраивал. И уже на работе, когда наблюдала, как мальчик из доставки, заносит коробку с моей мечтой, той самой духовкой, осознала, что натворила.

Конечно, я рассчитывала, что Гоша не вспомнит про меховое изделие. До сильных холодов было далеко. А потом, я надеялась, что как-то само забудется. Можно было бы, конечно, вернуть духовку и забрать свою шубу обратно, но такой вариант мне не нравился, от слова совсем.

— Валя, а где шуба? — Гоша в это время рылся в шкафу, видимо, в поисках своего подарка. — Хотел Михалычу отправить фото. Он жене планирует подарок сделать.

— Ее нет, — скрывать сей факт было бы глупо. — Я сдала ее обратно в магазин.

— Что ты сделала? — Серов отвернулся от шкафа, не забыв, напоследок, хлопнуть его дверцами и медленно, словно в замедленной съемке, повернулся ко мне.

Я знала этот взгляд. Острый, препарированный. Гоша был в ярости.

— Сдала ее в магазин, — повторила я. — Носить я ее все равно не буду, а такие деньги

отдавать на съедение моли существо надругательство над бедными песцами, которые отдали свою жизнь, за чью-то красоту.

— То есть ты, сдала мой подарок в магазин? — выгнул бровь Гоша, скрестив руки на груди.

— Если тебе станет легче, я была зла на тебя. На твоё поведения. На то, что ты срываешься среди ночи, непонятно куда. Гоша, я не маленькая девочка, которой можно пудрить мозги. Если ты считаешь нормальным так поступать, чем я хуже?

— Не легче, Валя. Не легче, — гаркнул он. Но мне сейчас было все равно на его крики. Я устала бороться за эфемерные отношения.

— Поэтому я должна сейчас послушной собачонкой бежать обратно в магазин за этой шубой, чтобы потешить твоё ЭГО? Так, Серов?! Я постоянно сглаживаю углы, пытаюсь найти к тебе подход, чтобы только ты был доволен. Вместо ответных поступков, получая лишь негатив. Лепишь из меня идеал, которым я не хочу быть. Ты же прекрасно знал, что мне не нужна эта шуба? Что я не питаю страсти к мехам, украшениям. Тогда для чего ты это делаешь? Показать какая я неправильная, в твоём понимании?!

— Посмотрите на эту бедную, всеми обиженную. Валя, да ты изначально, сама лезла ко мне в постель! Досаждала, ходила по пятам, как сталкерша ненормальная. Я просто устал от твоего напора, решив взять, что мне предлагают. Тебя же ни один нормальный мужик не выдержит. Самостоятельная, до чёртиков. Сглаживала углы? Ты? Не смей меня.

Я вздрагивала от каждого его жалящего слова, как от удара. Больше было бы, лишь, раскаленное железо или иголки под кожу.

— Значит: просто взял, что дают? — сквозь зубы, спросила я. Слишком тихо, для той бури, что властвовала в моей душе.

— Именно, Валя, — зло хмыкнул Серов. — Мне нравятся другие женщины. Умные, красивые, женственные, которые знают себе цену. Тебя же слишком много. Ты везде. Влезаешь во все щели, пробираешься до костей, как зубная боль.

— Если я такая плохая, может мне давно пора уйти? Зачем же ты спал со мной в одной кровати, делил со мной еду, был? Зачем все это было?

Серов сжал губы в тонкую линию и отвернулся. Я ждала его ответа, в то же время понимая: вряд ли его услышу. Он не знал, что сказать и от этого еще сильнее бесился. А потом и вовсе выскочил из квартиры, пышущий гневом.

Опустилась устало на пол и закрыла лицо руками. Это конец. Если раньше я только предполагала, но боялась думать, то сейчас было ясно как день. Не после того, как мы все друг другу высказали.

Надо бы порыдать, выплакать всю ту боль, что занозой засела в груди, но времени нет. Собрать вещи, загрузить в машину и уехать. Пока он не вернулся. Пока я еще способна совладать со своими мыслями и эмоциями.

Глава пятнадцатая

— Слушай, а ничего такой. Хорошенький, — Лизавета с нескрываемым интересом рассматривала сидящего напротив Скороходова. Илюша отвечал ей тем же, при этом смущенно краснея до самых кончиков ушей.

— Лиза, — одернул ее Роман Игнатьевич, супруг моей сестрицы, и тяжело вздохнул, закатив глаза. — Мы приехали сюда Валю поддержать, а не на мужиков засматриваться. Тем более на чужих!

— Ой, Ромашка. Не нуди! Танюша разрешает. Правда Танюша? — зараза эта белобрысая еще и подмигнула совсем обескураженной Тане, которая, скорее всего, уже пожалела, что вмешала во все это Илью.

— Лиза! — на этот раз возмутились мы с Романом, в один голос. Лизавета, как и все Бизоновы, перла с настойчивостью бронепоезда.

— Ладно- ладно, — сестра подняла руки, мол сдаюсь и тут же схватила с подноса кекс, откусив от него большой кусок, дабы не сказать больше ничего лишнего.

Я завистливо вздохнула. Вот кто самая настоящая ведьма. Жрёт и не толстеет.

На самом деле явление всей этой честной компании стало для меня сюрпризом. Я хотела пострадать, порыдять в подушку, пожалеть себя, в конце концов. Но у Танюши были другие планы. Вследствие которых в мою кухню ворвались Лизавета с мужем и виновница всего бедлама, прихватив с собой Скороходова, который, не знаю, когда, стал официальным молодым человеком нашей Тани. А я, ведь, так и думала, что не зря он сюда каждый день приходит.

Конечно, с одной стороны я лукавила, пытаюсь выставить их за дверь. Выговорится ужасно хотелось. Плюс было так паршиво, что оставаться одной в пустой квартире казалось невыносимо. Меня то била крупная дрожь, на фоне накатывающей истерики, то кидало в жар. Я вскакивала, открывала окно, а потом вновь закрывала. В голове то и дело выплывали подсвеченные неонам обидные слова Серова. Раз за разом, словно в заезженной кинолентке.

— А давайте ему отомстим? — Елизавета была полна энтузиазма. Зная, как сестрица умеет красиво и качественно мстить, я поспешила замотать головой. Вон у Романа до сих пор глаз дергается при слове «мечь». Он, как никто другой, знает на что способна его супруга.

— А почему? — блондинка обиженно фыркнула, подобно строптивой кобылице и опять за кексом потянулась. Предыдущий благополучно успела дожевать, пока я медленно падала в очередную яму уныния.

— Валя, забудь. Насильно мил не будешь. Не оценил он — оценит другой, — философски протянул Роман, после чего схватил кисть жены, вытащил из пальцев девушки кекс и, с превеликим удовольствием, вгрызся в него зубами.

— Ну ты и... — ошарашенно выдала сестра.

— Кто? Любимый? Дорогой? Бесценный? — предложил свои варианты Роман Игнатьевич.

— Брейк, — подал голос Илья. — Мы тут не Ваши отношения пришли выяснять. Валентиночку Сергеевну, между прочим, бросили.

— Я сама ушла, — уточнила чисто для проформы.

— Не суть, — подключилась к обсуждению Таня. — Предлагаю выпить.

Все дружно устали на девушку. Такого предложения я могла ждать скорее от сестры, чем от тихой Танюши. Видимо, такого же мнения придерживались все остальные.

— Что? Я в фильмах видела, — моя помощница потупила глазки и покраснела, словно маков цвет.

— А я поддерживаю, — подала голос Лизавета.

— Кто бы сомневался, — тихо произнес Роман, но Лиза услышала. Так что муженек сестры получил от нее болезненный тычок локтем в бок и скривился. Как они вообще уживаются вместе, интересно?!

— Завалимся в клуб, напьёмся, снимем мальчиков... — поняв, что сказанула явно лишнего, Лиза хлопнула себя ладошкой по губам и виновато улыбнулась мужу: — Это я шучу так, Ромашка. Шучу.

Роман Игнатьевич окатил Лизавету отнюдь не любезным взглядом, похлопал по карманам пиджака и вытащив пачку сигарет, зажал ее в кулаке. Курить, конечно, плохая привычка, но жить с моей сестрой под одной крышей, без какого-либо допинга чревато последствиями. Либо для Лизы, либо для ее мужа.

В клуб мы все же решили ехать. Ну, как мы... Я предпочитала остаться дома, но вся остальная веселая компания уверяла, что мне нужно развеяться. Поэтому под белы ручки меня впихнули во внедорожник Ромы и повезли в самый пафосный клуб нашего города. По крайней мере, так его описывала Лиза. А она была знаток всех значных мест.

Я никогда не любила такие заведения. Слишком громкая музыка, рассадник всяких неадекватов, алкоголь рекой. Роман Игнатьевич, в перерывах между охранной любимой жёнушки от назойливых поклонников, поведал, что в таких местах не редки продажи наркотиков и остальные, не менее ужасные, вещи.

— Ромашка, пошли потанцуем, — Лиза уже выпила своё мохито, алкоголь ударил в голову, а душа сестры, требовала веселья.

— Сиди, — дёрнул ее за руку Рома, заставив опуститься обратно на мягкий диванчик.

— Ну, Ромочка, пошли, — блондинка опять вскочила со своего места, покачивая бёдрами под задорную музыку.

Брюнет прикрыл лицо ладонью, пытаясь слиться с диваном. Он не с нами и знать не знает, кто эта блондинка в коротком платье. Правда, стоило к столику подойти поддатому молодому человеку, дабы познакомиться с Лизой, Морозов тут же оцетинился, подобрался, готовый броситься на защиту своей дамы.

Я грустно улыбнулась. Какая бы Лизка не была оторва, но муж ее любил и готов был любому оторвать голову за нее. Мой же шанс найти хорошего мужчину, который будет меня любить и ценить, был упущен. Видимо, любовь не для меня. Мне нужны отношения, где все будет следовать чёткому плану, где мозг не будет окутан этой розовой слизью, в которой я барахталась пойманной мухой. Пора признать: я не умела любить. А учиться для меня слишком поздно.

— Валентина Сергеевна, не грусти, — толкнул меня плечом Скороходов. Вот ребенок ребенком, а ведет себя сейчас, как настоящий мужчина. Зря на него Серов постоянно бухтел. Хороший парень. Добрый.

— Не принцесса я, Илья, — развела руками. — А я ему нужна принцесса. Чтобы кринолин, тиара, а не духовка и ржавая «копейка».

— Так и мы не в Диснее, — разумно заметил Скороходов и отхлебнул пива из своей бутылки.

— Глупости это все, Валя. Человек или любит, или нет. Любят же не за что-то, а вопреки всему, — присоединился к диалогу Морозов. — Лиза, сядь!

Лизавета села и закивала китайским болванчиком. Я засмеялась. Искренне, пусть из глаз и брызнули слезы. Просто вдруг поняла, что вокруг самые близкие и дорогие люди, которые поддерживают меня. И это намного дороже тех чувств, что я ошибочно посчитала любовью.

Не знаю зачем я это делала, но спустя неделю полнейшей тишины, совалясь и поехала к Серову. Пусть опять наорет, скажет, что я навязчивая, но мне нужно было его увидеть. Посмотреть в глаза на свежую голову и понять, почему, то что так хорошо начиналось, скатилось в бездну.

Медленно в свои права вступала осень. Я ругалась на запотевшие стекла в машине, на коробку передач, которая постоянно заедала, на начинающий моросить дождь. Я, в последнее время, ужасно стала ворчливая.

Заехала во двор, заглушила машину и минут пять еще сидел, собираясь с мыслями. Гоша, по идеи, совсем скоро должен приехать с работы. Но то, что я увидела потом повергло меня в шок. Нет, когда ему позвонили среди ночи, когда он спутал меня с какой-то феей, я подозревала, что дело было в другой женщине, но подозревать и видеть своими глазами — разные вещи.

Я словно приросла к креслу. Смотрела не мигая, как он подает руку длинноногой блондинке, как улыбается ей чисто умалишенный, как кружит, поймав в свои крепкие объятия.

Закусила губу, стараясь не зарыдать от новой волны боли. Так бывает, но я не думала, что будет со мной. Когда читала в книгах о таких ситуациях, думала, что уж я-то покажу изменнику, где раки зимуют. Что все волосы вырву сопернице, что к чертям собачьим разнесу в пух и прах любовников. Я много чего думала и представляла, но в реальности все оказалось по-другому. Вместо скандала, я молча завела машины и выехала со двора, не обращая внимания на ручьи слез, стекающие по моим щекам. Все-таки не выдержала, заплакала. Дура, как есть. Зачем только поехала к нему?! Мало мне было его жестоких слов?! Мало всех скандалов и скотского отношения?! Грабли все били и били, а я все танцевала на них и танцевала.

Сначала была эйфория. Как у наркомана, дорвавшегося до желанной дозы, спустя долгие муки ломки. Потом, пришло осознание, что теперь он, наконец, свободен от присутствия Вали в своей жизни. Хоть сперва и не поверил, когда застал пустую квартиру. Неужели все было так просто?! Нужно было лишь открыть ей глаза на ее поступки, как Валентина моментально собрала вещи и ушла в туман.

Гоша потирал руки от радости. Пусть эта радость и была запятнана стыдом, который постоянно прорывался наружу. Некрасиво, все же вышло. Неправильно. Но все эти чувства компенсировало собой присутствие Ангелины в его жизни. Он знал, на что шёл. Ради чего, точнее кого, все это затеял.

Его фея была легкой, совсем не строптивой жертвой. Стоило один раз ее поцеловать, сжать крепко в объятиях, как бастион пал, и Аля стала его. Правда, поцелуй этот показался Гоше каким-то пластмассовым и пресным, но Серов тут же поспешил избавиться от своих глупых ощущений. Искры, которые летали между ним и Валею, были не что иное, как

кипящая ярость и злость, умело маскирующиеся под возбуждения. С Алей же было совершенно по иному. Она было его тихой гаванью, его спокойствием, его феей.

Серов даже познакомил Ангелину с мамой. Чего никогда в своей жизни не делал, с другими девушками, пытаясь оградить родительницу от своей личной жизни. Но на Алю у него были свои, далеко идущие, планы. Гоша сам себе удивлялся. Неужели он созрел, наконец, к серьезным отношениям, стоило появиться в его жизни настоящему идеалу? Она же словно вылеплена, по образу и подобию, которые он видел в своих мечтах. Будто кто-то там, во Вселенной, решил преподнести ему, самому среднестатистическому мужику, такой бесценный подарок. Черт, он правда считал себя везунчиком, который вытащил счастливый билет!

Однако, мама не разделяла его мнения. Зоя Семеновна вперила взгляд своих карих глаз в будущую невестку и промолчала. Она хотела понаблюдать за девушкой и только потом вынести свой вердикт. Понятное дело, что Гоша, будучи самодостаточным мужчиной, отнюдь не слушал бы мнение матери, но что-то в груди предательски дергалось, когда Зоя Семеновна Серова, останавливала свой взор на Але, подмечая каждые детали. Вот она берет чашку, будто на приеме у английской королевы, вот гладит Гошу по коленке, думая, что хозяйка квартиры не видит такого беспредела, вот щебечет о последней коллекции Louis Vuitton.

— Она или глупа, сын, как пробка или еще та стерлядь, — покачала головой Зоя Семеновна, вызвав Гошу на разговор, под предлогом помочь на кухне.

— Мама, прекрати, — Серов взял нож и потянулся за пирогом, намереваясь его разрезать.

— Ну, конечно. Маму мы слушать не хотим, — женщина устало опустилась на стул, наблюдая, как сын разрезает мучное изделие. — Твой любимый, между прочим. С малиной. Нашла такую прекрасную пекарню. Там все, как домашнее. И хозяйка молодчина. Везде поспевает.

— Я думал ты сама пекла, — задумчиво протянул Гоша. — А хозяйку как зовут?

— Валентина. А что?

— Ничего, мам. Пойдем к Але. Она, наверное, заскучала, — Серов быстро закончил разговор, пытаясь не выдать матери свои мысли. Не может же быть такого совпадения, правда?! Мало ли в городе Валентин, у которых своя пекарня. Дьявол, эта неугомонная проникла уже ему в подкорку и никак уходить не хочет. Оказывается, мало освободить жилплощадь от присутствия женщины, надо ее как-то еще из головы выбросить. Она ему теперь что ли везде будет мерещиться, как в страшном сне?!

В дальнейшем, разговор как-то не клеился. Алевтина попыталась разрядить обстановку, совсем не понимая, что могло такого случиться на кухне, но Гоша был, необычно молчалив, а Зоя Семеновна лишь хмуро косилась на сына. Ведь к пирогу Гоша так и не притронулся.

Отношения Серова и Алевтины развивались с невероятной скоростью. Вскоре, Аля съехала со своего съемного жилища и на правах хозяйки въехала в Гошину квартиру. Георгий, в свою очередь, не мог сдержать восторг касаясь столь стремительных изменений в свой жизни. Правда, с ним этот восторг никто не хотел разделить. Завьялов как узнал, что Гоша расстался с Валентиной, свет, Сергеевной, равнодушно пожал плечами, но судя по взгляду поступок друга не оценил. Илья Скороходов и вовсе смотрел на Серова волком. Хотя, казалось бы, при чем тут Скороходов к Валентине. Остальные мужики, каким-то образом, тоже оказались в курсе всех подробностей, к Гоше проявляя сдержанное

безразличие. Валентина нравилась всем, кроме самого Георгия.

Стоит отметить, что все это, для Серова, было не столь важно. Дома его ждала фея. Ласковая, нежная, всегда улыбочивая и в нижнем белье.

— Гоша, смотри какое колечко, — смартфон с изображением того самого колечка ткнулся в нос Серова. — Хочу такое. Купишь?

— Конечно, родная, — с легкостью согласился мужчина, перетянув Алевтину к себе на колени и зарываясь носом в ее светлую копну волос.

— Спасибо, котик! Ты у меня самый лучший, — запищала сиреной Аля, подпрыгивая от нетерпения, при этом не забыв поцеловать Гошу в нос.

Серов ухмыльнулся, откинулся на спинку дивана, распираемый гордостью. Она сказала, что он самый лучший. Пусть и назвала этим дурацким прозвищем, но Гоша не роптал. Главное, что она с ним, она его любит и ценить. А что еще нужно для счастья?!

Глава шестнадцатая

Платье было красивое. Чего уж там: прекрасное! Этакая смесь наряда Золушки и Белли из «Красавица и чудовище». Тьфу ты! Сдались мне эти Диснеевские принцессы. На кой ляд я вообще полезла смотреть про них?! Сравнивала себя и ту белобрысую барышню, на которую променял меня Гоша. Ух, увидела сейчас: глаза бы выцарапала. Боль утраты прошла, явив собой обоснованную злость. Какого такого сказочного органа меня, умницу и красавицу, променяли на какую-то другую. Пусть у нее и ноги от ушей, волосы блондинистые, задница маленькая, в отличие от моей, еще и упругая, наверное. Уверенной на все сто быть не могла, но знала я таких фифочек. Точно упругая! Зуб даю!

Мысли плавно перетекли на мою пятую точку, равно как и взгляд. Так вот: платье было прекрасное, но не на мне. Я же в нем смотрела словно воздушная зефирка. Такая же белая, пышная и приторная, до зубового скрежета.

— Валечка, ты таки очень красивая. Зря не хотела примерять, — Роза Львовна, со своим несменным ридикюлем в руках и кокетливой широкополой шляпкой на голове, являла собой истинную будущую свекровь, которая лучше знает. И мне бы пожалеть ту несчастную, что удостоится чести стать женой ее любимого сыночки, но жалеть себя, было бессмысленно. Глаза видели, что брали.

Собственно, наверное, стоит вернуться к тому, как меня угораздило так вляпаться. Аккурат в ту же кучу. Еще и с разбега. Я девушка монументальная, на граблях танцевать научилась виртуозно, да так, что лоб отрастил себе броню, что никакие шишки не страшны. Поэтому нос зажала и с головой нырнула. Чтобы уж наверняка себе в мозгу высечь: «Любовь — яд. Трезвый расчет — противоядие».

Петр Иванович Зубило не был моим последним вариантом. Более того после расставания с Гошей, я и думать не хотела о новых отношениях, пусть они и припорошены пылью обиды и жадной мести. Мол, смотри какую звезду ты потерял на своём жизненном пути. Локти кусай, ночами плачь. Не все же мне это делать.

Дыру в душе я заполняла работой. Постоянно искала новые рецепты, расширяла ассортимент, придумывала акции, бонусы. До ломоты во всем теле и противных мушек перед глазами. Мне было не привыкать упыхиваться до изнеможения, но сейчас я была рада этому факту. Этаким, если верить психологам, холодный суицид.

Правда похудеть, на фоне стресса, мне не очень удавалось. Я загоняла себя в рамки, невольно представляя образ новой пассии Серова. Стала спать с сантиметровой лентой, купила весы, чтобы взвешиваться каждый день.

— Худая корова, еще не газель, — патетически воскликнула Лизавета, за что, собственно, и получила в лоб поварешкой. Поварёшку пришлось помыть, а компот, который я варила на продажу, оставить себе, но злющие глаза сестрицы того стоили. — Валя, пусть плачут те, кому мы не достались...

— Пусть сдохнут те, кто нас не захотел, — продолжила я. — Да, да. Я, представь себе, тоже слушаю песни Сердючки. Перлы она тут рассыпает. С чего вдруг такая любовь к народному творчеству?! Ты бы еще статусы из Одноклассников мне почитала.

— Я блондинка, мне можно, — отмахнулась Лиза, покачивая стройной ножкой в туфельке на шпильке. — Мать, правда. Чего ты так загоняешься? Вон холостяцкая половина СОБРа ходит на тебя смотреть, а ты с этим Серовым возишься.

— Им просто нравятся мои пироги!

— Ага. У нас же других пекарен нет, в округе. Только твоя. На другом конце города. В жопе мира, — фыркнула Лиза. — Валя, когда ты стала такой наивной? Ау, где моя сестра! Вызываю Валентину Бизонову. Приём.

Но я ей все равно не поверила. Точнее не хотела верить. Все же знают, что, когда обжигаясь, потом и на воду дуешь. Вода тоже умеет быть коварной, превращаясь из льда в кипяток, стоит только хорошенько ее нагреть. Мда, Валя, хоть где-то тебе понадобились уроки физики!

Возвращаясь к нашим баранам скажу, что хватило меня ненадолго. Просто однажды, не спав несколько ночей подряд, чтобы приготовить пирожные на заказ для какого-то очень важного светского раута, я бахнулась в банальный обморок, ударившись головой об тумбочку на своей кухне. Пришла в себя уже в скорой, с перебинтованной головой и с сидящей рядом Розой Львовной, которая по-отечески, сжимала мою руку, кусая сухие старческие губы.

— Очнулась, голубушка, — пожилой врач скорой помощи улыбнулся в свои пышные усы, бросая заинтересованные взгляды на Розу Львовну. Однако, эта престарелая кокетка, делала вид, что совсем не видит интерес мужчины. — Видите, а Вы панику подняли. Полицию угрожали вызвать, сумочкой фельдшера избили.

Пострадавший фельдшер, сидевший в углу неопределённо фыркнул, потирая плечо. Оказывается, ридикюль Розы Львовны можно использовать как оружие массового поражения. Отхватят все и сразу.

— Ничего. Полезно, — совсем не смутилась женщина, прижимая сумку к себе. Она с ней и так никогда не расстанется, а сейчас подавно не забереешь. — Нечего своими финтифлюшками ей в глаза светить. Занята она. За-ня-та.

— Да я только зрочки хотел посмотреть! — воскликнул парень.

— Не бери меня за здесь, мальчик! На свои смотри!

Петина мама кружила вокруг меня коршуном. Дождалась пока мне диагностируют легкое сотрясение мозга, этапировала до квартиры, проследила, чтобы я поела. Спорить не было ни сил, ни желания, поэтому я, испытывая к женщине полнейшее уважение, принимала эту заботу.

— Ты мне Валя, таки не чужая, — усмехнулась Роза Львовна. — Шо ж мне теперь бросить тебя?! Тётя Роза своих не бросает!

— Так, когда это я своя стала? — устало покачала головой, облокотившись на подушки, превозмогая головную боль.

Мой вопрос, однако, она ловко проигнорировала. Поправила мне подушечку, подоткнула одеяло и присев рядом, на краешек кровати, произнесла:

— Я не сильно умею сказать, но хочу, — перевела дыхание, собираясь с мыслями и продолжила: — Петеньку в Германию пригласили. Оценили, ироды, мальчика моего! У него же голова золотая!

— Я рада за Петю, Роза Львовна. Правда рада.

— Ты сиди тут и помолчи, когда я говорю. Не доросла еще перебивать, — Зубило скривилась, будто я ей лимон в рот засунула. — Замуж за него выйдешь, как сыр в масле кататься будешь. Хиленький он у меня, слабенький, но ты девка гарная, сильная! Внуки хорошие будут.

— Вы меня сейчас как кобылу выбираете. А любовь? Как же без любви?

— Тю! Много тебя эта самая любовь дала, а? Давно подушки от слез просохли? — я

промолчала, закусив до крови губу. Потому что подушки и правда еще не просохли. Потому что я все еще просыпалась по ночам в слезах. Снился мне всегда Гоша и наш с ним сын. Я даже имя ему придумала. Коленька. И просыпаясь в ночи, нащупывая пустую постель, слезы как-то сами собой катились из глаз. Не было у меня ни Гоши, ни Коленьки, ни самой себя.

— Молчишь. Ты посмотри на шо ты похожа! — судя по тому, как я красиво стукнулась головушкой, то скорее всего на чучело. Однако, тётя Роза решила продолжить: — На мямлю, похожа. Вот шо твоя «любоф» делает. Нормальную женщину в немошь превращает.

Я хмыкнула, от чего голову опять прострелила вспышка боли. И как бы мне не хотелось возразить, но, на этот раз, Роза Львовна была полностью права. Я стала мямлей. Которая молчит, терпит, сопли на кулак наматывает, вместо того, чтобы этот самый кулак пустить в более полезное дело. Например: настучать по голове одному несносному мужику, который нервы мои, как жилы, рвет. Плевать, что он одной рукой меня в бараний рог скрутит, так хоть душу отведу.

Вот тогда-то я для себя все и решила. Не только потому, что захотелось вернуть прежнюю Валю, но еще из-за банальной жалости, по отношению к Петинной маме. Мне же обязательно надо кого-то пожалеть, хлебом не корми. И эта моя жалось, когда-то, до добра точно не доведет. А еще страх, как хотелось Германию увидеть. И не думала я тогда о том, что придется бросать все, продавать пекарню, квартиру и как-то сосуществовать с Петей. Я тогда, кажется, разучилась думать. Вот как головой приложилась, так мигом данная функция отвалилась.

Собственно, может и не появилась бы больше, если бы не моя пятая точка в этом ужасно красивом платье. Повертелась вокруг своей оси, сдунула прядь, упавших на глаза волос, и мысленно махнула рукой. Хуже уже не будет. Все равно жених не ахти, пусть и платье не разбавляет этот ночной кошмар своей красотой.

— Петя, иди сюда, — поманила мужчину пальчиком и он, моментально бросив свой портфель, подскочил ко мне. Хороший мальчик. Послушный. За ушком что ли почесать?! Тьфу, ну и ерунда в голову лезет.

Взяла своего жениха под руку, посмотрела на наше отражение, в глубочайшей задумчивости покусывая губу. Мы и так выглядели как слон и моська, а сейчас, когда я в этом воздушном зефире, так и подавно.

— Кака красива пара, — Роза Львовна схватилась за сердце, Петенька вырвался из моего захвата и поскакал искать мамины сердечные капли. Я возвела глаза к потолку. Попала, так попала!

— Серов! — заорал Артём Михайлович, пропечатав лучшему другу прямоком в челюсть. Обескураженный Гоша не удержался и шлепнулся на маты, потирая ушибленную часть своего красивого лица. — Ты спишь что ли?

— Похоже, — буркнула мужчина, несколько раз протерев ладонью глаза.

Спать действительно хотелось с невероятной силой. Кажется, еще немного и Серов уляжется на маты, захрапев богатырским сном. А всему виной эта чертова вторая работа. Не вытягивает он. Ох, как не вытягивает. Запросы у Алевтины множатся, как снежный ком, а финансы все чаще начинают затягивать романсы. Вот и пришлось идти таксовать, чтобы угодить свой фее. Феи же они такие — требуют вложений. Больших вложений. Чего только стоит все эти салонные процедуры. А вы видели цены на нижнее белье?! Гоша, когда увидел впервые чек из магазина, чуть дар речи не потерял. Из золотых ниток их шьют, не иначе. А косметика? Тихий ужас! Тени, помады, подводки, хайлайтеры и всякие там бронзеры. Он и

понятия не имел, что это за зверь и с чем его едят, но Аля с большой периодичностью жаловалась на отсутствие этих жизненно необходимых вещей.

— Совсем тебя молодая краля загоняла, — Завьялов сел рядом и хлопнул друга по плечу. — Пора признать, что нормальную бабу ты героически пр*срал!

— Может бабу и пр*срал, но взамен получил фею, — улыбнулся мечтательно Серов.

— Ты сейчас лыбишься, как дурачок, которого недавно из психушки выпустили, а справку выписать забыли. Гоша, ты умный и взрослый мужик! Она же веревки из тебя плетет. Да что там, уже морских узлов, в голове твоей дубовой, накрутила. А ты только рад. Ходишь, как телок на привязи. Или ты думаешь я не знаю, что ты в такси по ночам работаешь?! Завязывай с этим. Сегодня ты мой удар пропустил, завтра опять пулю словишь. Только не факт, что так легко отделаешь.

— Харе морали мне читать, — взъерепенился Гоша. Куда только сон пропал. Подобрался весь, готовый защищать честь своей ненаглядной. — Сам разберусь.

Вскочил, будто за ним стадо гончих гонится и пулей выскочил из тренировочного зала, оставляя великое начальство сидеть на матах.

— Ну и олень, — плюнул ему в след Завьялов. Мужики подхватили нестройным гулом. Удивительно, но сейчас каждый из них был согласен с товарищем майором. Олень, еще какой. Пусть простит их это благородное животное. Не в обиду ему, было сказано.

Серов, считавший, что быть парнокопытным он не заслужил, решил обидится на друга. Не будь Завьялов его начальником, еще и в нос бы прописал. Только терять работу Гоше было не с руки, тем более сейчас. Михалыч, временами, мужик, конечно, нормальный, но кто знает, чего из-за злости решит. Рисковать Георгий не желал. Ему еще на колечко зарабатывать. Очередное.

Квартира встретила Серова полнейшим бардаком. Вещи разбросаны, везде пыль, на полу следы чего-то липкого и грязного. Какой бы красоткой не была его фея, но хозяйка из нее была аховая. Как говорила сама девушка:

— Гошенька, моё дело быть красивой и радовать твои глаза! Я же не кухарка, не уборщица и не посудомойка!

Он соглашался. Действительно же — не кухарка. Да и как такие красивые ручки, с такими маленькими и тоненькими пальчиками, заставлять мыть полы?! Кошунство! Алевтина была женщиной для любви, а не для работы.

Только вот эти липкие пятна сейчас почему-то неприятно ударили куда-то в район грудины. Чёрт, не такая великая проблема взять швабру и протереть ламинат, когда ты целыми днями сидишь дома. Для него, конечно, не великая, но не для феи.

Гоша не успел даже ничего сказать, а она, увидев его на пороге, заревела, пуская фонтан слез из глаз. Да так красиво, что Серов сначала засмотрелся и только спустя минуту пошёл выяснять, что, собственно, произошло, пока его не было. Дежавю какое-то, ей Богу!

— Что случилось? — присел на корточки около Алевтины. — Кто обидел?

— Ноготь сломала, — прохныкала фея и показала этот самый ноготь на среднем пальце.

— И? Истерика то почему? — Серов почесал затылок, полностью обескураженный.

— Я ноготь сломала! — повторила Аля, рыдая пуще прежнего. — Ты что не понимаешь?!

— Понимаю, — кивнул Серов, хотя ни черта не понимал. Когда Валя сломала ноготь, она молча взяла ножнички и обрезала все остальные. Без каких-либо завываний. Может фея

просто ножнички не может найти?!

Окрыленный своей мыслью, Гоша с улыбкой притащил Алевтине маникюрные ножницы, вручив как долгожданный кубок чемпиону. Правда, Аля почему-то не оценила. Резко прекратила рыдать, круглыми шарами посмотрела на Серова, а после и вовсе запустила в него этим холодным оружием.

— Сухарь бесчувственный!

Нет, определенно, женская логика никак ему не подвластна. Что он опять сделал?! Бабские истерики, явно, не его конёк. Одна, сбежала, только тапки сверкали, вторая вот швыряется чем не попадя. Сговорились они все, что ли?!

— Я на работу, — махнув рукой, Гоша схватил куртку и поспешил свалить из своего собственного жилища.

Успокаивать Алю не было смысла. Это он уже хорошо уяснил. Иначе, истерика грозит перерасти в настоящий потоп, а Гоша будет последним м*даком, пока не притащил ей очередное колечко на блюдечке. Или сережки. В зависимости от того, что конкретно на повестке дня.

Глава семнадцатая

Это была последняя вылазка в году всем дружным коллективом. И пускай Серов сейчас был белой вороной, и эта самая дружность попала под угрозу, но проигнорировать поезду он попросту не мог. Перед тем как зима вступит в свои права, хотелось хорошенько отдохнуть. Чтобы как всегда: костер, песни под гитару, шашлыки, палатки. Пока осень всё еще радуется не только своими красками, но и относительно теплой погодой.

Фея сначала ехать категорически отказалась. Она и лес были вещами совсем несовместимыми, и Георгий это знал. Более того, сам не хотел ее тащить. Толку от нее никакого не будет, да и знакомить с мужиками было опасно. Не потому что уведут — этого Серов не боялся, а попросту насмешек же не оберется потом. Они и так ему весь мозг выели, как зомбаки из последнего популярного хоррора.

Только вот за несколько дней до поездки, Аля резко передумала, тем самым добавив Серову головных болей. Причину таких перемен не озвучила, но уж слишком хитро косилась в сторону Гоши. Нет, определенно, вывозить ее в лес не стоит. Да только отговорить, как не пытался, строптивую красавицу мужчина не смог. В заключении, Алевтина устроила истерику. Вновь красивую. Как иначе?! У красивых девушек всё красивое. В том числе слезы и истерики. Гоша, уже давно, привыкший к этому, плюнул и согласился взять Алю с собой. Тогда-то, обнимая моментально повеселевшую девушку, вдруг подумалось, что Валя истерики никогда не устраивала. Предпочитала наорать или молча отсидеться в туалете, а не пускать сопли пузырями. Мысль настолько накрепко засела в его голове, будто только и ждала подходящего момента.

С тех самых пор он не переставал их сравнивать. Чёрное и белое. Лёд и пламя. Вылепленные не только по разному образу и подобию, но и из разного теста.

Георгию стало казаться, что его черепную коробку вскрыли, вытащили мозг, а потом тщательно так прополоскали, избавляя от пылицы феи. И фея все чаще стала приобретать очертания ведьмы. Легкие, едва заметные, но очертания!

— Гоша, я хочу писать, — желания феи услышали все присутствующие на оккупированной полянке.

— Смотрите, — Завьялов ткнул в сторону разлапистого куста. — Только сегодня и только сейчас — этот шикарный биотуалет в Вашем распоряжении. В комплекте вы получаете: натуральную туалетную бумагу, освежитель воздуха с ароматом хвои, абсолютное уединение на лоне природы. Поспешите воспользоваться.

Алевтина с осанкой истинной королевы, бросила на Артёма Михайловича взгляд полный недовольства и походкой заправской фотомодели, будто прямиком из показа мод в Париже, направилась в указанном направлении.

— Гоша, но тут нет туалета, — спустя секунду послышалось возмущение феи. Сквозь едва сдерживаемый смех товарищ майор виновато развел руками, за что и получил тычок Георгия. Вот же гиены. Лишь бы позубоскалить.

Когда с туалетом, с горем пополам, разобрались, женщины принялись чистить и резать овощи, мужчины же разделились на группы. Одна занималась приготовлением мяса, для шашлыков, вторая взяла на себя установку палаток. К слову, занятия наши себе все, кроме Али. Она хвостиком ходила за Георгием, не отликая от него ни на секунду.

— Котик, я кушать хочу!... Котик, мне холодно!...Котик...Котик....- то тут, то там

слышался голос феи. Под конец дня прозвище: «котик» намертво прилипло к Серову и отлипнуть не желало. И ведь не скажешь ей ничего. Сразу глаза, как два бездонных блюдца и столько слёз в них плещется, словно он собаку бродячую пнул.

Грешно ему жаловаться, безусловно, фея же была стопроцентным попаданием в его идеал, только, оказалось, с идеалом жить тяжело. Не дотягивал. И то, что так хотел видеть в Валентине, бесит сейчас больше всего.

— Мне очень надо, товарищ майор! — Скороходов умоляюще взглянул на Артёма Михайловича. — Один день! Я потом отработаю.

— Верю, Скороходов. Но не понимаю, — Михалыч вытащил руку из кармана брюк, обменялся с подошедшим Серовым рукопожатием и кивком головы показал на Илью, вводя Гошу в курс дела: — Отпросится резко на целый день куда-то решил, а объяснить не хочет.

— Мне надо, — упрямо повторил парень. — Семейные обстоятельства.

— Да отпусти ты его! Чего в душу к парню лезешь? — фыркнул Серов.

— Кто, как не я, Серов?! Вот залез бы тебе в душу, может быть детей твоих крестил уже. А так ерунда одна с тобой приключается. Так что, я вам всем теперь батька родной! Глаз спускать не буду. Давай, Скороходов, кайся и, с Богом, пойдешь в свой отгул. Ну?

— Не могу я сказать, — голову опустил, чтобы в глаза начальнику не смотреть, только взгляд тяжелый из-под рыжих бровей пространство сверлит.

— Почему это? — удивился Завьялов. — Я же теперь с тебя точно не слезу, Илья.

— На свадьбу меня пригласили, — стрельнул глазами, наблюдая за реакцией Гоши, но тот пребывал в какой-то своей задумчивости, не обращая внимания на Скороходова.

Ох, как Илье это не понравилось. Обида за Валентиночку Сергеевну гордо подняла голову и опускать никак не хотела. А, к чёрту!

— Валентина Сергеевна, наша, замуж выходит.

Прозвучало тихо, но всем показалось, будто где-то хорошо так бабахнуло. Особенно прилетело Серову. Даже уши заложило. Пришлось переспрашивать и тут его ждал неприятный сюрприз. Валя не горевала, Валя, его Валя, выходила замуж.

— За кого, стесняюсь спросить? — прочистил горло Завьялов, наконец, прерывая затянувшуюся тишину.

— Петенька, — скривился Илья.

Ему, как и всем, Петр не нравился. Может и человек он был хороший, добрый, но его вечное потакание Розе Львовне и немое обожание, выводило из себя даже самого стойкого, к таким вещам, человека.

Правда, Валя не жаловалась. Она никогда не жаловалась. Отмахивалась от них, улыбалась, только все чаще в глаза предпочитала не смотреть. Илья понимал почему. Однажды, еще в клубе, заглянул в них, а там концентрированная, ничем не разбавленная боль. Когда только успела так врасти в Серова. Что отрывать приходится с мясом, вплоть до того, что остаются шрамы.

— Когда, говоришь, свадьба? — переспросил Гоша.

Торжество должно было состояться через два дня. После чего, Валентина, с новоиспеченным мужем и его мамой улетают в Германию. Навсегда.

Слово «навсегда» как-то особенно впечатлило Георгия. Если с ее замужеством можно что-то решить, то как ее вытаскивать из лап арийцев Серов представить не мог. Собственно, как и ответить на вопрос, почему его все это так задевает. Сам хотел, чтобы она ушла,

первый начал другие отношения, купаясь в любви к своей фее, а только Валю все равно отпускать не желал. Ни мысленно, ни физически. Во как! Сам для себя тайну невиданную открыл. Ему оказывается больно. Ему оказывается она нужна. Только вот, что это? Любовь ли? Или игрушкой мальчика стал играть кто-то другой, и мальчик поднял скандал?! Еще, конечно, не поднял, но обязательно поднимет. Только в себе разберется, со своей дурной головой, да с Алевтиной. Каким бы придурком Гоша себя не считал, но с двумя женщинами одновременно крутить не желал. Не для него это. Женщина, как и работа, должна быть одна! Особенно в его возрасте.

Свадьба-свадьба, кольца-кольца... Сколько в этой песне смысла вложено. Сколько эмоций и чувств двух влюбленных сердец. А я вот не была влюбленной. Отнюдь! Петя, думаю, не испытывал ко мне аналогичных чувств. Из нас троих, а в этом водевиле было именно трое, была влюблена только Роза Львовна. Только неясно в кого больше: в меня или в своего сына. Никогда не думала, что тётя Роза умеет включать режим насадки по отношению к еще кому-то, кроме Пети. А вон как, оказывается. Бегает вокруг меня, словно ей батарейки в одно интимное место засунули. Туда — сюда. Туда — сюда. Воистину энергичная женщина.

— Хлопцы, шевелимся! — не отставала от Зубило моя бабуля.

Хлопцы шевелиться не хотели. Им больше импонировало облизывать взглядами ящик водки, который мы предусмотрительно задвинули под стол. Благо, бабушка всех наших родственников знала, как облупленных и предугадала тот факт, что горячительное до самой свадьбы не доживет, если его не припрятать. С этих обормотов станется всосать за здоровье молодых в один присест весь припасенный алкоголь.

Я, аки владычица морская, восседала на стуле посреди комнаты в квартире Зубило и наблюдала за всеми приготовлениями абсолютно наплевательски. Было как-то все равно, что парикмахер, давняя подружайка Розы Львовны, соорудила мне на голове макет Пизанской башни, что макияж, от рук все той же женщины, совсем не подходит под платье, которое, кто не помнит, превращает меня в зефир. Собрала Валя, так сказать, комбо! А апофеозом всего этого являлся Петенька в костюме цвета дохлой крысы, который, ко всему, был ему велик на два размера. Но менять его Петя не желал. Память, так сказать, об отце выиграла. Именно в нём Иван Иванович Зубило женился на Розе Львовне. И именно в нём поведет в ЗАГС жену Петенька.

Наверное, стоило радоваться, что платье самой Розы Львовны до сего знаменательного события не дожило. Спасибо за это моли или той фабрике, что шила сей шедевр. Я имела удовольствие лицезреть фотокарточки с этой самой свадьбы. Моё платье-зефир бесспорно просто божественно красивое, если уж кто-то возьмется сравнивать. Поверьте, мне на слово.

Где-то фоном играла незабвенная музыка Верки Сердючки. Это уже мои родственники постарались. Ибо какая русская свадьба без Верки, сказал дядя Федя из Ростова, и врубил сборник ее хитов на ноутбуке. Благо никто не додумался притащить баян и это была единственная прекрасная новость за весь день.

— Валя, главное букет в меня кидай, в меня, — показывала на себя пальцем Елизавета.

— Тебе зачем? — хмыкнула я. — Ты замужем.

Сестрица чертыхнулась, за что сразу же отхватила от проходившей мимо бабушки и наклонившись вперед тихонько произнесла:

— Блин, все время забываю!

Я на такое заявление лишь закатила глаза. Повезло, что Роман Игнатьевич свою благоверную сейчас не слышит. Он бы напомнил этой рыбке Дори, о наличии у нее брачных и нерушимых уз.

— Валь, — протянула сестра, испытывая дефицит общения, по всей видимости. Я общаться не желал и на ее зов, лишь вопросительно выгнула бровь. Я тут страдаю, между прочим. Свои последние холостяцкие часы доживаю.

— А давай убежим, а? Правда, зачем тебе этот Петя?! Головой ты что ли так сильно приложились, чтобы женой ему становится. После Серова то. Ну, мать. Люди должны эволюционировать, а ты деградировать решила.

Упоминания Гоши больно кольнуло изнутри. Вот, Лизавета, язык без костей. И так он мне все внутренности выел, только улеглось немного, успокоилось, а она снова решила напомнить. Еще и на моей свадьбе. Будто времени другого не могла найти.

— Ты, Лизка, умолкни. Да лучше иди с дедом посиди. Ему твоя болтовня не мешает. Все равно глухой, — вступила в диалог бабушка и Лизу полотенцем с дивана согнала, занимая ее место. — Иди- иди.

Лизавета вздохнула и поплелась куда послали. То бишь к деду. Ему и правда компания не мешает. Не услышит ничего только, но это мелочи. Главное, человеческое тепло и присутствие родных рядом.

— А ты, Валентина, внимай. Я с твоим дедом много лет живу. И много лет на себе его тащу. Всё сама. Как ярмо на шею себе натянула, так и пащу без продыху. Сама его на себе женила, теперь плоды пожинаю. Любила его, страшно. Любила и глаза закрывала, что он решать то сам не умеет ничего. Вечно мамкины науськивания слушал. Его мамка ткнёт носом, он и сделает. А потом я тыкала. Как кота нашкодившего. Иначе, никак. Сначала даже нравилось. Что я такая из себя деловая. Сама всё знаю, сама все решаю. Это хорошо, Валя, пока мужика нормального рядом нет. А потом все свои замашки командирские прятать надо. Не убирать, ни в коем случае! Прятать! Учиться в паре работать, а не каждый сам за себя, в перетягивании одеяла. Думаешь, наверное, зачем я всё это тебе говорю? — бабушка взяла мою ладонь в свою и слегка сжала. — Петя твой всю жизнь таким, как твой дед будет. Только разница у нас одна единственная. Мне любовь его тащить помогала, а тебе что поможет?

Бабушка встала, погладила меня по голове, оставив невесомый поцелуй на макушке и ушла, оставляя меня наедине со своими мыслями. Вокруг сновали люди, кто-то веселился, смеялся, но все это пробегало мимо меня. Время замедлилось, загустело подобно киселю, перетекая в другое, совершенно незнакомое мне измерение. И моменты совместной жизни с Серовым в голове проносятся и чувствую, что где-то я была не права. Где-то слишком надавила, где-то наоборот не настояла. Будто кто-то тетрадь достал и ошибки все красной ручкой обвёл. Только вместо тетради моя жизнь.

Встала у зеркала во весь рост, рассматривая своё отражение. словно не я сейчас под руку с нелюбимым мужчиной поеду в ЗАГС. словно кто-то запустил на повтор паршивую комедию положений. Суetyащаяся Роза Львовна, дергающий нервно рукава рубашки Петенька, Лизавета, кричащая что-то на ухо деду, дядя Федя, родственники, родители. Всех так много и все они здесь, чтобы стать свидетелями моей самой большой глупости в жизни.

— Всем оставаться на своих местах! Работает СОБР! — мне сначала подумалось, что совсем головой я поехала. Между прочим, слуховые галлюцинации один из признаков шизофрении! К слуховым, прибавились зрительные. Стекло со звоном осыпалось и квартиру

стали заполнять мужики в черной форме СОБРа. Мамочки!

Я ведь головой не успевала крутить, как всех положили лицом в пол. Даже Розу Львовну! Господи, пусть это будет шизофрения! Умоляю!

Пока общалась с Всевышним, мою, упакованную в белое безобразие, тушку, подхватили и так же через окно вынесли. Как я визжала! О, как я визжала! Наверное, сирену в моём исполнении захотят все службы срочного реагирования нашего города. Так визжать могут только оперные дивы и я. Но мне было позволительно! Меня, между прочим, кто-то со свадьбы, в наглую, умыкнул. С моей свадьбы!

— Валя, не кричи ты так! — прозвучал голос Серова из-за черной маски. Ну, всё! Держите меня семеро, ибо я за себя сейчас не ручаюсь. Мало того, что этот гад меня бросил, кроме этого быстро утешился в объятиях длинноногой фифы, так теперь еще и свадьбу мне портит.

— Верни откуда взял, Серов! Верни, иначе хуже будет!

Глава восемнадцатая

Сижу за решёткой в темнице сырой... Ладно, это я ударились в лирику. Микроавтобус СОБРа уж никак не напоминает темницу. Тем более сырую. Ради такого дела, даже по углам посмотрела, но плесени, явного атрибута сырости, не нашла. Так что вполне себе сухо, тепло, мухи не кусают. Хотя какие сейчас мухи? Мухи холодов боятся, а осень уже вовсю заявила свои права.

Вот кто о чём, а Валя о мухах! Вместо того чтобы подумать, какой скандал поднимет Роза Львовна, узнав, что меня похитили. И Серов, гад такой, молчит как партизан. Везет меня непонятно куда и молчит. Так бы и стукнула чем-то тяжелым. Только, видимо, все тяжелое предусмотрительно из машины убрали.

Разгладила складки «зефира», тяжело и протяжно вздохнув.

«Скормленный в неволе орёл молодой...» — продекламировала мысленно я. Почему-то голосом Безрукова. Так более эпично. Самое время же поразмышлять о творчестве Александра Сергеевича. Другого времени вот просто не найти, Валя.

Я вообще заметила, что стараюсь думать о чём угодно, только не о Гоше. Ибо моё внутреннее «Я» жаждет крови. И если я женщина рассудительная и умная, то за нее не ручаюсь.

Вот чего, спрашивается, приперся?! У меня самолёт завтра. Чемоданы собраны, билеты приготовлены. Я даже, умываясь горячими слезами, пекарню продала. Но нет, Серову обязательно стоило явиться и все испортить. Только жить, можно сказать, начинала. Ехала навстречу светлому и безбедному будущему, без кредитов. Ему мало моих слёз, мало разбитого сердца, надо потоптаться по вновь выстроенному будущему, без него. Эгоист чёртов! Идиот! Гад плешивый! Хорошо, не плешивый. Но все равно гад! Я еще много эпитетов могу придумать, пока он трусливо отмалчивается. Сказать нечего?! И не надо! Я ему сама всё выскажу.

— Приехали, — соизволил доложить Гоша и остановил машину. Я только этого и ждала. На ходу не выпрыгнуть мозгов хватило, но сейчас то мне ничего не мешает.

По моим внутренним часам ехали мы минут тридцать. Точнее определить не могла. Украли меня без телефона. Так что связаться с родственниками возможности тоже не было. Как и вызвать такси. Засада, какая-то!

Выскочила из микрика и опешила. Еще и платье не успела подобрать, плюхнувшись прямо в глубокую грязевую лужу. Здорово! Была Валя зефиркой, а стала... Помолчим. Не стоит говорить, кем она стала.

— В поле?

Поле, русское поле. Бескрайнее, просторное. Сено тюками, коровки на лугу, вдалеке речка. Романтика, конечно, если бы не убитое свадебное платье, покосившаяся Пизанская башня на голове, потёкший макияж и мужик, который виновник всего этого безобразия.

— Ваше последнее желания, перед кончиной. Потому что, Серов, я тебя сейчас буду убивать. Долго, мучительно и с особой жестокостью!

— Я пришел с миром, — маску с лица приподнял и руки вверх поднял в защитном жесте.

Вот, мол, я перед тобой стою, раскаявшийся. Делай, чего душеньке угодно. Ну, это я, конечно, сама домыслила, но посыл был понятен. Только я была непреклонной. В гробу я

его чистосердечное видала.

Вот до чего мужики самоуверенные создания! Сначала нагадят, а потом прости-извини. Бес попутал. Легче от этого кому?! Его «прости» ночью слезы подотрет или сердце, разбитое в хлам, склеит?! А может «прости» обладает волшебной способностью стирать неприятные моменты из памяти? Ничего из этого оно не умеет. Тогда какого лешего сейчас взирать на меня глазами побитой собачонки?! Я не Мать Тереза. Прощать, в надежде, что возможно когда-то кто-то оценит и больше не вытрет об меня ноги. Плавали-знаем. Бесит, вот просто невероятно такая самоуверенность.

— И? Я слушаю, — руки на груди скрестила, перед этим поправив сползающую с головы башню.

Серов проследил за моим взглядом. Уголки губ дернулись в подобии улыбки. Только попробуй сейчас заржать. Четвертую без суда и следствия!

Георгий молчал. Я начинала закипать. То есть ума украсть меня со свадьбы хватило, а дальше фантазия не пошла. На что, спрашивается, надежда была?! Или самомнение достигло такой небывалой величины, что я непременно, просто обязана, кинутся в ноги своему «спасителю». Бегу, волосы назад.

— Начну с того, что... — Гоша прочистил горло и продолжил: — Мне тяжело говорить...

— Ой, правда, что ли?! Так и не скажешь. Помнисься ты мне много чего «хорошего» сказал, только с какой-то такой лёгкостью, аж диву давалась откуда у тебя, Серов, такой слог. Напомни, что там тебе не нравилось? Самостоятельность моя, отсутствие изысканности, если не ошибаюсь. Так блондинка твоя все пункты выполнила? Или тоже что-то пропустила, раз ты тут.

— Валя, — глаза отвёл в сторону, а меня это еще больше раззадорило. Как с блондинками всякими шашни водить, так мы умеем, а тут поглядите на него. Бедный, несчастный. Валя его обижает, слово сказать не дает. Угнетает немощных! Ох, уж эта злая Валя. Совести у нее нет.

Так вот: совет у меня есть! А вот кое-кто ее явно на булочки в детстве променял. Иначе, не расстроил бы мою свадьбу. Рыцарь, чтоб его, на белом коне. Точнее на чёрном автобусе СОБРа.

— Гляди и имя моё выучил. Рычать разучился. Вот это воспитание! Уроки у твоей блондиночки что ли взять?!

— Валя! — громыхнул Серов.

— А нет, не разучился, — хмыкнула себе под нос. — Ну так ты меня сюда привёз, чтобы имя моё напомнить?

— Какая же ты невыносимая! — Серов снял полностью маску, нервно провёл рукой по ёжику темных волос. А не надо меня выносить. Меня любить, изначально, надо было. Тогда бы выносить не пришлось. — Я тут извинится пытаюсь...

— Плохо пытаешься. Недостаточно. Если это всё, что ты мне сказать хотел, можешь отвезить обратно. У меня, если ты не заметил, свадьба.

— Нет, — отрезал Гоша.

— Что нет то?

— Нет, не отвезу. Я не позволю тебе совершить ошибку и выйти замуж за Петю. Хочешь — ори! Бурёнки оценят твой вокал, но я тебя никуда не повезу.

— Ах, так?! Я пешком пойду! — нашла выход из ситуации я. Правда, выход такой себе.

В какую сторону мне следует направляться я понятия не имела, к тому же свадебное платье не лучший наряд для начинающих путешественниц, как я. Поэтому я скорее блефовала, чем действительно собиралась идти пешком.

— Иди, — махнул он рукой великодушно, нагло ухмыляясь. До чего же противный, просто ужас!

Фыркнула, снова поправила башню на голове, посмотрела на уделанный подол своего платья и действительно пошла. Дело принципа, не иначе. Если меня кто-то решил взять на «слабо», то как-то паршиво вышло. Эх, Георгий! Совсем тебе твоя фифа голову задурила. Следовало помнить, что со мной такой номер не проходит. И орать я не буду. Велика честь, голосовые связки портить.

— Валя, — окликнул меня Серов.

— Чего тебе еще? — встала, но повернуться так и не соизволила. Пусть лицезрит мою прямую и гордую спину. Мы Бизоновы — предателей не прощаем.

— Возвращайся ко мне.

— Чего??? — пришлось оборачиваться. Надо же посмотреть в эту наглую морду, которая умудрилась до этого додуматься.

— Я был не прав. Каюсь. То, что я испытываю к тебе больше, чем жалость. Намного больше. Я...

— Стих! Глагол «стих»! — чеканя шаг, я стала медленно подходить к Серову. А когда встала очень близко, голову задрала в бесстыжие его глаза посмотреть и пальцем в грудь ткнула. Надеюсь, больно. — Я из-за тебя ночи не спала. Все глаза выплакала. Головой ударилась и замуж за Петю собралась! Продала пекарню, квартиру и душу. На последнее позарилась Роза Львовна. И сейчас ты мне говоришь: возвращайся? Так буднично и просто? А не пошёл бы ты на хутор бабочек ловить, Серов.

— Каких бабочек? — вычленил из всей моей речи только одно Гоша.

— То есть по остальному вопросов и претензий нет? — повысила голос я. Еще и пальцем стала тыкать его в грудь. Могла бы еще раз пяткой в нос заехала, но моя растяжка оставляет желать лучшего. Ненавижу его, ненавижу!

Серов мой палец на лету поймал. А потом к губам поднес и поцеловав, не отрывая от меня свой взгляд. Словно в душу заглядывал. Пусть смотрит, мне не жалко. Он, как никто другой, должен видеть всю мою боль, которую я так старательно сохранила и законсервировала. А вот целовать меня — лишнее. Я не таю от горячих поцелуев. Именно поэтому руку выдрала еще и об платье демонстративно вытерла. Ему же это явно не понравилось. Посмотрел на меня зло, с примесью какого-то отчаянья и пару шагов назад сделал, увеличивая между нами расстояние.

— Садись в машину. Поехали.

Значит так, да?! Как отказалась я с ним целоваться, так сразу он меня согласен обратно отвезти и вручить Петеньке. Вот и кто он после этого?! Плевать, что я сама, секунду назад, этого требовала. Я на то и женщина, чтобы хотеть диаметрально противоположного!

Молча развернулась и в микроавтобус забралась. Меня просить дважды не нужно. Вот и всё. Сейчас вернусь в свою тихую гавань, съезжу с Петей в ЗАГС, уговорю женщину регистратора нас поженить, а потом немцы, Берлин и никаких тебе Серовых! Всё четко, по плану, без ненужных чувств и сожалений. Именно так и не иначе!

— Ты меня больше не любишь? — спрашивала Аля, размазывая слезы по красным

щекам. А Гоша не знал, что ей ответить. Потому что слишком сложный для него сейчас вопрос, а ее слезы совсем не способствуют разрешению ситуации.

— Аля, понимаешь, так бывает. Дело не в тебе...

— Конечно, не во мне, — плачет она. — Ты же сам говорил, что я идеальная.

Гоша кивает. Правда говорил. Еще в начале их отношений. Он вообще какой-то слишком болтливый был с ней. Будто кто-то невидимый узел на языке развязал, а сейчас вот опять косноязычие напало. Ну, не умеет он такие диалоги вести. Не умеет. И кто бы знал, что жизнь так залихватски повернет, что учится времени совсем не будет.

Алевтина, по сути, была неплохой девчонкой. Красивой, словно картинка, где-то слегка наивной и глупенькой. Но красивым женщинам многое позволительно, на что большинство всегда закрывают глаза. Гоша тоже закрывал. Пока судьба не решила шоры снять. А за ними безысходность и пустота.

— Идеальная.

С идеалом жить тяжело. Особенно в неидеальном мире, когда ты сам далек от этой пресловутой идеальности. Когда ты обычный среднестатистический гражданин, которому просто непонятны муки идеальных людей.

Идеальный человек не будет клеить с тобой обои, спасать квартиру от потопа, жрать обычную китайскую лапшу с забегаловки, сидя на полу. А потом на этом же мокром и вздутом полу, который так и не успел просохнуть, заниматься любовью. Идеальный человек не рванет к тебе на другой конец города, чтобы просто посидеть с тобой рядом, не будет ухаживать за тобой, когда ты словишь шальную пулю, не встанет на твою защиту, имея в своём арсенале лишь торт. А такой ли он идеальный тогда этот человек? И зачем Серову эта идеальность сдалась?!

Безусловно, всё познается в сравнении. В сравнении двух абсолютно непохожих женщин, которых он имел честь встретить на своём жизненном пути. И как хр*ново знать, что одна сейчас рыдает из-за него, а вторая ускользает как видение. Еще немного и может не успеть поймать. Растает в воздухе, будто ее и не бывало, а на память будет только флакончик тех самых духов, которые она уходя не забрала.

Признаться, он порывался их выкинуть. Не забрала — ее проблемы. Дарил он эти духи от чистого сердца. Однако, рука так и не поднялась это сделать. Слишком больно, слишком горько и страшно. Страшно забыться, страшно подумать, что все прожитые дни, вместе с этими духами, окажутся в мусорном ведре.

— Тогда почему? — голос Алевтины на ультразвуке врывается в мысли Георгия. Заткнуть бы уши, но нельзя. Он и так виновен перед ней по всем фронтам.

— Просто я люблю другую, — разводит руками Гоша. Что еще он может ей сказать?! Врать и юлить совершенно не хотелось.

— Она идеальнее меня? — фея смотрит на него своими полноводными озёрами, но внутри у Серова лишь чувство недовольство, что разрастается с невероятной силой. Сколько же воды, в этом организме?! Не устает она рыдать постоянно?!

— Нет, — качает головой Серов. — Она совсем неидеальная. Но разве любят за это?

И правда. Любят отнюдь не за идеальность. Только поздно это пришло в голову Гоши. Слишком поздно. Такие вздорные и невыносимые, как его Валя, прощают долго, муторно и очень болезненно. Не для себя, для того, кто умудрился их обидеть. Впрочем, он не ожидал, что заслужит прощение легко. Его ждёт тернистый и извилистый путь, по покорению женщины, которая ему нужна. Именно так: нужна.

— Значит, это конец? — спросила Аля. Серов кивнул, не зная, что еще ей сказать. Конец.

Алевтина вдруг приосанилась, тыльной стороной ладони вытерла мокрые щеки и уже совсем другим тоном, не перечасим и отдающим арктическим холодом, произнесла:

— Значит: с тебя золотой гарнитур с изумрудами, манто, которое мы видели в ТЦ и сережки.

— Что? — переспросил Серов, озадаченный такими резкими переменами настроения феи.

— Гарнитур, манто, сережки. Что не понятного, котик?! Я на тебя столько сил и времени потратила, ты думаешь я уйду с одной котомкой? — язвительно хмыкнула Аля. — Я предпочитаю иметь подушку безопасности, пока не найду себе никого другого. Ничего личного, Гошенька — просто бизнес!

Вот так сказка, которая начиналась так красиво, приобрела безобразный финал. Фея, оказалась злой ведьмой, а Гоша, из богатыря, превратился в обыкновенного козлёночка. Только из лужи он не пил. Просто вылезло истинное нутро.

Глава девятнадцатая

Валя напоминала ему сейчас маленького взъерошенного воробышка. Сидит в кресле — качалке, укутанная в плед почти по самые уши и, со всем имеющимся в ее теле остервенением, грызет яблоко. Серов, в кои-то веке, обрадовался, что на месте этого яблока был не он сам. Но до чего же хороша!

Он помнил, что там, под пледом, уже давно не грязное свадебное платье, а его безразмерная футболка. Что несмотря на разницу в росте она все равно еле прикрывает задницу Валентины. Он только поэтому укутал ее и яблоко вручил, дабы не видеть этих длинных стройных ног. Так же не ровен час можно промахнуться и топором попасть не по бревну, а по своим конечностям. А эти самые конечности ему еще ой как нужны! Они ему должны сослужить неплохую службу по возвращению Вали.

Серов не умел просить прощения. Он вообще был достаточно косноязычен, а еще абсолютно не романтичен. Не лучшие качества для человека, который планирует завоевывать заново обиженную на него девушку. Валентина ему явно задачу не упростит. Вон как глазами молнии мечет. Еще чуть-чуть и огрызок от яблока в затылок запустит. Он именно поэтому отмел идею повернуться к ней спиной и рубил дрова так, чтобы держать ее в поле зрения. Целее будет!

Итак, на повестке дня протянуть с этой фурией как-то несколько дней, пока ее неудавшийся жених и свекровь не отчалят к арийцам. Благо, Завьялов вручив ему ключи от своей дачи заверил, что сюда раньше лета никто не явится. Значит, время у него есть, провизия тоже, оставалось дело за малым: уговорить Валю жить дружно. Ох, ему за всю жизнь никогда еще не приходилось выступать котом Леопольдом.

По-хорошему предложить бы ей мировую. Но тут выигрывать должны обе стороны, а пока выходит, что только он в плюсах. Ибо Валентина вернется в его жизнь, в его постель, а в остальном... Черт, все было слишком сложно и запутанно. Сидел бы на заднице ровно и не рвался, пытаюсь ухватить журавля за хвост. Синица же намного лучше! Да и журавль облезлой вороной оказался.

Гоша поморщился от воспоминания сколько пришлось вбухать денег, чтобы откупиться от пиявки, по имени Алевтина. А, ведь, у девки губа не дура! Явно знает, чего хочет и как этого добиться. Была бы она на месте Вали уже бы список запросов выкатила, а эта партизанка только делает, что язвит. Никогда он не думал, что столько в ней желчи может храниться.

Нечего обижаться. Вот совсем нечего. Он ее сразу предупредил, что обратно не отвезет. А то, что она сама себе накрутила, не его заботы. Слушать надо и внимать, а не перебивать и спорить. Невыносимая женщина!

— Серов, — окликнула Валентина. — Серов, отвези меня обратно, а? Меня же искать будут! А когда найдут, порвут тебя на британский флаг.

— Не порвут, — ухмыльнулся Георгий и в подтверждения своих слов рубанул топором по полену. Кто же в добром душевном здравии сунется к мужику с топором?! Топор Гоша специально для таких дел наточил поострее. А что?! Пусть все знают, что Георгий свое никогда не отдаст. А Валю он считал своей, пусть она и ерепениться.

— Я с тобой в одном доме спать не буду, так и знай, — выкрикнула Валя. — Не хочешь меня отвозить — спи на улице!

И занырнув в большие свои галоши, громко ступая по деревянному крыльцу, замотанная, будто в тогу, в плед, Валя пошлепала в дом, напоследок громком стукнув покосившейся дверью.

Гоша бы, наверное, расстроился, но данное заявление в серьез не воспринимал. Замерзнет — сама прибежит. Он демонстративно не будет печку топить.

Топорик с собой прихватил, на всякий случай, поднялся по ступенькам на крыльцо и в кресло упал, которое пару минут назад, занимала Валентина. Руки сцепил в замок на животе и медленно раскачиваясь, уплыл в сладкую дрему. Ничего, перебесится и позовёт его.

Бесилась Валентина долго. Уже давно стемнело, в домах соседей загорался свет, из дымоходов тоненькой струйкой выпускался дым, а Валя всё не приходила. Неужели и правда готова оставить его на улице мерзнуть?!

— Ладно уж...Заходи, — когда дверь тихонько скрипнула, Гоша подумал, что ему это снится. Но тонкие пальчики вцепились в его плечи и стали тормозить. Открыл глаз, посмотрел на раскаявщуюся Валя и улыбнулся. Вот так гораздо лучше! Неимоверно прекрасная женщина, если рот свой не открывает.

Пока не передумала, пришлось вскакивать и оттеснив ее от двери, проходить. Мало ли, что этой неугомонной в голову взбредет, еще передумает. А у него куртка на вешалке, да и футболка не лучшее одеяние для поздней осени.

Прошёл во внутрь, топорик к двери прислонил и побрел на кухню, ставить чайник. Где-то в ящик он нашел малиновое варенье и сейчас ужасно хотел выпить чашку чая с этой вкушностью.

— Гоша, зачем ты меня украл?

— Просто, — пожал плечами, разливая кипяток по чашкам. — Садись, чай будем пить.

— Гоша, — укоризненно протянула Валентина, но от предложения не отказалась.

Села за круглый стол, чашку к себе подтянула, грея холодные руки и в Гошу взглядом уткнулась, пытаясь по непроницаемому лицу эмоции его считать. Ругаться не хотелось, но и выяснить отношения было нужно. Все-таки расстались они на совсем позитивной ноте.

Серов молчал. Банку варенья открыл, ложечку чайную Вале вручил и сел напротив, постукивая кончиками пальцев по столешнице, укрытой цветастой скатертью.

— Валь, ты правда прости. Паршиво вышло всё. Я не хотел тебе больно делать. Само как-то всё получилось.

— А мне в любом случае больно было бы, Серов, — фыркнула Валентина, рассматривая крупинки чая, плавающие в чашке. — Вот сидим мы с тобой сейчас, как взрослые. Стол круглый, переговоры ведем. Всё как полагается, а по факту мне выть охота, Серов. Выть так сильно, чтобы у тебя где-то в голове щёлкнуло, что с живыми людьми нельзя так поступать. Ты сказал не подумав, а у меня твои слова, как выжженное на сердце, раскаленным железом, клеймо. Вроде, уже и ожог прошел, волдыри сошли, а как только прикасаешься — больно.

— Валя, — Гоша ладонь ее от чашки оторвал и сжал пальцы слегка.

— Подожди, — дёрнулась, но не стала выдирать руку. Потому что пальцы и так ледяные, пусть хоть человеческое тепло их согреет. — Так вот, к чему это я...Зачем мне к тебе возвращаться, Гош? Опять каждый раз думать жалость это в тебе играет, либо еще что-то? Ждать пока ты меня на очередную блондинку променяешь? Дело же в ней было?

— В ней, — коротко бросил Гоша, отведя взгляд.

— Как я и думала, — грустно усмехнулась Валентина. — Давай сделаем так: ты меня отвозишь обратно и на этом всё. Ты живешь своей жизнью, а я своей. Встречаемся на улице,

здороваемся и расходимся. Я не держу обиду.

— Угу, — недовольно протянул Георгий. — Я тебя сейчас отвезу, а ты за Петеньку своего замуж выскочишь. Нет, уж, Валентина. Так дело не пойдет. Предлагаю компромисс.

— Видимо у нас разное значение слова «компромисс». Что ты предлагаешь?

— Выходи за меня замуж, — предложил Серов и руку Валину выпустил, чтобы подскочить, дойти до вешалки, достать коробку с кольцом и торжественно ее на стол, предварительно открыв, поставить. Пусть она видит, что намерения у него самые, что ни есть, серьезные!

Зачем ходить в кино и покупать дорогие билеты, если можно просто присутствовать на свадьбе родной сестры.

Именно так размышляла Лизавета, наблюдая за трагикомедией в трех актах, которая развернулась в квартире Розы Львовны Зубило. Сама хозяйка апартаментов была красиво уложена лицом в пол добрым молодцем в черной форме и, если быть совсем уж честным, Лиза этому доброму молодцу не завидовала. В принципе ее саму от такого позорного возлежания спас диван, за спинкой которого она и затаилась. Очень уж не хотелось ей платье убить на грязных полах в квартире Петинной мамы.

Итак, за первый акт можно смело считать влетевших в квартиру ребят из СОБРа и похищение самого главного действующего лица, то бишь Валентины.

Акт второй. Розу Львовну за шиворот поднимают с пола, отряхивают, любовно поправляют шляпку и вручают, потерянный в суматохе, ридикюль. Ридикюль начинает мстить за такое самоуправство власть имеющих и совершает зверское нападение на доброго молодца, который поднял тётю Розу. В кутерьме всех событий кто-то замечает, что невеста то тю-тю. Кажется, этот кто-то был дядя Федя из Ростова. Вследствие чего, ридикюль переключается на гонца с плохой вестью.

— Ставлю сотку на дамочку, — за диван к Лизавете присоединился избитый, но не сломленный, добрый молодец и протянул руку: — Артём

— Лиза, — пожалала руку соседа по «бункеру» девушка и тут же отвернулась, чтобы не пропустить ни минуты с развернувшегося действия. — Я бы поставила на дядю Федю, чисто из родственных побуждений. Но проигрывать терпеть не могу. Поэтому солидарна с Вами.

— Очень приятно, Лиза, — кивнул Завьялов и выглянул из-за спинки дивана. — Вы со стороны невесты или жениха?

— Невесты, — вздохнула Елизавета. — Вы случайно не знаете, куда это ее умыкнули?

— Случайно — знаю, — кивнул Артём Михайлович. — Но Вам не скажу.

— Чей-то?

— А вдруг Вы во вражеском лагере! — логично ответил Артём.

— Да, чтобы Вы знали: я сестра невесты! — воскликнула Лизавета.

— Да, чтобы вы знали: я друг жениха! — парировал ей майор.

— Этого что ли? — парочка переглянулась и одновременно выглянули из-за спинки дивана, взглядом отыскав Петеньку в сером костюме.

— Боже упаси! Другого! — стал отнекиваться Завьялов.

— Другого? — удивилась Елизавета.

До чего бы только не договорились эти двое, но следовало начинать третий акт. В третьем и заключительном акте: Розе Львовне стало плохо. Женщина схватилась за сердце, как только буря в душе улеглась и пришло понимание, что невестки то у нее больше нет.

Петенька молодым сайгаком стал прыгать вокруг матери со стаканом воды и корвалолом. Кто-то сердобольный вызвал скорую.

— Была свадьба, а стали похороны, — невесело пошутила Лизавета и тут же схлопотала подзатыльник от бабушки, которая вынырнула, словно из-под земли, рядом с их схроном.

Увидев знакомого врача и его спутника, которого совсем недавно так же обласкала сумочкой, Роза Львовна по новой схватилась за сердце. Аналогично ей схватился за сердце фельдшер, который только недавно перестал замазывать синюшные пятна на теле мазью. В общем, можно было смело говорить, что новая встреча тёти Розы и скорой помощи удалась на славу.

— Лизавета, брысь! — скомандовала всё еще нависающая дамокловым мечом бабушка. — А ты мил мой человек, признавайся! Где моя внучка?

— В надежном месте. Ваша внучка мирится со своим женихом.

— Этим что ли? — бабушка кивнула подбородком в сторону Пети, который сняв пиджак, встал на защиту матери от произвола современной медицины. Надо же! А Петя, оказывается, уметь поступать как мужчина. Правда, если поступки касаются только его мамы.

— Не этим, — единодушно с Елизаветой откликнулся Завьялов.

— Ох, Валентина! Мало ей этого малахольного! — воскликнул совсем опечалившаяся бабушка. Лизка с ней была согласна. Вале вечно с мужиками не везет. Брала бы, что ли, у нее уроки, как хорошего парня заарканить. Это Лиза умела. Один Ромашка чего стоит. Правда и с ним пришлось немного повозиться, пока своё счастье мужик осознал. Но сейчас то — золото, а не мужчина!

Завьялов видя, что шумиха поднялась сильная, по-пластунски выполз из своего укрытия и дав знак, рассредоточившимся по периметру, ребятам, — уходить. Следовало улизнуть тихо и незаметно, пока больше никто не начал задавать вопросы, куда же подевалась невеста. Серов теперь по гроб жизни его должник. Артём Михайлович скоро в серьез начнет думать, чтобы сменить себе фамилию. А что?! Купидонов Артём Михайлович! Звучит!

Я смотрела на Серова. Серов смотрел на меня. Ждал, наверное, что я визжать от радости буду, кольцо завидев. Еще и замуж предложил. Право слово, просто идеальный мужчина. Еще бы не был таким парнокопытным, цены ему было не счесть.

— Пойду-ка я спать, — крышечку на коробочке с ювелирным изделием с шумом захлопнула и бросив тоскливый взгляд на недопитый чай, встала из-за стола.

— А кольцо?

— Оставь себе. Или блондиночке своей подари. Она оценит, — фыркнула я в ответ. Я же не ворона на побрякушки вестись. Пусть эти побрякушки и золотые, к тому же с камушками. Возможно, с бриллиантами. Даже вероятнее всего. Гоша же солдафон. Ему легче побрякушку женщине притащить, чем понять её. Может, блондинка и правда для него идеальный вариант? Судя по всему, она слишком экономной не была.

— Валя, — укоризненно протянул Гоша. — Я же извинился.

— А я предложила разойтись, — развела руками. — Мы друг друга не слышим. Вот и вся беда. Кольцо сдай обратно. Лишними деньги не будут.

Спать нам пришлось на одном диване, тесно прижавшись друг к другу. Выгонять Серова на холодный пол, откуда, к тому же, очень дует не хотелось. Как бы я и не лукавила, что обиды на него не держу. Держу. Но спина не виновата в том, что хозяин у нее представитель

рогатой фауны. Потом же действительно придется лечить, уколы ему ставить, мазью поясницу растирать. А он и так перемерз на этом крыльце, пока я обиду свою лелеяла.

Серов попытался ладонью скользнуть по ноге и забраться под футболку, за что, собственно тут же отхватил, по этой самой, наглой ладони. Пришлось угрожать, что ночью вытолкаю с дивана, если он не угомониться. Угрозе вяли, расстроились и от меня отвернулись. Я почему-то тоже расстроилась. В своём решении, конечно, была непоколебима, но все же немного недовольно отметила, что Гоша мог бы еще попытаться. Мужчина он или кто?!

На утро меня разбудил гам на улице и лай соседских собак. Выбралась из объятий Серова (как только там оказалась), нырнула в уже родные мне галоши и кутаясь в куртку Гоши, которую по пути сняла с вешалки, вышла на крылечко.

Явление было не Христа народу, а Розы Львовны с Петей, в сопровождении скорой, полиции и пожарных. Зачем в сей душевной компании были последние, так и осталось для меня нерешенной загадкой.

— Доня моя, Валя! — всплеснула руками тётя Роза и с небывалой, для ее возраста, прытью рванула ко мне. Писец подкрался незаметно! И чувствую пушной зверек совсем скоро настигнет ничего не подозревающего, видящего сладкие сны, Георгия. Черт, придется спасать!

— Это всё он! — вопила Роза Львовна, некрасиво тыкая пальцем в сторону Гоши.

Георгий, в свою очередь, согласно кивал. Естественно он. Кто еще бы додумался воспользоваться своим служебным положением и украсть невесту прямиком со свадьбы?! Только Серов. Ну, еще может быть Михалыч, с этого тоже станется авантюры всякого рода проворачивать, но не в этот раз. В этот раз гвоздём программы был Гоша.

— Роза Львовна, — Валя попыталась образумить шумную женщину. Серова данный факт приятно удивил. Значит, не всё потеряно, если Валя готова встать на его защиту. Безусловно, это было лишним, но от этого, не менее приятным. — Никто меня не крал.

Петина мама скептически выгнула брови, захлопнув рот. Оправдание у Вали, конечно, паршивенькое. Как это не крал, если визг стоял на всю улицу и гости свадьбы, стали невольными свидетелями данного происшествия?!

Молодой мент усмехнулся в жиденькие усики. Роза Львовна демонстративно схватилась за сердце. Петя достал из своего извечного портфеля корвалол. Цирк и немцы. Кстати, о немцах...

— У нас самолет завтра, Валентина! Как тебе не совестно? — покачал головой Петр. — Мама всю ночь не спала, переживала! А ты ту с этим...

— С кем, Петя? Ну, с кем я тут?

— С этим, — скривил свою мордашку Зубило и махнул рукой на Гошу. — Променять меня, светило науки, уважаемого человека, на непонятно кого, с замашками Кинг Конга.

— Это он меня гориллой назвал? — не понял Гоша.

— Так, дорогие мои, — Валентина похлопала в ладоши, привлекая к себе внимание. — Официально заявляю, что Серов Георгий Николаевич непричастен к моему, якобы, похищению.

— Валя, — Гоша попытался остановить девушку, но она недовольно шикнула на него и локтем в бок ударила. Хорошо, что Сергеевна была мягкой и пышной, иначе отбила бы своими острыми локотками ему все ребра.

— Теперь ты, «Светило» наше, — девушка повернулась к Пете, скрестив руки на груди. — Если я имела глупость согласится выйти за тебя замуж, — это не значит, что ты вправе меня оскорблять и в чем-то подозревать. Начнем с того, что на этот брак я дала согласие под давлением обстоятельств и Розы Львовны. Далее, дорогая тётя Роза. Безмерно уважаю Вас, но не Вашего сына. Увы! Не следовало мне вообще соглашаться на эту свадьбу. Кроме головной боли ничего хорошего она не принесла.

Гоша маячивший за спиной Валентины довольно крякнул и приосанился, но девушка повернулась к нему и продолжила пламенную речь:

— Если ты полагаешь, что разбор полётов пройдет мимо тебя — ты глубоко заблуждаешься, Серов. Замуж за тебя я не пойду. Знаешь, хватит с меня этих всех забот, свадеб, женихов. Я устала от всех вас. За сим позвольте удалиться. Разговор окончен.

Серов не успел сообразить, как Валентина махнула рукой на прощание и как была, в его куртке и галошах, направилась к полицейской машине.

— Младший лейтенант, до города довезете? — лейтенант на удивление быстро согласился. Гоша хотел было воспрепятствовать Валентине, но потом трезво сообразил, что девушке надо время, чтобы подумать. Что же, ему несложно предоставить ей его. Главное,

чтобы думала не очень долго. Хотя, теперь спешить ему незачем. Петенька, как и он, получил от ворот поворот и сейчас, вместе со своей мамой, буравит Гошу маленькими глазками, скрытыми за оправой круглых очков.

— Тьфу, — Роза Львовна плюнула Гоше под ноги и дернула сыночку за локоть. — Пойдем Петенька. Мы тебе еще лучше невесту найдём! Мама таки обещает!

Бабушка решила налепить вареники с вишней. С той самой, всеми запомнившейся и слегка неудавшейся свадьбы, прошло больше недели. Квартиры у меня больше не было, пекарни тоже. И в Германию не уехала, так хотя бы было ясно, ради чего собственно всё потеряла. А так, как та старуха из сказки: сижу у разбитого корыта, в бабушкином доме, смотрю по вечерам бразильские сериалы, играю в шахматы с глухим дедом и помогаю бабушке по хозяйству. Не жизнь, а сплошное «удовольствие». Особенно такой деятельной натуре, как я.

— Ба, может ну её эту пекарню? Устроюсь, как все нормальные люди, в офис. С восьми до пяти, обед целый час. Никаких тебе поставок, срывов, ранних подъемов. Лепота... — прижала края теста и на доску разделочную, обсыпанную мукой, готовый вареник положила.

— Может, Валя, — пожала плечами бабушка. — Только ты мне зубы не заговаривай. Я неделю ждала, пока расскажешь мне всё. Думала, сначала, ерунда то какая, а ты ходишь тише воды, ниже травы. Не в пекарне же одной дело. Любишь его, небось?

— Да, какая разница?! Он же предал меня, Ба. Фифу себе нашел...

— Подожди. Так он параллельно с вами двумя крутил? — бабушка бросила своё занятие и села напротив меня.

— Вроде нет, — нахмурилась я. — Один раз сорвался куда-то среди ночи, но там что-то из ряда вон выходящее было.

— Так фифу после тебя нашел? — уточнила бабушка.

— Ба, да не знаю я, — в сердцах воскликнула и тесто на вареник в сторону отбросила на эмоциях. — Я уже ничего не знаю.

— Ты едой не бросайся, — шлепнула меня по руке Ба. — Жизнь — штука сложная. И каждый в этой жизни право на ошибку имеет. С тобой сильно легко, думаешь? Характер дрянной!

— Вся в тебя, — фыркнула я. И ничего у меня характер не дрянной. Хороший характер. Боевой.

— В меня. Вот именно, что в меня. Гляди внука: игра в охотника и жертву хороша, пока у охотника пороха хватает. Потом ему приходится бросать это гиблое дело. Какая бы ты независимая не была, а сердце все равно любить хочет. Если не плохой мужик, то к чему эти псевдо-страдания? Его изводишь, сама маешься. Люби, пока любит. А дальше видно будет.

— Угу. А он опять себе блонду худую найдет и поминай, как звали, — угрюмо посетовала я. С одной стороны, понимала, что бабушка права, но обида и страх, поселившиеся внутри, не давали спокойствия. Как доверять человеку, который тебя предал?

— Возможно. А может и не променяет. Не узнаешь, пока не попробуешь!

Гоша прижал начальство к стене, требуя ответа. Фигурально, безусловно, прижал. Да и Артём Михайлович не робкого десятка, чтобы сносить клевету в свой адрес. Враг он что ли, координатами местонахождения лучшего друга разбрасываться.

— Откуда они тогда узнали? — хмурился Серов, потирая переносицу.

— Я же откуда знаю, — Михалыч уселся в кресло и крутанулся несколько раз, вокруг своей оси. — Могу подкинуть идейку.

— Мне уже бояться? Все твои идейки как-то плохо для меня заканчиваются.

— Не ссы, лягуха — болото будет нашим! — патетически воскликнул Артём Михайлович и приподнялся в кресле, чтобы достать из кармана форменных брюк мобильный телефон. Нажал несколько кнопок и поднеся мобильный к уху, подмигнул Гоше. — Скороходов, скинь-ка мне номер Лизаветы.... Что значит какой? Сестры Валентины, свет, Сергеевны.... За надом мне! Выполняй. Это приказ.

— И зачем нам номер Валиной сестры? — спросил Георгий, когда Артём Михайлович сбросил звонок.

— Информация, Серов. Информация! Лизка — вот такой мужик, хоть и баба, — показал знак «класс» Завьялов и тут же отвлекся на звук входящего смс сообщения. Быстро переписал номер на бумажку и, не откладывая в долгий ящик, сразу же его набрал.

— Лизаветишна, приветшна. Это друг жениха. Сосед твой по дивану, — уточнил Завьялов, проигнорировав вопросительно вздернутую бровь Гоши. — Дело есть на миллион долларов. ...Нет, не я заплачу...Жених, естественно.

«Жених» явно с такой постановкой был не согласен. С чего он платить будет, если после Алевтины давно на мели. Выкачала, черпадро*, до последней копейки. Никогда не замечал у себя любви к иностранным языкам, но это чешское слово очень хорошо характеризовало его бывшую пассию.

— У нас возник вопрос, а ответ на него ты просто обязана знать....Как почему? Кто, как не ты?...

Гоша от нетерпения ёрзал на стуле. Почему нельзя сразу задать интересующий вопрос в лоб и не размениваться на все эти расшаркивания. Дело не терпит отлагательства. Все-таки жгучий интерес — лучший мотиватор!

— А Роза Львовна откуда узнала? — продолжал диалог Артём. — Вот как. Понял.

— Спроси: она не знает, где сейчас Валя? — попросил Серов, от нетерпения даже придвинувшись к лучшему другу.

— А Валентина, свет, Сергеевна где?...Лиза!...Кто старое помянет, сама знаешь...Какая Вы меркантильная женщина...Так это не мне! Это жених интересуется...Ага, передам.... И что м*дак передам...Обижаете, Лизавета Сергеевна, — Завьялов довольно ухмыльнулся, записал что-то на листе под номером телефона и, попрощавшись с собеседницей, протянул Серову свои записи.

— Что это? — взял Гоша бумажку.

— Адрес бабушки. Там твоя Валентина, — заулыбался, аки нажравшийся кошка, Артём Михайлович.

Гоша подскочил с места, но уже в дверях был остановлен окликом друга. Развернулся, недовольный лишним промедлением, совсем забыв, что перед тем как ехать, для начала желательно и отпроситься. Михалыч, конечно, его друг, но еще и начальник. Что не стоило забывать.

— По камерам они тебя нашли. «Безопасный город», чтоб его, — выругался Артём. — И да, можешь ехать. Чтобы без Сергеевны не возвращался! Это приказ!

— Есть, товарищ майор, — Серов шутливо отдал честь. Всегда бы такие хорошие приказы начальство отдавало.

— К пустой голове руку не прикладывают, — себе под нос буркнул Завьялов, принимаясь за работу. С этими сериальными страстями недалеко её родимую забросить. А вот отхватывать за это от вышестоящего начальства, дело малоприятное. Поэтому: «Работаем, граждане! Работаем!»

Сажу на скамейке у дома. Лук перебираю. Никого не трогаю. Птички на юг улетают, кошка наслаждается последними солнечными деньками, бабушка жарит чебуреки. Запахи настолько изумительные, что желудок последние десять минут только и делает, что напоминает о себе любимом. Дед покуривает трубку, уютившись рядышком. Этакая семейная, ничем не запятнанная, идиллия. Была...

Знакомый внедорожник увидела сразу. Вот, гад, нашел! И с чего такая целеустремленность только взялась?! То я ему не нравлюсь, жалость он ко мне испытывает, а теперь как привязанный бегаешь?! Приворотное зелье ему что ли подлил кто?! А оно глюк словило и на мне сработало. А что?! Как вариант!

Дед приосанился, наблюдая, как машина тормозит у ворот. Я наоборот сжалась, стараясь стать, как можно меньше. Вдруг, не заметит. Главное, чтобы дедуля не выдал.

— Валя, — заорал глухой дед. — Смотри, хтось приехал! Не к тебе ли, часом?

— Тихо! Нет, — постаралась слиться с окружающим пространством и со скамейки стекла на землю, присаживаясь у ног «предателя».

— Чаво? — крикнул дедушка. — Не слышу.

— Ваша внучка безбожно врёт, — Серов вышел из авто, облокотился на забор и задорно улыбнулся на все свои тридцать два белоснежных зуба. И как с таким характером удалось сохранить полный комплект?! Не понимаю.

— А... — его дед услышал. Заулыбался, закивал. — Это она может. Вся в бабу!

Такого наглого поклёпа я не смогла выдержать. Резко села обратно на скамейку, бросила на деда недовольный взгляд и тут же перевела его на Гошу. Как пить дать — спелась!

— Чего тебе, Серов? — оцетинилась я, агрессивно подбрасывая головку лука в руке. Только рискни еще что-то ляпнуть, сделаю из тебя Чиполлино! Будешь у меня мальчик-луковка!

— За тобой приехал, Серова, — парировал мне Гоша.

Я от такого заявления и про лук забыла. Подбросила, а поймать не успела. Крупная головка больно шлепнулась мне прямоком на мизинец, заставляя поморщиться от боли. Вроде, не тяжелая, а больно, зараза! Слезы на ресницах задрезжали чисто рефлекторно. Как будто я луковицу не уронила, а почистить решила. Даже в глазах стало печь.

А этот стоит за забором, дальше свой нос любопытный не сует и лыбится. Жутко захотелось эту улыбку стереть с наглой рожи.

Нагнулась, достала из ящика с луком «снаряд» покрупнее, чем тот, что обласкал мой мизинец и без предупреждения швырнула в Георгия. Мужчина такой подставы явно не ждал. Отскочил от забора на метр, потирая ушибленную луком конечность. Зато улыбаться перестал. Только кривится и брови недовольно хмурит.

— Не понравилось, сокол ясный мой? — спросила я и недолго думая, схватила еще одну луковицу. Замахнулась. Швырнула. В яблочко!

— Хоть не вилы, — философски заметил довольный дед, продолжая курить трубку.

— Валя, что за детский сад?! — сделал еще пару шагов назад, прижимаясь к теплоте

боку своего железного друга. Но меня уже было не остановить. Мне же только повод дай!

Во все имеющиеся карманы распихала новые «бомбочки», несколько штук засунула за пазуху, в лифчик, еще парочка отравились в голенище резиновых сапог и последнюю луковицу пришлось придержать подбородком, ибо руки были заняты важным делом. Они распихивали всё имеющееся добро и подрабатывали катапультой.

— Валя, — протянул Гоша.

Валя зла. Сушите весла!

Этот забег запомнит наверняка вся деревня. Кроме того, сбылась мечта Серова. Я таки бегала. Быстро бегала. Так быстро, как могла. Еще и умудрялась на бегу доставать лук и кидать его в улепетьывающего от меня Георгия.

— Это тебе за фифу, — гаркнула я, луковицей попав ему в затылок.

— Это за жалость, — еще одна попала прямоком между лопаток.

— Это за мои слезы, — в плечо!

Остановилась, перевела дыхание, запустила руку в ворот, пытаюсь выловить из лифчика припрятанное «оружие».

Стоило отвлечься на минутку, как брюнет, воспользовался моей заминкой, схватил в охапку, взвалил себе на плече и потащил в сарай, что находился в двух шагах от моей вынужденной остановки.

— Это тебе за мои нервы, — тяжелая ладонь опустилась с болезненным хлопком на мою многострадальную задницу.

— Это за то, что женой моей отказалась быть, — хлопок повторился. Я запищала, в воздухе молотя ногами.

— Это за...не придумал еще. Для профилактики! — заключительный хлопок и я лечу на стог сена.

Отползаю от нависающего надо мной Серова, но меня ловко ловят за ноги и подтягивают обратно к себе. Следом, стягивают резиновые сапоги и вытрушивают из них оставшийся лук. Пытаюсь выдрать свои личные ноги, но крепкая хватка на лодыжках, не даёт осуществить задуманное. Если я заболею после сего возлежания на сене, прибью этого гадёныша!

— Остальное доставай, — кивает подбородком на мою грудь.

— Сейчас, — фыркнула я и кукиш ему показала. Не отдам свои стратегические запасы. Меня и так бабушка метлой отходит за то, что я добро разбазариваю.

— Тогда я сам достану, — ухмыльнулся так задорно и на меня навалился. Хорошо хоть не всем весом! Оперся на локоть, а вторую руку за шиворот мне запустил, шаря наглой конечностью по груди. Я не поняла, он лук ищет или меня лапает?!

Завозилась, порываясь исхитриться и выползти из-под тяжелой тушки. Какой там! Легче танк с места сдвинуть, чем Серова. А, между тем, мне солома уже вовсю наколола пострадавшую попу, заползла за воротник кофты и кажется, непонятно каким образом, оказалась в трусах. Слишком подозрительно мне там что-то покалывает.

— Бинго, — снаряд из моего нижнего белья был найден и закинут куда-то мне за голову, но ладонь так и осталась возлежать на груди, кончиками пальцев, почти невесомо, поглаживая оную, через преграду из кружев.

— Слезай с меня, толстопопик, — скомандовала я. — Серов, мне тяжело!

— Не ври, — хмыкнул наглец, продолжая свои издевательства.

Я-то тоже не железная! Тело отозвалось возбуждением, ощутив знакомую тяжесть.

Предатель! Все меня предают, даже собственный организм. Вон как растекся под Серовым! У-у-у-у! Бесит!

— Долго я еще ждать буду? — вылетело из моего рта, что я не успела и сообразить. — Целуй, давай!

Клятвенно заявляю, что это не я! Другой человек, но точно не я. И пока этот другой вовсю лобызается с Гошей, я ору от возмущения и гнева.

Он, что думает, если попал под луковый артобстрел, то все? Искупил свою вину?! О, нет! Так просто он не отделается. Я ему отомщу! Обязательно отомщу! Вот только помогу с меня штаны стянуть и кофту задрать и отомщу. Сейчас-сейчас. Одну секундочку. Минуточку. Ай, ладно. Не буду скрывать, что соскучилась. Пусть предаваться любви на сеновале и пошло.

— Я всё равно тебе отомщу, — сказала я, отдышавшись. Где мои штаны?! Уже все ноги этим сеном исколола.

— Угу, — промычал Гоша, выбирая из моих включенных волос солому. — Придумала уже как?

— Естественно, — приняла сидячее положение, одернула кофту и взглядом просканировала пространство, в поисках штанов. Ау! Штаны!

— Не хочешь меня посветить? — спросил Гоша и подал мне искомый предмет гардероба. Так и знала, что припрятал где-то у себя. Он же жук еще тот! — В ход пойдет картошка? Или помидоры? Еще яйца можно!

— Ха-ха. Смешно, — с сарказмом протянула я, одеваясь. — Я за тебя замуж выйду. Да, да! Лучший способ тебе отомстить! Будешь меня всю свою долгую жизнь терпеть. А если попробуешь найти себе какую-то еще фифу — привяжу тебя к кровати и не буду выпускать. Вот! Чтобы больше неповадно было.

— Ты сейчас серьезно? — приподнялся на локтях Серов.

— Конечно. Возьму у Артёма Михайловича в аренду наручники, прикую твои руки к изголовью кровати и буду измываться. Эка благодать.

— Я не о твоих эротических фантазиях, — отмахнулся Серов. — Валя, посмотри на меня.

Я повернулась и сделала, как меня просили. В глаза посмотрела, ресничками похлопала, будто не понимаю, к чему он клонит.

— Ты правда согласна выйти за меня замуж?

— В принципе, если хорошенько подумать, пораскинуть мозгами, вывести общие знаменатели... — начала я, но меня тут же заткнули страстным поцелуем.

— Ой, все, женщина! Ничего у тебя больше не спрошу, так и знай. Молча возьму и женюсь. А чтобы не вякала, рот скотчем заклею, — прервался Георгий, чтобы расписать мою дальнейшую судьбу.

Я в долгу не осталась, нащупала, чисто случайно, рукой луковицу, цапнула Георгия зубами за нижнюю губу и пока он, оторвавшись от меня, открыл рот, дабы заорать, сунула ему приготовленный снаряд прямо в рот. Ибо нечего мне угрожать! Сами с усами!

*Черпаadlo — в переводе с чешского "насос"

Глава двадцать первая

Бабушка, завидев растрепанных, но не менее довольных нас, стала шустро накрывать на стол.

Серов светился, подобно новогодней елке в центре Москвы, сжимая мою ладонь в своей большой руке и отказываясь отпустить её даже на секунду. Я тоже светилась, но менее ярко, то и дело смущенно отводя взгляд и наблюдая за всеми перемещениями Ба.

— Валя, нечего тут барышню на выданье строить. Помогай, давай, — шлепнула меня полотенцем бабуля. — Улыбаются они! Сейчас пойдете лук по всей деревне собирать. Такой позор на мою седую голову.

Мы покаянно опустили голову, но не удержались и переглянувшись, вновь заулыбались. Как дети малые, ей-богу!

Бабушка причитала, и я решила все же не нагнать и помочь хозяйке приютившего меня дома. Аккуратно высвободила руку из хватки Гоши, чмокнула его в нос, увернувшись от полноценного поцелуя и побрела за бабулей, не обращая внимание на недовольное сопение своего спутника. Не нравились мне явные проявления чувств на людях. Счастье тишину любит.

Бабушка недовольно цокала языком, раздавала указания и всю носилась по маленькому дому, собирая к столу всё съестное. Дед появился через минуту, поставив на стол бутылку самогонки. Добротной. Своей.

— Ну, хлопец, — крикнул дед, усаживаясь по правую руку от Гоши. — Говори, какие планы на нашу Валентину имеешь. Она у нас девка шо надо.

— И шо не надо, — тихо буркнул Гоша.

Дед не услышал, но зато хорошо услышала я. Влепила язве желудочной подзатыльник и дальше стала на стол накрывать. Да только локаторы свои распустила, прислушиваясь к мужскому разговору.

— Жениться хочу, — потирая затылок сказал Георгий и чуть тише добавил: — Если доживу, такими темпами.

Прищурилась и вилку вперед выставила. Не бойся ножа, а бойся вилки! Один удар — четыре дырки!

— Чавой? — переспросил дед и к уху ребро ладони приставил, придвигаясь к Гоше.

— Жениться, — крикнул ему Серов на ухо.

— Топиться? — нахмурился дедуля.

— Жениться. Свадьба. Кольца. Дети!

— Йети? Не, нет у нас Йети! — отрицательно покачал головой дедушка.

— Замуж Валя выходит, старый ты пень! — воскликнула бабушка.

— А, — протянул дед. — Да, свататься надоть.

— Вот вечером и приводи сватов! — выдала бабушка.

Я от такого заявления прямо и села. Хорошо, что стул оказался под попой. Иначе сидела бы я на полу удивленная, ртом воздух, как рыбка, глотая.

— Надо сваты? Будут сваты! — пожал плечами Гоша и подмигнув мне, стащил с блюда чебурек. Что-то я совсем не разделяю с Серовым его оптимизма.

— Вот и замечательно, — крикнул деда и откупорив самогонку, стал разливать ее по двум стаканам. Георгий потянулся было к одному, но дед его ловко перехватит и придвинул

к себе.

— А тебе нельзя. За сватами ехать, — пояснил дедуля и залпом выпил граненый стакан самогона. — Наконец-то! Еще одну сбегрю!

Пришлось Гоше в спешке обедать, чтобы затемно успеть привезти сватов. Я вышла его проводить, наблюдая, как мой жених (сама в шоке), садится в автомобиль.

— Не успеешь соскучиться? — лукаво спросил Гоша, держа в ладошках моё лицо и оставляя на нём легкие поцелуи.

— Не успею. Не дождешься. — хихикнула я, пытаюсь увернуться от настойчивых губ. — Ну, всё! Поезжай!

— А ты чем займешься без меня?

— Чем-Чем?! Лук пойду собирать, — буркнула я.

Гоша заржал, покачал головой и сев в машину, уехал, оставляя после себя клубки пыли.

Прокашлялась и вздохнув, действительно пошла собирать злополучный лук. Смешно ему, видите ли. Кстати сказать, он виновник моей несдержанности и потери зимних запасов овощей. Не найду все свои «снаряды» придется бабушке мешок лука покупать. А с чего его, спрашивается, покупать?! Если я гол, аки сокол! Еще и безработная. Мечта, а не невеста!

Так возмущаясь и кляня на чем свет стоит свою вспыльчивость, я ходила по деревне в поисках потерянных луковиц. После, уставшая, запыхавшаяся и злая, ибо почти ничего не нашла, я ввалилась домой. Это же сколько дури надо иметь, чтобы так швырнуть маленькую луковичку?! Хорошо, что не додумалась весь ящик истратить на Серова.

Кстати, о птичках....

Нашла свой смартфон и набрала номер Лизаветы Батьковны. Такие новости, а она не знает! Непорядок!

— Только не бей, — послышалось на том конце провода. — Он так просил, так просил. А мужик то хороший. Стоящий. Чего ломаться?!

— Ты о чем? — нахмурила я брови.

— А ты, разве, не звонишь мне пригрозить ноги выдрать с корнем и спички, вместо них вставить? Ну за то, что я Серову твоему выдала, где ты находишься?!

— Так это ты ему сказала? — недовольно протянула я. Еще одна предательница! Куда не глянешь-вражины одни.

— Упс, — виновато пикнула сестренка. — Спалилась.

— Ладно. Черт с тобой, диверсантка! Приезжай с Романом Игнатьевичем сегодня к бабушке. Серов свататься надумал, — поделилась я главной новостью.

В срочном порядке пришлось отодвигать телефон от уха, чтобы не повредить пискком Лизаветы свои барабанные перепонки. Она не так визжала, когда ей предложение делали!

— Всё, Валя! Мне некогда! Я пошла платье на твою свадьбу выбирать! И на сватовство! И на выписку из роддома! И на крестины! И на... — она продолжала тараторить в трубку, но я предпочла не слушать бред белой горячки. Вот и пропустила тот момент, когда Лизавета вызов скинула. Видимо, Рома мне сегодня сделает выговор с занесением в личное дело. Бедная его банковская карта! Бедная я!

Бабушка закатила в дом огромную тыкву с огорода, вытирая пот со лба и простонав разогнула скрюченную поясницу.

— Ба, ну зачем ты?! Я бы сама принесла! Или Гошу бы дождалась, — подскочила к своей старушке, помогая ей доковылять до ближайшего стула.

— Так я это для твоего Георгия и приготовила, — всплеснула руками бабуля. — Если

передумаешь — гарбуз ему выкатишь!

— Какой гарбуз? — не поняла я.

— Вот этот, — бабушка ткнула пальцев в тыкву и улыбнулась: — А согласна ежели, я каравай испекла. С солью, на рушнике вынесешь.

— Ба, — хотела было начать я, но споткнулась о её прищур.

— Не спорь. Вечно ты спорить горазда. Ей слово, она два поперек. Дух противоречия родился раньше, чем ты, — возмутилась бабушка и встав с места, указала скрюченным артрозом пальцем на добытый с таким трудом овощ. — Тащи на кухню. Да побыстрее. ЖОних твой скоро прискачет.

Если хотите знать, как раз таки «жоних» мой и запаздывал. Сначала в тесный, но не менее уютный домик, завалилась Лизавета, таща на буксире Романа Игнатьевича. Как только успела и магазины обнести, и приехать раньше всех. А то, что магазины пострадали от набега этого татаро-монгола, я не сомневалась.

Затем к бабуле пожаловали мои довольно-таки тихие и бесконфликтные родители. Как у таких спокойных людей, могли уродиться, две такие бестии, уму не постижимо?! Если бы не бабуля, совсем бы потерялась в догадках. А так хоть есть живой пример перед глазами!

Деревенский дом стал напоминать растревоженный улей. Стрекозой бегала Лизка, силясь влезть и помочь родительницам. За что тут же получала, ибо помощь от Лизаветы минимальная, а вред колоссальный.

Странное дело, но пока услышала звук подъезжающего авто, успела себя накрутить до страшно нервного состояния. А вдруг он передумал? А вдруг опять обманул? А что если встретил очередную блондинку на дороге и передумал жениться?!

Глянула волком на Лизку в коротком платье и еще сильнее пригорюнилась. Мои выдавшие виды джинсы, пережившие сеновал и кофта, совсем неподходящее одеяние. Хлопнула себя по лбу, вспоминая, что где-то у бабушки оставалось моё летнее платье и остаток времени провела прихорашиваясь перед зеркалом.

Что хорошо вскоре входная дверь сотряслась от громкого стука и не дожидаясь приглашения, в дом ввалилась компания, состоящая из Завьялова, в папаше, Серова с шашкой и Илюши. Благо последний никакую казачью атрибутику не захватил.

— У Вас товар, у нас купец, — заголосил веселый Артём.

Воздух, в знак солидарности, рассекла шашка. Лизавета отскочила и спряталась за спиной хохочущего мужа.

— У Вас курица, у нас лиса, — продолжил Артём.

Я возмутилась. С какой такой радости, я курицей стала?! Сейчас кто-то тыквой по черепушке отхватит и поминай, как звали!

— Ай, — зашипел товарищ майор. Правильно, Гошенька! Так его, родимый! Ты только посторонись, и я тоже добавлю, чтобы честных девушек курицами не обзывал.

— У вас бронепоезд, у нас Потёмкин! — включился Скороходов.

— Коктейль что ли? — удивилась Елизавета, выглянув из-за плеча благоверного. Прав был Артур Пирожков. Несмотря на милое личико-алкоголичка!

— Лиза, — укоризненно протянула мама, в один голос с бабушкой. — Не мешай!

— Мы это, — Завьялов виновато пожал плечами, поправляя папаху на голове. — Забыли на чём остановились!

— На коктейле! — любезно подсказала Лиза.

— Лиза! — на этот раз, к всеобщему возмущению и я присоединилась. Такими темпами

мы от порога и на миллиметр не сдвинемся.

— Загугли, — предложил Серов другу. Артём Михайлович выставил указательный палец вперед, подтверждая загорание идеи в своей голове и полез за телефоном.

— Вы чего, наклюкались? — выдала я свои подозрения.

Братцы — кролики переглянулись и показали, держа указательный и большой палец близко друг к другу, жест, обозначающий «чуть-чуть».

— А за рулём кто?

— Он, — единодушно ткнули в Илюшу.

— Я трезвый, — подтвердил Скороходов, быстро кивая головой.

— И я, — протянула грустно, спрятавшаяся Лизавета.

— Спектакль окончен! — возвестила я, привлекая к себе внимание. Вытащила приготовленный каравай и торжественно всучила Гоше, отобрав шашку. Какой только музей грабанули?!

Хотела было, проучить и выкатить бабушкину тыкву, но решила, что шутку Серов не оценит. Да и тыква тяжеленная, пока дотащишь всё на свете перехочешь.

— Горько! — заорал на ухо Артём Михайлович.

Остальные подхватили нестройным гулом. Гоша немедля притянул меня к себе. Так мы и целовались. Он с караваем, я с шашкой. Надеюсь, бабушка в своих чертогах разума никакую поговорку на этот случай не найдет.

— Ромашка, — услышала я голосок сестры, краем уха. — А почему ты ко мне не сватался?

— Чтобы ты мне тыкву не выкатила, — хмыкнул Роман Игнатьевич.

— А я бы выкатила, — задумчиво протянула Лиза.

— А я знаю, — вторил ей Роман, посмеиваясь.

Нет, все-таки повезло Лизке с мужем. И мне повезло. С будущим, пока что. Но куда он теперь денется?! Бизоновы — своё не отдают!

Раз — и ты в белом платье, два — в моих объятьях... Дальше я не помнила, но было не суть важно. Эта свадьба была намного лучше предыдущей. Платье было подобрано исходя из моих вкусов, вместо сложной конструкции на голове — распущенный и завитые волосы, лишь у висков подобранные красивыми белыми заколками, в виде крылышек. Туфли на порядок удобнее. А главное: жених! Мой, родной, любимый.

Где-то на задворках играла незабвенная Сердючка, но сейчас она меня не раздражала. Наоборот, от развеселого мотива ноги несли в пляс и Лизе приходилось постоянно шикать на меня, чтобы я не угробила свадебное платье. Но как не плясать, если все мною задуманное, еще тогда лежа на холодном полу в банке, сейчас сбывалось. Как в сказке! Пришла волшебная фея, нафеечила и вот я в белом платье. Осталось совсем немного и буду в его объятьях. Все как в песне. Может, к радости, что феей и по совместительству кузнецом своего счастья, являюсь я сама. Ну их этих фей! Одни неприятности! Еще наколдует не то, а мне расхлебывать.

— Готова? — спрашивает Лиза, поправляя коротенькую фату.

— Не знаю. Страшно как-то. Хорошо, что мои выкуп не затеяли. Гоша грозился снова меня украсть, если родичи устроят шоу на лестничной клетке.

— Серова уже никто не переплюнет, — хохотнула Лиза. Впервые, почти за всю свою жизнь, я была с ней солидарна.

Состояние эйфории не растворилось и по дороге в ЗАГС. Я исподтишка щипала себя за руку, пытаясь уверовать, что не сплю. И все это лишь не плод моего подсознания. Вот открою глаза, а там никого. Я снова у бабушки, Гоша плюнул на все и решил меня не возвращать, а может, давно, не вспоминает, счастливо коротая дни с блондинистой фифой. Со всей серьезностью заявляю: отныне у меня аллергия на блонд. Жаль, конечно, придется сестру перекрасить, но все это ради семейного счастья. Не иначе.

— Дорогие брачующиеся, — протянуло гундосо регистратор в ЗАГСе. Их что всех так разговаривать учат?!

— А можно сразу к моменту с поцелуями? — предложил Серов.

— Нет уж! Я тебя терплю, вот и ты терпи! — качнула отрицательно головой.

— Кто еще кого терпит? — возмутился Георгий.

— Брейк, молодожены! — влез между нами Завьялов и повернувшись к работнику ЗАГСа предложил: — А, давайте, сразу на обмен кольцами! Иначе они двадцать раз переругаются.

— Так может и женить их не надо? — не уверено протянула женщина.

— Надо, — тут же спохватились мы с Гошей.

Ходить еще несколько месяцев со своей фамилией я не планировала. Совсем скоро родиться наш Коленька. Так что, дело не терпит отлагательств. Сыночек у меня обязан быть Серовым!

Сыночек, пошатываясь, словно маленький медвежонок, на своих пухленьких ножках, делал первые шаги по зеленой траве, в саду нашего нового дома. Большой двухэтажный из серого камня был воплощением моей самой смелой фантазии. Основательный и крепкий, надежный оплот для нашей, совсем еще молодой, но храброй ячейки общества.

— Коленька, иди к маме, — я распростерла объятия, и мой маленький богатырь, все так же шатаясь со стороны в сторону, дошлепал ко мне, падая попой на травку. Моё счастье сероглазое.

Серов Николай Георгиевич родился крупным парнем. Почти пять килограмм живого веса. С серыми глазищами и черным чубом, как у отца. Медсестры шутили, что такого крупного мальчика им пришлось принимать впервые. Я лукаво добавляла, что родители у него тоже не маленькие. Особенно папа. Серов так вообще ходячая гора. Говорила же, что шикарный генофонд?! Говорила!

Наш шикарный папочка извел всю больницу своими приливами поступающей паники. Бегал, как заведенный, по больнице, до икоты пугая акушеров своими горящими глазами. Они всяких папаш видели, но наш произвел неизгладимое впечатление.

Я благодаря этому самому впечатлению и оказалась его женой. Ну невозможно, ведь, устоять! Весь такой сильный, красивый, большой и мой!

— Па! — возвестил Коленька и я обернулась.

К моему большому сожалению, именно «па» — было наше первое слово. Как я тогда рыдала, не могу рассказать. Взахлеб просто. Все почему? Потому что я его в муках рожала, девять месяцев под сердцем носила, ночей не досыпала...А он мало того, что вылитый папаня, так еще и первое слово своё ему посвятил. Обидно же! Вот так и рожай детей, чтобы потом получить подставу.

— Собирайся, — Серов уселся на траву возле нас и потрепал Колю по щечке.

Ребенок довольно запищал, кое-как встал, опираясь на ручки и поднимая тяжелую попу кверху, и стал карабкаться по отцу, счастливо улыбаясь беззубым ртом.

— Куда это? — улыбнулась я, пригладив непослушные волосы сыночка. Могла бы, затискала эту сладкую булочку, но мы, с самого детства, серьезные мужики. И не терпим этих телячьих нежностей. Хоть мамка вечно пытается урвать лишней поцелуй сладкой щечки. Ох, уж эта мамка!

— Сюрприз. Давай быстрее. Я Колюню отвлеку. Да, бандит? — Серов схватил хохочущего карапуза и стал подкидывать в воздух. Пришлось ретироваться, пока сердце не остановилось при виде этой картины. Я стала слишком впечатлительной, после рождения Коли.

Любопытство — моя характерная черта. Именно из-за нее я одевалась и красилась быстрее света. Покидала в сумку сменную одежду сына, бутылочку с водой и всякие нужные при прогулке в таком возрасте прибабасы.

Муж партизанил всю дорогу. Апофеозом стало его требование завязать глаза плотной лентой. Это что за замашки юного БДСМщика?! Никогда не замечала за ним таких склонностей. Разве что по попе шлепнуть, да ущипнуть ее многострадальную. Покоя она ему не давала, видите ли.

Послушно завязала глаза, стараясь сильно не возмущаться. Сюрпризы — это хорошо.

Сюрпризы я люблю. Особенно если сюрпризы приятные, а главное — нужные! Я человек практичный.

Авто остановилось. Гоша помог мне выбраться из своего «сарая», как я привычно называла его огромный внедорожник и под веселое улюлюканье Коли, куда-то повёл. На реакцию сына не стоило уповать, он всему радуется. Очень жизнерадостный, хоть и упрямый ребенок. Тут, правда, претензии к производителям. Характеры у нас с Серовым были не из легких. И вспыхивали мы оба мгновенно, но со временем научились сглаживать все острые углы. Ради нашей любви, ради нашего сына.

— Сюрприз! — оклик был многоголосный. Сорвала с глаз повязку и обомлела. Возле входа собрались все родственники, друзья. А за их спинами, горя миллионами ярких огней, висела вывеска: «Плюшки от Валюшки».

— Это теперь твоя пекарня, родная, — Серов положил свою руку мне на талию, притянул меня к себе и в висок поцеловал. — Спасибо, что ты у меня есть.

— Гоша, но... — я не могла совладать со своими эмоциями, клокочущими внутри. — Это же столько денег...

— Пришлось взять кредит, — пожал плечами. — Я давно хотел это сделать, но сначала дом, потом рождение Коли. Все не было времени заняться вплотную этим вопросом.

— Спасибо, — я некрасиво заплакала, прикрывая рот ладошкой. Это многое значило для меня. Было моей жизнью, пока я не встретила Серова. И пускай мне довелось потерять свое детище, но сейчас оно ощущалось в миллион раз сильнее. Будто кто-то невидимый протянул к дверям пекарни, моей пекарни, невидимую пуповину, связывающую нас навеки.

— Значит, путь к сердцу мужчины, все же, лежит через желудок? — лукаво уточнила я, немного успокоившись. Не зря же он мне подарил пекарню!

— Путь к сердцу мужчины, лежит через любовь, понимание и доверие, — улыбнулся Гоша, целуя меня в макушку и умащивая на ней свой подбородок. — И по-другому быть не может...

Больше книг на сайте - Knigoed.net